

Музакоза (Муза Константиновна Заслонова)

«ФАМИЛИЯ»

(Игры 20-го века. Свидетельство очевидца.)
Документальный роман.

Вместо предисловия.

Большая Советская энциклопедия 1953г.

«Заслонов Константин Сергеевич (партиз. кличка Дядя Костя 1909-1942г.)
Выдающийся руководитель партизанской борьбы в Белоруссии во время Великой Отеч. войны 1941-1945г. Герой Сов. Союза. С начала Великой Отеч. в. участвовал в обеспечении перевозок войск Западного фронта, эвакуации на восток людей и заводского оборудования. Когда фашисты захватили Оршу, З. ушёл в партизаны и организовал отряд. По указанию штаба руководства партиз. движением, З. отправился в Оршу и зарегистрировался на бирже труда. Немцы, остро нуждавшиеся в ж.-д. специалистах, назначили его начальником паровозного депо ст. Орша. Осенью 1941 в трудных условиях фашистской оккупации и неослабной слежки со стороны фашистского гестапо группа советских патриотов во главе с З. искусно организованными диверсиями парализовала паровозный парк и весь ж.-д. узел ст. Орша. Когда подпольная деятельность стала известна гестапо, он укрылся в белорусских лесах, где объединил мелкие партиз. отряды и стал командиром Оршанской партизанской бригады. Осенью 1942 партизанская парторганизация приняла З. в члены ВКП(б). 14 ноября 1942 З. пал смертью храбрых. Совет Народных Комиссаров Белорусской ССР в ноябре 1945 постановил соорудить З. памятник в г. Орша. Героический образ З. запечатлён в кинокартине «Константин Заслонов» и в одноимённой пьесе А. Мовзона.»

Белорусская энциклопедия. 80-е гг.(перевод с бел.)

Заслонов Константин Сергеевич (партиз. кличка Дядя Костя 7.1.1910 г.Осташков тверской обл. Россия 14.11.1942) один из организаторов и руководителей

парт. подполья и партиз. движения в годы Вел. Отеч. войны. Герой Сов. Союза (1943). Окончил профес.-технич. училище в Великих Луках(1930). С 1939 нач. паровозного депо ст. Орша. В сентябре 1941 в Москве сформировал из железнодорожников партиз. отряд и в октябре перешёл с ним линию фронта. Устроился на работу в Оршанское депо. Организовал и возглавил несколько диверс. групп, которые вместе с подп. группами Оршанского патриотического подполья парализовали работу ж.д. узла. С февраля 1942 командир партиз. отряда, с июля 1942 – бригады. Организовывал диверсии на железной дороге, возглавлял боевые действия против врага на тер. Оршанского, Богушевского, Лиезненского, Сенненского и др. районов. Погиб во время Куповатского боя в 1942. В Орше создан мемор. Музей З. В Орше, Сенно и на месте гибели З. поставлены памятники.»

ГЛАВА – 1.

"Витебск. Дальний Восток. Витебск.Начало 30-х. 20-й век."

«Кали б не тое, ды кали б не сёе, дык й не было б и гэтага!»

(Поговорка, услышанная автором на Витебщине.)

Теснота ужасная – удушающая, неодолимая! Это какой-то вагон, во всяком случае так иногда кажется. Народу набито, что сельдей в бочке и запах соответствующий – протухшей селёдки. Лица сливаются в одно, искажённое гримасой то ли отчаяния, то ли ненависти, то ли ужаса.

Растекаются, словно часы на картине Дали. Разъявленные бесформенные рты вопят, рычат, воют, поют, нюют, канючат... Этот гул – он одновременно и воздух. Не воздух, а какая-то серо-коричневая субстанция, обволакивающая, заползающая в рот, нос – до самого мозга!

Давящая, прижимающая голову к животу, заставляющая тело скорчиться, сжаться, свернуться до положения зародыша...

Эй! Эй! Дальше ни слова! Хватит пугать читателя! Еще подумает, что эдакими ужасами я буду пичкать его все предстоящие несколько сотен страниц! Ни в коем случае! Уважаемый читатель, примите это, как попытку заинтриговать, сходу огорошить. Как шутку из области чёрного юмора... Однако! Однако каждой шутке есть обоснование – есть и в данном случае. Дочитавшему до конца эту главу станет ясно, с чего это потянуло меня так устрашающе шутить. И тех, кто решится чтение продолжить, хочу заверить, что больше пугать не буду, наоборот, поведу рассказ в духе самоиронии и какого-никакого юморка, иногда светловатого, иногда черноватого. В такой манере было принято у нас в семье общаться друг с другом. К примеру. Ударю, допустим, коленку. Реву. Бабушка, нет чтобы пожалеть, подуть, погладить, посюсюкать, как это делают в других семьях, спрашивает: «Кто тебя?» И сама же нарочито слезливым голосом отвечает: «Са-ам себя-а!» Мол, сама виновата и нечего реветь. Вот я и хочу в этих записках воспроизвести атмосферу нашей семьи не только пересказом событий, но и тональностью.

Признаюсь, я очень долго искала, как же мне выстроить эти записки. Испробовала все на свете стили. Даже в патетику ударялась. Испишу чуть не белым стихом эдак страниц 15-20 – нет! Не то! Попробовала, было, живописать в традиционной классической манере. Но, работа тогда затянулась бы лет на 15 и в результате – дай Бог терпения и умения! – родилось бы несколько томов, каждый на пару тысяч страниц. Сейчас такое никто и читать-то не станет! Нет, от классики тоже пришлось отказаться! Опять не то! И всё же один кусочек из того, что сотворила тогда, приведу. Описание встречи, с которой всё началось, и для них и для меня, конечно же! ИХ ВСТРЕЧИ! Мне всегда казалось, что я видела эту сценку своими глазами.

«Парнишка переминается с ноги на ногу. Сам себе удивляется: «Надо же! Стесняюсь!» Она, напротив, напустила на себя неприступно-равнодушный вид, хотя ей нравится, **ОЧЕНЬ ПРАВИТСЯ**, что парень так мается из-за нее. **ИЗ-ЗА НЕЁ!** Старательно просматривает блоки еще не разрезанных талонов на столовое питание, вчитываясь в стандартную надпись на каждом – «Обед – 1 чел.», «Ужин – 1 чел.» – до того внимательно, будто на каком-нибудь неожиданно может обнаружиться зашифрованная формула бессмертия или, хотя бы, небольшого земного счастья! Низко склонилась над своим рабочим столиком, длинные русые косы кончиками подметают пол. Не удержалась, стрелнула мимолётным взглядом на парня, тут же глаза опустила и увидела его ботинки – стоптанные, латанные-перелатанные, которые всё топтались и топтались на месте. «Ещё на косу наступит!» – подумала и откинула обе за спину. Передёрнула плечиками. Он смутился еще больше. Отвёл глаза. На стене над её головой висели часы. Простенькие такие, дешёвые стандартные часы. Стрелки показывали без пятнадцати два и весь циферблат смахивал на хитрую рожицу, которая кривовато подсмеивалась-подначивала: «Что же ты – с девушкой познакомиться не можешь?!» Тогда он наконец решился. Каким-то не своим, хриплым от волнения голосом сказал: «Меня зовут Костя...» Ей на миг показалось, что солнечные блики, падавшие из окна на край её маленького столика, на стопки аккуратно разложенных талонов стали вдруг ярче, ожили, заиграли, переливаясь!..»

Понятно же, что я никак не могла видеть эту сценку, она нарисовалась в моём воображении, благодаря нашим с мамой походам в то самое депо, когда мы вечером носили папе обед, если он работал во вторую смену. В столовке в это время подавали только чай. Мы располагались за пустым столиком и ждали, пока папа покушает, чтобы забрать посуду. Народу почти никого и смотреть особенно было не на что. Я со скукой рассматривала выкрашенные зелёной краской, измазанные на уровне человеческого роста промазучеными спецовками работяг стены, да

круглые часы на одной из них, наверняка, оставшиеся ещё со времени их знакомства. Эта картинка накрепко засела в моей памяти. А когда, уже гораздо позже, мама рассказала, как они познакомились, мне показалось, что я сама присутствовала при этом.

И вот что ещё удерживало меня от подражания классикам – ЩЕПА! Да! Древесная щепка, плавающая в водовороте мутной воды. Она так и стоит у меня перед глазами. Картинкой этой начинается гремевший в начале пятидесятых роман нашего классика Михася Лынькова – «Незабываемые дни». Литературный герой романа носит имя – Константин Заслонов. Но, только имя и всё! Ничего от настоящего Константина Заслонова в нём нет. Герой полностью придуман в соответствии со стандартами того времени, положенными присутствовать в образе героя. Помню, с каким сердечным трепетом я начала читать! На одном дыхании проглатываю сцену эвакуации, где впервые появляется литературный Заслонов. Паника на переправе. Бомбёжка. Мост раздолбалю в щепки. Люди кидаются в воду, пробуют перебраться вплавь, волоча за собой пожитки. И В МУТНОМ ВОДОВОРОТЕ КРУТИТ ЩЕПУ. Нарисовано так ярко, так убедительно и я, школьница, сразу прониклась безграничным доверием ко всему, что узнавала от страницы к странице. Вот, оказывается, каким ОН, папа мой, был! Дальше-больше, и вдруг, где-то ещё до середины романа начал он похаживать к какой-то учительнице, а уже с середины – любовь у них закрутилась! Но как же то письмо, что переслал он нам из-за линии фронта, в котором уверял, что любит нас и только нас – сестрёнку, маму и меня?! Позже Лыньков приходил к нам, извинялся, объяснял, что получил задание от ЦК КПСС в наикратчайший срок написать роман о НАРОДНОМ ГЕРОЕ. Времени не было выяснять, какие там у этого героя дела семейные, однако, нужно было привнести в описание бомбёжек, выстрелов и взрывов толику лирики. Вот он и «увидел» своим творческим воображением любовь героя и юной учительницы. Нам потом эта его придумка не раз боком выходила, и об этом я ещё расскажу в своё время, а пока, вот к чему клоню. Вспомнив тот случай, я категорически отказалась от живописаний «мысленно увиденного». Рассказывать буду только то, что услышала от очевидцев или чему была очевидцем сама – правду, единственно правду! Не ручаюсь, что записки получатся на высочайшем литературном уровне, но, что будет интересно – ручаюсь! Очень трудно жилось и отцу, и маме, и мне, и сестрёнке но, прокручивая в памяти наше житьё-бытьё, с удивлением вдруг обнаруживаю – ИНТЕРЕСНО! Правда-то, оказывается, гораздо интереснее выдумки, пусть даже гениальной!

Эта глава будет построена в основном на воспоминаниях мамы. У нас не принято было вести какие-то специальные беседы. Вот так усесться друг напротив друга: «А теперь я тебе расскажу...» Нет. По ходу жизни мама вспомнит что-то, связанное с возникшим вдруг случайным моментом и так, между делом, расскажет. Помню, смотрим по телевизору фильм «Раба любви» и мама неожиданно говорит: «Боже! Как на батьку нашего этот актёр похож! И лицо, и осанка, и разговаривает точно как он... и голову так поворачивает!» Имелся в виду актёр Нахапетов. Таким манером мама пересказала мне всё, что опишу теперь в этой главе и я.

Итак. Он назвался: «Костя... Костя Заслонов». А она в ответ: «Рита». Пококетничала. Это имя казалось ей романтичнее собственного – Раиса. Он, кстати, так потом и называл её всю жизнь – Рита, Ритуся.

Троих фабзайцев (так прозвали учеников ФЗУ – фабрично-заводского училища) Костю Заслонова, Митю Постылева и Сашу Непряхо направили из Великих Лук на производственную практику в качестве помощников слесаря по ремонту паровозов в Витебское депо. Фабзайцам полагалось бесплатное питание в столовке. Талоны на питание выдавались по списку тут же в столовке у входа и выдавала их... Ой! Выдавала их такая красотища! Представляю, как колотилось сердечко у каждого из этих троих, когда принимали из её рук бумажные квадратики, обеспечивающие им более-менее сытное существование. Вниманием противоположного пола мама пользовалась всегда. Вон ей сейчас 86, а глаза до сих пор молодые, огромные серо-зелёные, а в 16-то лет наверняка были сплошным изумрудом! Плюс ещё румяные щёчки на классическом овале, ровненький носик, зубки, как дольки чеснока один к одному и две русые косы ниже пояса с завитушкой на конце. Она сразу заметила – все трое теряются в её присутствии, краснеют, заикаются начинают. Ей приглянулся самый высокий – Митя Постылев, но первым пригласил в кино невысокий крепыш – Костя Заслонов. Очень хотелось посмотреть нашумевший фильм. Пошла. Назавтра на этот же фильм приглашает Митя. Как узнал, что уже ходила с Костей, тут же

отступился. Мужская дружба превыше всего! Значит теперь это Костина девушка и всё тут! А она как-то не задумывалась особенно, не планировала. Костя так Костя. Не подозревала, что это уже на всю жизнь! Привыкла к поклонникам. Всегда, с самого первого класса обязательно рядом кто-то вертелся. Мальчишки старшеклассники поджидали после уроков с саночками, чтобы отвезти домой Раечку-ранеточку, так прозвали её из-за румянца. Она не задумывалась, а он ещё как задумывался! Каждый день, как телохранитель, с работы через станционные пути до самого её домика в Кондукторском переулке провожал. Дорога недалёкая. Депо из окошек видать, но вот поджидал, провожал! Однажды встретил их на путях её дядя, дядя Лёня, тоже железнодорожник, как и многие в родне. Не подумав, неумно пошутил: «Вот Ритусь и Кастусь – малыши. Поженятся и пойдут у них детишки – лилипутики!» Всё! Она стала убегать с работы через кухню, пока тот ждал её у дверей столовки. Но парень оказался упрямый. ОНА и только ОНА! Придумал! Вместе с ним в Великолукском училище железнодорожного транспорта учился её старший брат – Володька. Вот Костя к нему и подступился: «Возьми на квартиру! Нет мочи в вагончике жить!» Володька даже обрадовался, что может однокашнику какую-то услугу оказать. Он считал себя до какой-то степени Косте обязанным, потому что тот не раз защищал его от старшекурсников. Почему-то, может кто в роду затесался, а может просто игра природы, только внешне Володька выглядел стопроцентным еврейским мальчиком и был постоянным объектом издевательств для верзил постарше. Бывало кинет какой-нибудь малец-удалец клич: «Айда Мойше банки рубить!» Затащат щупленького парнишку в тёмный угол и на спине или животе одной рукой кожу оттянут, другой эту кожу выбивают-вырубают, чтобы получались синяки, как после медицинских банок. Общежитие здание небольшое. Володька орёт, а Костя услышал, бежит, на ходу кричит, стыдить начинает, мол, страна строит светлое будущее, где все народы будут братьями, а вы!.. Бывало, на удивление, помогало! Лозунги в те времена обладали магической силой. То было время лозунгов. Такие красивые, яркие. Многообещающие! Они будоражили кровь, заставляли сердца молодых, особенно молодых, биться в ритме революционных песен, построенных, опять же, на лозунгах. «Мы свой, мы новый мир построим! Кто был ничем, тот станет всем!» «Социализм это – советская власть плюс электрификация всей страны!» Как красиво, как близко! Стоит лишь поднапрячься! «Кто не работает, тот не ест!» Всё в твоих руках! Стоит лишь поднапрячься! «Наш паровоз вперёд лети! В коммуне остановка!» Стоит лишь поднапрячься! Я проштудировала газеты того времени – такое впечатление, что даже в быту люди разговаривали лозунгами. Короче, Костя защищал, кстати, не только Володьку. Как рассказывали мне бывшие его деревенские соседи, такая была у него натура – всегда вступался за слабых даже если из-за этого и самому доставалось. Возможно именно в нём, в Косте Заслонове, сконцентрировался весь сгусток родового предназначения, обозначенного фамилией: ЗАСЛОНЯЙ! ЗАЩИЩАЙ!

Но, вернёмся к тем дням. Анна Захаровна, мамина мама, а моя, естественно, бабушка, как раз квартиру сдавала. Была в домике комната с отдельным входом. Они очень нуждались с той поры, как умер в восемнадцатом году отец семейства Алексей Николаевич Сапунов. Машинист, он где-то в дороге подхватил чёрную оспу. Благополучно перенёс её. Мало того, ни одной щербинки на лице не осталось. Красавец мужчина, ловелас-гулёна, каких свет не видывал, он в последние дни болезни, когда оспяные бляшки начинают страшно чесаться, потребовал, чтобы руки привязали к кровати. Подвывал от нестерпимого зуда, но красивого лица своего не испортил. Однако, тут же в больнице подхватил брюшной тиф. И его вылежал! Вроде бы на поправку уже шло. Только... Говорят – в это время выздоравливающий испытывает волчий аппетит, а кишки слабые, есть можно лишь кашицы. Не выдержал! Упросил брата принести домашней колбаски и к утру в страшных мучениях скончался. Осталась Анна Захаровна вдовицей с тремя детьми. Семилетний Володька, погодок Жоржик и четырёхлетняя Рая. До замужества Анна Захаровна работала сельской учительницей. Попыталась устроиться и теперь, да где там! Её диплом выпускницы-отличницы женского наставницкого училища при Спасо-Ефросиньевском Полоцком монастыре, да еще с припиской, что была стипендиаткой архиерея, воспринимался советским начальством, ведавшим народным образованием, как нечто особо вредоносное. Конечно же, никуда на преподавательскую работу такую гражданку не брали, твёрдо следуя ещё одному модному лозунгу: «Религия – опиум для народа!» За всё время после смерти мужа ей удалось поработать всего около года воспитательницей в фаозно-трахоматозном диспансере для беспризорных детей.

Но потом запретеновала на её место девица с безупречной пролетарской биографией, правда, без какого-либо образования, но из люмпен-семьи и бабушку, как гнилую интеллигентку, выгнали. Единственный более-менее грамотный мальчик в диспансере, с которым бабушка занималась грамматикой и литературой внепланово, Абрашка Ицкин, взял да написал в вышестоящие инстанции письмо, мол, Анна Захаровна учила нас читать, писать, играм разным, а новая стерва напивается и барахтается на диване с каким-то мужиком при детях, а, если что, матом посылает... Бедный ребёнок не ведал, что не только не поможет любимой воспитательнице, но ещё и беду накличет. Анну Захаровну вызывали куда-то и крепко постращали, обвиняя, будто она подучила мальчика оклеветать пролетарку, самостоятельно ребёнок не сумел бы такое написать. Это ей просто так не сойдёт! Страху натерпелась и, конечно же, больше нечего было даже пытаться устроиться на работу по специальности.

Пока дети подрастали, безработная вдовица ездила по деревням мешочницей. Бытовал тогда такой термин – «мешочники». Это что-то вроде теперешних челноков, но только в несколько ограниченном масштабе. Машинист Алексей Николаевич зарабатывал преотлично, дом при нём был полной чашей. Теперь вот ездила по деревням, распродала или обменивала на продукты всё, что в этой чаше когда-то накопилось. Привозила-притаскивала на горбу мешками муку, крупы, картошку, иногда и сальце. На счету была каждая картофелинка, каждая горсточка муки. Она приучила детей вылизывать всё до капельки, так, что и посуду-то можно было не мыть. Мама до сих пор не избавилась от привычки вылизывать тарелку, чувствует себя неуютно, когда приходится есть прилюдно, потому и в гости не любит ходить. Всю жизнь она никогда не выбрасывала ничего съестного, даже если оно испортилось. Доедала. Болела потом, но никак не могла пересилить убеждённости – как же это можно выбрасывать пищу!? ПИЩУ! Кстати, соседки по двору всё удивлялись – впроголодь живут, а какой румянец!

К тому времени, когда папа познакомился с мамой, Анна Захаровна окончательно подорвала здоровье мешочными поездками, тасканием непосильных тяжестей. Чтобы иметь в семье хоть какие-то деньги, Володьке и Рае пришлось оставить школу и поступить в учебные заведения, где давали приличную стипендию. Так Володька попал в Великолукское ФЗУ, а мама и вовсе в техникум не женского профиля, где получила специальность перемотчицы электромоторов. Но бабушка была убеждена, что никакая специальность дочке не понадобится, так как красавица дочь обязательно удачно выйдет замуж, а жене при хорошем муже не положено работать. Только любимец Анны Захаровны Жоржик закончил десятилетку. В каникулы все трое устраивались на работу – в основном в депо, где оставались ещё старые связи, да ещё удавалось сдавать жильцам комнату в домике, который сами тоже арендовали, сначала у домовладельца Залмана, а после экспроприации - у государства.

Новый жилец перво-наперво постарался завоевать расположение Анны Захаровны, так как заметил, что та имеет большое влияние на дочку. Володьку как раз в армию призвали, Жоржик поступил в лётное училище и Костя, хочешь не хочешь, остался единственным мужчиной при семье. Его от армии освободили – в училище повредил металлической стружкой глаз. Уж и дров он наколит, и печи растопит, и где надо что прибьёт, что-то тяжёлое принесёт, зимой снег до самой калитки откинет с утра пораньше, до работы. Анна Захаровна не нарадуется на квартиранта. Ой, женишок будет! Ой, хорош женишок будет! А он уже и повёл себя как жених. Рая на каток – единственное тогда и очень модное развлечение у местной молодёжи, - а он после вечерней смены ждёт у ворот Александровского сада, когда разрумянившийся народец с катка повалит. Однажды Раю пригласила на какой-то спектакль подруга. То ли лишний билет был, то ли с братом решила познакомить. Возвращались домой, громко обсуждая увиденное. Шутили, смеялись. Вдруг на мосту через Двину выскакивают трое – это Костя с Митей и Сашей. Костя брата подруги ухватил в охапку, прижал к перилам моста и постращал, если, мол, от девушки моей не отстанешь, в следующий раз в Двине искупаешься!

А в это время в семье Анны Захаровны случилось кое-что примечательное. Когда Жоржик поступал в лётное училище, проверяли всю подноготную семьи, и вдруг выяснилось, что Алексей Николаевич Сапунов был руководителем подпольного кружка РСДРП. Тут же Анну Захаровну об этом уведомили и даже работу предложили, но у неё уже силы не те, ей бы пенсию за мужа, вот этого-то как раз и не предложили, а ходить добиваться, вымаливать она не умела. Она не очень и

поверила, что её Алёша был каким-то там подпольным руководителем. Куда ему, если только и занимался бесконечными романами, то с приезжими артистками, то в поездках на дальних станциях с кулацкими да купеческими дочками. Однажды какой-то богатый кулак отсудил у гулёны несколько зарплат. Тот назначил с его дочкой свадьбу и, конечно же, не явился, так как имел уже жену венчаную да годовалого Володьку и расставаться с ними не думал. Кулак на свадьбу потратился и все затраты со лжежениха востребовал через суд. Получил. Вот каким был Алексей Николаевич, жене же говорил, что, мол, ты, Анюточка, единственная любимая, а остальные просто так, сами дуры лезут, проходу не дают. Люблю только тебя – НА ВЕКИ ВЕЧНЫЕ! Не знал он, не предполагал, что век его коротким окажется – всего 32 годика! Подпольный кружок? Какой подпольный кружок? Ну, евреев они прятали, да, во время черносотенных погромов. Того же Залмана и ещё нескольких соседей. Даже в погребе оборудовали два удобных лежака... А кружок? Ах, да! Собирались у них в доме время от времени несколько бородатых по тогдашней моде мужчин. Вроде бы в карты играли. В большую комнату – залу велено было никому не заходить, не мешать. Анна Захаровна сапогом раздувала самовар и кто-то из бородачей выходил и забирал его. Перед тем как разойтись они пели какую-нибудь революционную песню, но всё как-то несерьёзно! Хором запевали:

«По пыльной дороге телега несётся!»

Тут кто-то вставлял:

«В штанах!»

И так дальше всю песню:

«В ней два жандарма сидят!

Без штанов!

Сбейте оковы!

В штанах!

Дайте мне волю!

Без штанов!

Я научу вас!

В штанах!

Свободу любить!

Без штанов!»

Такой вот кружок. Возможно, это было для них всего лишь игрой, романтической и загадочной, несколько даже рискованной, но не очень серьёзной мужской игрой. Они и не подозревали, до чего в конце концов доиграются! Кстати-кстати! У дяди Володи долго хранились золотые часы –луковица фирмы «Павел Буре» с дарственной надписью машинисту Алексею Николаевичу Сапунову от... самого ЦАРЯ! И дядюшка, даже в то – советское! – время, с гордостью рассказывал, что однажды машинист Сапунов вёл царский поезд от Витебска до самого Крыма. Провёл без всяких эксцессов и был в благодарность от царя награждён этими часами. Ещё дядюшка добавлял, что, якобы, сотоварищи по кружку поручили машинисту Сапунову устроить аварию царского поезда, но тот отказался. Игра игрой, а дело делом! Конечно же, проверявшие подноготную семьи до этого факта не докопались, иначе бы Жоржику в советское военное училище не попасть. Как бы там ни было, но – Увы! Такова человеческая натура! – Анна Захаровна, раз ГОСУДАРСТВЕННЫЕ люди уведомили, неожиданно загордилась! Ведь, ненавидела революцию, ненавидела власть советов за то, что столько горя от всего этого приняла, а перед соседками или перед квартирантом нет-нет да похвалится, вот, мол, оказался наш Алексей Николаевич известным революционером! Костя же никогда ничего о своей семье не рассказывал, и Рае очень не нравилась такая скрытность претендента в женихи. Она и не подозревала, какую большую тайну носит в душе парнишка. Никто! Никто не должен был знать о раскулаченном отце, сосланном на север в Хибиногорск! Тут такая революционная семья, вдруг как не захотят породниться с проклятым!?

Несколько раз Жоржик навещался из своего военного училища в новенькой лётной форме, щеголеватый, подтянутый. Загляденье. И тут вдруг Рая заявила квартиранту, что выйдет замуж только и исключительно за лётчика. Что было делать по уши влюблённому парню? Уверена, не задумываясь ринулся бы и он в военные лётчики. Мама вспоминает, как ходил он вокруг её брата,

упакованного в форму с портупеей – предел мечтаний каждого тогдашнего юноши. С восторгом оглядывал того и, не скрывая зависти, всё повторял: «Ну, Жоржик! Ну, Жоржик!» Только знал твёрдо – не примут! Раз ворошат всю подноготную семьи - путь закрыт! Однако в городе существовал кружок ОСОВИАХИМа (простите, не знаю расшифровки), где можно было научиться летать на гражданских самолётах – «кукурузниках». Уговорил Сашу и Митю – втроём подали документы. Чтобы походить на военных курсантов, друзья договорились обриться наголо и в таком виде сфотографироваться. Встретились утром у входа в фотоателье. Костя обрился, Митя обрился, а Саша Непряхо явился в обычном виде. Объяснил, что приглашают его на работу в райком комсомола и ходить в кружок будет некогда. С той поры хранится у нас в семье фотография троих друзей - двое лысых по краям, а в центре один с шевелюрой.

Это была первая трещинка в твёрдой мужской дружбе. А вскоре Митю отбраковала медкомиссия – обнаружился туберкулёз. Тот и из кружка ушёл и вообще уехал куда-то к себе на родину. Остался Костя один и довольно быстро начал летать. Но потом случилось что-то... Мне так и не удалось выяснить – что? Мама помнит только - ходил он некоторое время с загипсованной рукой, но особенно не распространялся, как такое случилось. Непряхо же рассказывал мне, будто Косте стало скучно без друзей, он взял да и перевернулся при посадке, чтобы отчислили. Как видно, в те времена даже и из кружка невозможно было так просто взять да уйти самовольно. А впрочем, не знаю, возможно, эту версию придумал Непряхо для меня, а то и сам Костя для друзей, чтобы не так стыдно было – не справился, перевернулся, вот и отчислили. Одно мне ясно: понял он, что кружок этот не военное училище, а просто так – забава, времяпрепровождение. Чему противилась его практичная крестьянская натура. Реальнее было тратить время на совершенствование в профессии, которую избрал и в которой имел уже какие-то серьёзные навыки. К тому же – любил он всё-таки паровозы, чувствовал их, понимал. Вот и послал документы в Ленинградский Институт Путей Сообщения - ЛИПС. Был вызван на экзамены. На отлично всё сдал. Уверенный, что будет принят, уволился из депо и стал готовиться к отъезду на занятия. Вдруг, как ушат ледяной воды на голову, уведомление – не принят! Стало ясно – и здесь ворошили подноготную. Но решил не отступать. Куда ездил – невесте не рассказывал. Почему-то у меня в голове засело, не знаю с чьей подачи, что ездил к самому Калинин. В те времена попасть на приём к «всесоюзному старосте», как называли Калинина, если иметь настойчивость, вполне было возможно. В общем, выходил он то, что ему предложили ПОЧЁТНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ – МАСТЕРОМ! По ремонту паровозов в любое депо на... Дальнем Востоке и устное заверение, если зарекомендует себя там, вызовут в ЛИПС в следующем году без вступительных экзаменов. А ведущим лозунгом тех дней был как раз лозунг: «Молодёжь – на Дальний Восток!» Грандиозная кампания велась. И нашумевшие фильмы по всем кинотеатрам на эту тему, и, срочно написанные, заказные романы, стихи, песни. Газеты призывали: «Даёшь ДВ!» Плакаты, куда ни глянь: «ДВ! ДВ! ДВ!» Помню, какой-то знаменитый тенор с сохранившейся пластинки умильным голосом напевал: «...Вот уже прощальный гудок! Уезжают девушки! Уезжают милые! Уезжают на Дальний Восток!» Понятно, что юный Костя Заслонов так и воспринял это назначение, как ОЧЕНЬ ПОЧЁТНОЕ! ОЧЕНЬ ПОЧЁТНОЕ! Назначение, которым ему можно только гордиться! К тому же, он будет там не каким-то помощником слесаря, а сразу – мастером! Пора было решаться и на второй жизненный шаг. Решился! Выбрал подходящий момент и к Анне Захаровне, так, мол, и так, хочу породниться! Бабушка, не обделённая чувством юмора, потом уморительно копировала его монолог, обращённый к ней, во время которого он в клочья изорвал свою любимую модную кепочку. Конечно же, она дала согласие на его брак с дочкой. На этот счёт у неё было масса соображений – «за»! Первое. Она панически боялась, чтобы дочка, на которую заглядывались все проходящие мужчины, не оступилась и не попала в беду. Вдруг – не дай Господь! – кто-то соблазнит! В монастырском училище ей было вдолблено в голову, что это САМОЕ СТРАШНОЕ, что может произойти с девицей. Весь Витебск будет пальцем показывать, за калитку не выйдешь! Как только дочка задерживалась где-то дольше десяти вечера, Анна Захаровна падала перед иконой на колени, умоляя Деву сберечь дочкину непорочность. То был самый главный аргумент в пользу скорейшего ЗАКОННОГО брака. Ну и второе. Она помнила, как хорошо зарабатывают железнодорожники, значит, дочке будет обеспечена зажиточная доля. По поводу дочкиной доли она будущему зятю поставила одно обязательное условие. Когда сама училась, её, как лучшую

студентку, стипендиатку архиерея и дочь многодетной вдовы сельского священника, посылали на каникулах погостить и набраться положительного жизненного опыта в показательную семью одного сельского батюшки. Детей там имелось 18-ть человек и все работали по хозяйству, которое, благодаря их усердию, знатно процветало. Глава семейства занимался приходом. Матушка же, Домна Ивановна, производила на свет почти каждый год то одного младенца, а то и двойню. Ни чем по дому не занималась. Целыми днями просиживала в качалке да почитывала романы. На прогулки же выходила только в сумерки, чтобы солнечные лучи не испортили её полный белый лик. Вот такую жизнь будущая тёща для дочки оговорила. Что ж, Костя согласился, он искренне был уверен, что уж это он для любимой жены сможет устроить. Конечно, не сразу. Впереди был ещё год работы на ДВ, потом несколько лет учёбы в институте, но уж после сего этого блистательный инженер Заслонов сделает всё для осуществления тёщиного наказа. Дочке же Анна Захаровна внушила: первый – это от Бога! Огорчило, конечно, Анну Захаровну то, что жених наотрез отказался венчаться в церкви. Однако она рассудила, раз уж такие обстоятельства в стране – Бог всё видит и простит. А в ЗАГСе тоже проблема. По возрасту жениху можно в брак вступать, а вот невеста несовершеннолетняя. Отказываются их регистрировать. Тут Костя достаёт комсомольскую путёвку на ДВ и регистраторше под нос. Веский аргумент! Расписала сразу! И отправились молодожёны в даль неизведанную! Эта поездка запомнилась маме, как радостное свадебное путешествие. Ехали почти целый месяц – чем не медовый! За окном проплывала вся страна с Запада на Восток. В больших городах долгие остановки, вполне можно было пробежаться, осмотреть все достопримечательности. Небось, за такой туристический вояж, если бы они существовали тогда, пришлось бы большие деньги заплатить, а у них, как у назначенцев, вся поездка за счёт государства! И супругу даже выдали верхнюю одежду, шинель, ботинки, правда, лучше бы – валенки! Наконец прибыли в Хабаровск. Пошли к нужному начальству, а там ничего не знают. Как всегда у нас – пущено всё на самотёк. Шуму много, а организации никакой. Для начала поселили их в вагончике на запасных путях и велели ждать. Перед первой брачной ночью Анна Захаровна провела с дочкой серьёзную беседу, объяснила, что мужу можно разрешать и до какой степени. Это, мол, мужскому организму необходимо, так уж Бог сотворил человека и с мужем такое не стыдно. Рая выполняла всё, как велела мать, но вот говорить даже с мужем о некоторых физиологических отправлениях человеческого организма в их круг считалось очень стыдным. Дело в том, что туалет в вагончике оказался накрепко запертым и молодая терпела всю ночь, до слёз терпела. Муж спрашивал, что с ней такое, а она только отмалчивалась, глотая слёзы. С рассветом кинулась к вокзалу искать что-то, похожее на туалет, но и там оказалось всё заперто. Не выдержала, написала в валенок, так и проходила целый день в мёрзлом ледяном валенке – муж потащил смотреть город. Каждый день им отвечали: «Ждите. Вопрос, куда вас направить, в стадии решения». А из Кости энтузиазм и энергия так и прут. Говорит жене: «Давай, пока эта тягомотина идёт, скатаем во Владивосток. Посмотрим на океан. НА ОКЕАН!» Тут уж платить за билет пришлось. Подошли под самые брызги. Валы огромные, чёрные! ОКЕАН! Глянула на мужа, а у того глаза горят, улыбка от уха до уха. ОКЕАН! Её же от этой круговерти вдруг затошнило. И всё! С того момента не отпускало. Анна Захаровна предупреждала, что такое может произойти, когда забеременеет. Только белый свет стал ей не мил. Муж тянет: «Давай на Сахалин махнём! Вот будет здорово!» А она подумала вдруг: «Зачем замуж шла? Пусть бы сидела себе в углу столовки, талоны выдавала... Ну и пусть – талоны! Зато чувствовала себя, как огурчик! Не хочу океана! Не хочу Сахалина! Не хочу быть замужней, если от этого так плохо себя чувствуешь!» Он куда-то бегал, что-то узнавал. Пока она сидела на мёрзлой лавочке, сторожа чемоданы и борясь с тошнотой. Пришёл разочарованный. Из-за шторма паром на Сахалин не ходит... Но, тут же глаза снова загорелись – увидел огромную надпись загадочными иероглифами. Экзотика! Оказался не то китайский, не то японский ресторан. От острой пищи ей вроде бы полегчало, но обошлась им эта экзотика в копеечку. Пересчитали оставшиеся деньги – хватало только на билеты до Хабаровска. Ничего не поделаешь, надо возвращаться. В Хабаровске их ожидало назначение на станцию Вяземская, что на реке Уссури. Молодая уже не в состоянии была разделять восторги мужа: «На самой границе! Ты представляешь! Река Уссури, а там Китай! Мы на самом переднем фронте!» Все силы её уходили на то, чтобы хоть как-то сдерживать подступающую к горлу тошноту. «О чём он? На каком фронте?» Ей было тошно, холодно и, несмотря на тошноту, голодно. Очень голодно,

еще хуже, чем в детстве!

Вот как жизнь поступила с ними в этой Вяземской! Двое любящих, только что объединившихся в семью людей, оказались вдруг каждый сам по себе! Почти не виделись, почти не встречались, почти не миловались! Ему приходилось вкалывать сутками без выходных. Обещали же – если докажет! И он все силы бросил на то, чтобы доказать. ДОКАЗАТЬ! Он тогда и не предполагал ещё, что обречён ДОКАЗЫВАТЬ всей своей жизнью и даже смертью!

По письмам его сослуживцев \как я им благодарна!\ я составила себе картину его работы в этом депо. Здание депо только построили и, как это у нас водится, с большими недоделками, однако, с митингом, музыкой и флагами сдали в эксплуатацию. Ни электричества, ни обогрева туда провести не успели, а потом руки не доходили. Приходилось при ремонтных работах подсвечивать себе факелом – намотанная на палку пропитанная мазутом ветошь. Заодно и руки можно погреть, когда совсем закоченеют. Как видно, Заслонов отвчал уже не только за ремонтные работы, не только за ремонтников, но и за поездные бригады. Так я поняла из письма одного из моих корреспондентов. Срывались графики перевозок. Задерживались в пути поезда, не успевали вовремя в пункт назначения, хотя график был составлен и просчитан в соответствии с нормативами. Стали разбираться в чём же дело. Ремонтники кивают на паровозников, те же во всех грехах ремонтников обвиняют, мол, что-то недоделали, не отрегулировали, напортачили, вот паровозы и не тянут! Один машинист, самый злостный опоздальщик, особенно изголялся – не тянет его паровоз, хоть лопни! Плохо ремонтники работают! Заслонов подхватился: « Этот паровоз сейчас в цеху! Давайте пойдём и проверим – кто прав?» Так и сделали. Оказалось – паровоз был в полной исправности и по всем данным мог тянуть и тянуть, только бы умело управлял машинист. Вот тогда Заслонов и говорит спорщику: « Зайдите в контору и распишитесь в переводе вас из машинистов в помощники!».

Молодая жена почти не видела его в то время. Он исправно отдавал всю зарплату, требуя, чтобы покупала себе на рынке всё самое лучшее. Сам питался, как было принято тогда, по бесплатным талонам в деповской столовке. Как обстоят дела на рынке, он понятия не имел. Блюдечко мороженого молока стоило половину его зарплаты. Жили они в общежитии. В большой комнате, посреди которой стояла печка «буржуйка», отапливаемая углём. Благо этого добра на железной дороге хватало. В одном углу они. В другом – такая же молодая пара. В третьем - холостяк бобыль, который имел обыкновение сушить на печной трубе, протянутой через всю комнату до форточки, вонючие портянки. Четвёртый угол – вроде бы как гостиная. Там стоял стол, четыре стула и этажерка без книг. Мама глянула как-то в окошко, видит – китаец склонился над помойкой, что-то в ней выискивает. Очень были распространены тогда по всей стране такие типовые помойки – дощатый ящик в две трети человеческого роста, косо срезанный сверху, с вечно открытой крышкой и обязательно побеленный известью. До шестидесятых годов продержались эти символы быта новой эпохи! Мама как ни глянет – всё стоит китаец и стоит. Подходят люди – замёрз человек! Так вот голодно и холодно было тогда. Сытно жили только местные старожилы-казаки, имевшие своё хозяйство. В магазинах пусто, а на рынке заламывались такие цены, что неизвестно, покупал ли у них кто-нибудь. Чтобы не чувствовать голода, холода и этой ужасной тошноты, мама укутывалась всем, что привезла с собой и целыми днями спала. Муж приходил поздно ночью. Умывался возле пригасшей печки над тазиком ледяной водой, подкладывал уголька, чтобы до утра теплилось, нырял в сугроб наваленных шмоток к жене под тёплый бок и засыпал, как убитый. На рассвете подхватывался, кое-как при свете горящих угольков одевался и бегом строить будущее своё и страны. Ни о каких выходных не могло быть и речи! Ему, как квалифицированному специалисту, поручили вести несколько кружков по повышению квалификации, потому как многие, работавшие в депо, имели смутное понятие, где можно стукнуть кувалдой, а где нужно поработать отвёрткой. Однажды встретил его тот портяночный бобыль и говорит, ты, говорит, посмотри на свою жену. По-моему, она с голоду пухнет. Ка-ак!? Я же всю зарплату отдаю! Э-э! Тьфу твоя зарплата! Бегом в общежитие. Растолкал спящую, велел раскутаться. И правда! Животу положено расти, но вот руки раздулись, словно ватой набиты. Что такое? Как ты питаешься?! Почему ничего не сказала?! С той поры раздобыл несколько баночек и всё, что в столовке давали, половинил. Смущали ли его эти баночки? Всё-таки какой-никакой начальник, а в баночках супчик домой таскает! Думаю – ничуть! Это было в порядке вещей. Государство культивировало такой образ жизни. С одной стороны

глобальные лозунги, с другой – крохоборство. «Все должны быть бедными в богатой стране!» - ещё один большевистский лозунг. Ха! Если бы – ВСЕ!

Блюда в столовке готовились с красной рыбой – суп, картошка, каша. Мама потом долго не могла на рыбу смотреть, но это была калорийная пища и она подокрепла, стала выходить, прогуливаться возле общежития.

Над ними в отдельной двухкомнатной квартире поселили двоих, приехавших из Москвы, проверяющих – уполномоченных, как их тогда называли. «Уполномоченный» - одно из модных в то время слов. Как слово, так и должность, по всей видимости, были в народе одновременно и уважаемыми и презируемыми. Во всяком случае, среди нас, детей, бытовала такая дразнилка: «Уполномоченный – упал намоченный!» Эти двое ходили по станции, по депо, всюду заглядывали и всё время что-то записывали. Распоряжений никаких не отдавали, в разговоры не вступали, а у людей при их появлении душа в пятки – чего там напишут? Очень все боялись написанного. Уполномоченные привезли с собой в качестве домработницы и поварихи карлицу. Вот эта карлица начала вдруг к маме подкатываться. То кусочек маслица даст, то печеницем угостит. «Бери, не стесняйся. У нас спецпаёк, всего полно!» Однажды зазвала к себе на второй этаж. Вроде бы женщина приветливая, почему не пойти, даже невежливо как-то отказаться. Чайком угостила с настоящей ароматной заваркой и с пряниками. Мама давно забыла вкус этих деликатесов. Разговаривали так, ни о чём – понемногу о том, о сём. Вдруг карлица говорит: «Чего тебе покажу!» Достает пачку фотографий, а на них уполномоченные и эта карлица – голые и чем только ни занимаются! Мама подумала, что такое, наверное, проделывали в Содоме и Гоморре, городах, которые Господь наказал за разврат. А та смеётся: «Дурочка! Ты нос-то не вороти! Очень ты приглянулась моим! Если будешь к нам приходить, да так время с нами проводить, обеспечим жизнь сытную и мужу твоему повышение устроим!» Мама в ужасе убежала, даже мужу постыдилась рассказать. Об увиденном и вспоминать-то казалось грешно, не только – пересказывать!

Весной приехала Анна Захаровна. Привезла снеди – еле дотащила. Две полные корзины, плетённые из прутьев, формой и размером похожие на сундук, с крышкой, замком и двумя ручками по бокам. За зиму денег собрала, Володька и Жоржик помогли, как смогли – надо же подкормить будущую роженицу! Топлёное масло в глиняных горшочках, куски солёного сала, крупы, мука. Началась сытая жизнь!

Общительная Анна Захаровна быстро подружилась с местными женщинами. В

Спасо-Ефросиньевском училище будущих сельских учительниц обучали всяким хитрым, к тому времени уже во многих деревнях забытым, старинным рецептам народной кухни. Анна Захаровна умела делать из хмеля, которого в тех местах росло в изобилии, отличнейшие дрожжи.

Объединится с какой-либо хозяйкой, у которой в доме русская печка имеется, научит её, как приготовить закваску, а та, в свою очередь покажет, где можно черемши или паслёна набрать для начинки. Совместными усилиями напекут пирогов. Пospel дикий виноград. Местные стали с собой в тайгу брать. Обьедались терпкими синими ягодами. Первый раз, как привезли два ведра – ели всю ночь! Это был ДАР БОЖИЙ! Хотя и риск существовал при его добыче. Даром-то ни один дар не даётся! Однажды мама чуть не родила раньше срока. Где-то совсем близко зарычал тигр! Ещё не зная, что это, откуда такой жуткий звук, почувствовала мертвящий атактистический ужас.

Всё произошло в какие-то секунды. Краем глаза уловила, как спутницы побросали ведра и сиганули что было мочи. Ноги понесли и её. Уже у самых домов упала и почувствовала, что может сейчас разродиться! Анна Захаровна к ней. Женщины обступили, кто-то побежал в ближайший дом за водой. Из услышанных слов она поняла, что это был рык знаменитого уссурийского тигра! Слава Богу, отлежалась немного, боль в животе отпустила. Вот так, уважаемый читатель, Вы могли бы лишиться удовольствия читать эти безыскусные, но, согласитесь, интересные записки, потому что, если бы на опушке тайги начались преждевременные роды, мне – каюк! Да и с мамой неизвестно что стало бы. Ни скорой помощи, ни такси в тех местах не водилось, да и подводу не получилось бы сыскать. Больше Анна Захаровна беременную на сносях дочь в тайгу не брала.

В начале октября пришло время рожать. Заслонов отпросился по такому случаю с работы и они с тещей отвели роженицу своим ходом в местную больницу, имевшую родильное отделение. В три часа дня в первой декаде октября 1933 года я и родилась. Время известно, а вот точную дату своего

рождения мне так и не удалось выяснить. В этот же день, пока не закрылся ЗАГС, папа с бабушкой пошли оформить документы на новорожденного младенца женского пола. Приходят под окно к маме, показывают метрику. По папиной инициативе Раисой назвали. Мама как заплачет: «Не хочу, чтобы мою судьбу голодную повторила! Переназовите!». А ЗАГС уже закрылся. На завтра папе невозможно было вырваться с работы, а зарегистрировать имел право только кто-то из родителей. Выбрались в ЗАГС только на третий день после моего появления на свет и уже по настоянию религиозной моей бабушки, понимавшей слова Пушкина: «Веленью Божию, о Муза, будь послушна» - буквально, вот так и назвали меня. Мама тогда была такая измученная – почти сутки разродиться не могла! – время освобождения запомнила, а вот, какая дата стоит в метрике, то ли дня моего рождения, то ли дня оформления метрики, вспомнить не может. Дело в том, что первую метрику они просто-напросто порвали и новую выписывали как на только что родившегося ребёнка. Знающие люди говорят, что это очень плохая примета – такая чехарда с датами и именами. Возможно, так оно и есть!?

Бабушка не привезла из Витебска белья для новорожденного, а купить на месте хоть что-то оказалось невозможно. Поэтому пеленали меня в разрезанную на куски плотную занавеску. Где уж они её раздобыли – не знаю. Начались ранние холода. Одежды не было и меня выносили подышать воздухом, запихнув в подушку. Бабушка придумала! Сделают в торце подушки углубление и младенца туда!..

Посмотрела бабушка, посмотрела. Подумала – подумала и говорит зятю: «Что ты мне обещал? Какую жизнь моей дочке сулил? Давай-ка, дорогой зятёк, назад в Витебск. Там, хоть, есть, где жить да что кушать!» Занятия в ЛИПСе давно начались, а вызова оттуда так и не пришло, хотя он и послал туда документы, подтверждающие, что зарекомендовал себя в этом депо самым наилучшим образом. О нём забыли, а, может быть, и вызывать не собирались, так пообещали, чтобы отделаться. Короче – кинули. Думаю, он решил: «Как они со мной, так и я с ними!». Но просто так уволиться и уехать было невозможно, могли пришить саботаж, особенно ему! Вот он и говорит маме: «Ты поезжай с Анной Захаровной, а как приедешь, купи простую открытку и напиши на адрес депо, будто меня срочно вызывают на занятия в ЛИПС. Намажь обратную сторону пятака, там, где герб, чернилами и приложи внизу. Попроси кого-нибудь из машинистов, кто в Ленинград ездит, опустить там прямо на вокзале в почтовый ящик. Может быть, это сработает! А пока что повёз он троих своих женщин в Хабаровск, чтобы посадить там на прямой до Москвы. Сунулись на вокзал - ужас что творится! Бегут люди! Те, кто по призыву партии и комсомола под звуки торжественных оркестров двигал сюда, как столкнулись с голодной-холодной неразберихой, рванули со всех ног назад, к родным пенатам. К кассам не подступиться. Что делать? Дитя родное-грудное надывается, жена плачет, теща смотрит с укором! У каждого начальника любого ранга имелся тогда толстый гранёный карандаш производства фабрики имени «Сакко и Ванцетти», заточенный с обоих концов. Один конец синий, другой – красный. Синим писалось так, всякое-разное, а вот красным – важные распоряжения. Вырвал он из блокнота листок, написал красным карандашом: «Срочно выдать два билета до Москвы!» - и протянул через матюгающиеся головы в кассу. Выдали без разговора. Новая проблема! Как попасть в вагон?! Толпа поезд штурмует. Лезут и в двери и в окна! Бабушке, бывлой мешочнице, опытной в таких поездках, удалось протиснуться в тамбур, а мама на нижней ступеньке подножки застряла. Одной рукой держится за поручень, а в другой я, утопленная в подушке. Бабушка за борт пальто тянет дочку к себе, а проводница в грудь толкает, мол, и так народу набито, хватит лезть! Поезд уже тронулся. Тут папа руками в спину подпёр, впихнул нас в тамбур, где бабушка обеих быстренько подхватила. Видите, читатель, уважаемый, могло случиться и выронить маме меня в такой ситуации. Она в те мгновения именно этого и боялась – ну чуть-чуть и всё! И никаких бы записок не было бы! Нет, есть какой-то рок, какая-то сила, которая за много лет до сегодняшнего дня определила мне на старости лет рассказать, как оно было. Только для этого меня и сохранила! Вот и стараюсь, хотя от природы лентяйка, не в папу пошла! Увы! Оцените!

Несколько часов мама ехала, стоя в тамбуре на сорокаградусном морозе. Потом кто-то обратил внимание, что у женщины на руках в подушке надывается живое существо. Мир не без добрых людей. Пропустили её внутрь вагона. А тут и голоса раздались, что, мол, верхняя багажная полка свободная, ты полезай, бабонька, давай мы тебя посадим и дитё подадим! Ложись там с дитём и

спи всю дорогу, там наверху теплее. Вагон, конечно же, не отапливался, но столько народу надышалось, что было довольно тепло. Всю ночь я прокричала бесконечное: « Ай-яй-яй! Ай-яй-яй!». В вагоне удивлялись – как-то не по-детски, как-то по-взрослому младенец орёт. А, когда рассвело, мама рассмотрела, что глаза у её младенца залеплены жирными бельевыми вшами. Слава Богу ещё, что не тифозными!

Через несколько месяцев приехал в Витебск и папа. Открытка сработала! Отпустили. Хотя привёз он из Вяземской отличные характеристики, ему смогли предложить в депо только должность рядового слесаря. Ну, разве мог честолюбивый молодой человек, уже уверившийся в своих способностях руководителя, пойти на такое понижение?! И потом, как же всё-таки с зачислением в ЛИПС? По-видимому, снова обращался в какие-то высокие инстанции и снова получил «почётное назначение» - в Новосибирск на должность ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАЧАЛЬНИКА ДЕПО! Терять такой шанс было крайне неразумно и он решил снова отправиться в неизведанную даль. На этот раз тёща, кормящую грудного ребёнка дочку, с ним не отпустила. Не по-людски это, конечно, мужу с женой по разным городам жить, но вдруг и там, в том Новосибирске условия такие же, как в Вяземской? Поехал один. Писал каждую неделю. Исправно переводил зарплату, самому хватало столовско-талонного питания. Вдруг, где-то месяцев через семь, приходит телеграмма, что, мол, ваш муж тяжело ранен, находится в больнице. Тут уж бабушка безоговорочно маму отпустила. Я-то подросла, вполне могла и без грудного молочка обойтись. Пока мама добиралась до Новосибирска, папу из больницы выписали, пришёл встречать к поезду весь в бинтах. Разобраться до какой-то степени в том, что произошло тогда с ним, удалось мне по маминым, разумеется, с его слов, рассказам и благодаря письмам его сослуживцев.

Южная Сибирь поставляла в центральную Россию не только уголь, но и хлеб в большом количестве. И вот начали происходить неприятные вещи. Выходит из Новосибирска хлебный эшелон, направлением на Москву. Только километров 50-60 успевает пробежать, как останавливают его вооружённые люди, перегружают весь хлеб на подводы и увозят в неизвестном направлении. У тех, кто пытался расследовать эти случаи, сложилось впечатление, что не обходится тут дело без сговора с кем-то из паровозников. Грабителям всегда было известно время отправления хлебного поезда, его точный маршрут. Почему поручили Заслонову выяснить, кто из деповских связан с грабителями? Возможно, потому что не местный, не имел ни с кем там ни родственных, ни дружеских связей, следовательно, мог быть абсолютно беспристрастным. В детстве я представляла себе этот эпизод его биографии в образах, почерпнутых из популярных фильмов о чекистах. Вот он идёт по следу грабителей, подкарауливает тех ночью на путях, пробирается по глухим засугробленным улочкам... Как происходило всё на самом деле – не знаю, знаю только, что Заслонов вычислил-таки людей, связанных с грабителями. Бандитов арестовали, но, как видно, не всех. Остались на свободе их подельники, которые решили отомстить этому опасному чужаку. В своё общежитие Заслонов возвращался всегда поздно. Здесь, как и в Вяземской, он тоже вёл занятия в нескольких кружках по повышению квалификации. Идти из конторы, где проходили занятия, приходилось мимо депо, возле которого были свалены, завезенные для какого-то строительства, металлические трубы диаметром около метра. В этом месте его и подстерегли. Повалили спиной на трубы и раз пять-шесть всадили в то место, где находится сердце, финку. По самую рукоятку! Уверенные, что порешили ненавистного «москаля», услышав разговор возвращавшихся с занятий парней, убийцы убежали. Эти-то парни и доставили окровавленного, обеспамятевшего начальника в больницу. Но! Но, не учли нападавшие особенностей тогдашней форменной одежды, только что введенной на железной дороге для командного состава. Чёрная гимнастёрка с двумя объёмистыми карманами на груди. Заслонов после занятий складывал в эти карманы все наглядные пособия – схемы, чертежи, брошюры. Пробив толстый слой бумаги, финка просто- напросто не достала до сердца, длины не хватило. После этого случая Заслонов вернулся в Витебск на белом коне и ему уже без всякого предложили должность мастера ремонтного цеха, что для одного из ведущих депо европейской части страны было очень солидной должностью.

На этом мажорном моменте я пожалуй и закончу первую главу своего рассказа. Да! Объясню теперь, почему я начала её с устрашающей картинки. Помните? Серо-коричневая удушающая теснота, жирная, липкая... Бр-р-р! Дурно пахнущая, будто тебя придавил брюхом подышающий

динозавр. Хочется растолкать эту ужасную густоту руками, разбросать, размахать и вынырнуть, выбраться! И это возможно! Ты знаешь. Стоит только приложить все силы! Такой вот мгновенный образ-воспоминание тёмной вспышкой всплывает иногда во сне. Он не страшит, не беспокоит, потому что знаешь – нужно всего лишь проснуться! Но, просто любопытно – что это такое, откуда? Один знакомый медик объяснил это как, якобы, воспоминание плода в материнской утробе. Но, по логике вещей, такое воспоминание должно быть приятным, уютным, комфортным, совсем не таким, как это. Я думаю – скорее всего это тот вагон из Хабаровска, где вши чуть не выели мне глаза. Но, может быть, мой знакомый медик прав! Может быть, у плода в лоне пухнувшей с голода, отчаявшейся женщины, проклинавшей свою судьбу, где-то в нескольких клеточках формирующегося мозга навек зафиксировалось мироощущение будущей матери. Ну вот! Опять я скатилась в минор! Негоже так заканчивать главу, особенно первую, которая открывает читателю путь в книгу, в жизнь, что состоялась на самом деле, а не выдумана автором! Есть у меня, чем закончить главу! ПИСЬМО!

Письмо от машиниста Казаринова я получила где-то в конце 60-тых, когда начала серьёзно собирать материал об отце и написала многим его друзьям с просьбой прислать воспоминания. Прочитав, я тогда, склонная по молодости лет к глупой категоричности, отнеслась к нему с иронией, мол, столько трескотни, сплошные лозунги, и так мало конкретики, тёплых житейских фактов. Лозунги? Подождите – подождите! Лозунги! Теперь я поняла, какую ценность для меня представляет это письмо! Оно само по себе конкретика! Само по себе уже ФАКТ! Сколок той жизни. Некоторые люди так и остаются на всю жизнь в том времени, которое было для них пиком счастья, взлётом. Вот и машинист Казаринов остался на весь свой век в, счастливых для него, тридцатых. И его письмо как бы голос из прошлого! Так воспринимали действительность, так смотрели на мир, так общались, так относились друг к другу, так рассуждали, так выверяли свою жизнь, пусть не очень грамотные, но, взхлёб переполненные восторженным энтузиазмом, парнишки начала тридцатых годов. И возможно, именно в таком духе, именно таким стилем, таким языком, написал бы мне из того времени письмо и мой будущий отец, помощник слесаря по ремонту паровозов, Костя Заслонов.

Потому и решила я привести здесь это письмо полностью, без правок и купюр, в надежде, что на читателя оно окажет такое же гипнотическое воздействие, как на меня. Не воспринимайте его очень уж придиричиво, просто постарайтесь проникнуться его духом и вам покажется, что вы напрямую пообщались с теми, давно уже ушедшими, ребятами, так верившими в – УВЫ! Несбыточные! - лозунги.

Письмо машиниста Казаринова.

«Константин Сергеевич Заслонов друг моей юности, соратник по индустриализации страны, ярый патриот по партизанской борьбе в годы Великой битвы с фашистами. Это он во имя Родины и своего народа отдал жизнь за светлое будущее человечества. Твоё письмо воскресило в памяти замечательный образ Константина Сергеевича жить горячим сердцем, быть всегда полезным Отечеству, стремиться к новому, неизведанному, творить, созидать. Я рад, что ты не осталась равнодушной, а идёшь на поиск героической жизни своего отца. Это очень радует и обязывает помочь в необходимом благородном деле.

В 30-х годах я вместе с ним включился в великое преобразование Родины! Время страстного отрицания приёмов жизни, оставленное в наследство капиталистическим миром и не менее страстное утверждение нового, неизведанного социалистического мира. Наша молодость совпала с молодостью страны, с годами очень суровыми, и вместе с тем граничащими с фантазией высокого энтузиазма, что пожалуй нигде не сыщешь во всей истории человечества – началом индустриализации страны, где закладывалась основа новой социалистической жизни! Родина тогда была бедна деньгами и техникой, но необыкновенно сильна творчеством, инициативой и неограниченным богатством души народа. Пыль столбом стояла от первых вырытых лопатами огромных котлован Волховстроя и Днепрогэса. Тысячи тачек и телег воплощало дело великих строков. Препятствием служило сопротивление – отживающее мещанское настроение и ушедших в подполье эксплуататорских классов. Кулаки из обрезов стреляли в инициаторов новой жизни деревни, на крупных предприятиях появились вредительские партии, церковники выдумали моральный страх и заклинания, но остановить победное шествие не удалось никому. Идеи В.И.

Ленина озаряли путь этого победного шествия. Всё это теперь осталось позади, прямо скажем, даже трудно подобрать слово, чтобы выразить своё восхищение бурного порыва человеческих масс в строительстве первых пятилеток, одним из строителей которых был твой любимый отец, мой беззаветный друг Константин Сергеевич Заслонов. Железнодорожный транспорт в те годы был узким местом бурного строительства социализма. Паровозы, вагоны, искалеченные войной и контр. революцией тысячами стояли под заборами, занимая необходимые на станции пути. Действующие паровозы были вконец запущены обезличенной ездой, молодёжь обреталась в помощниках машиниста и кочегарах. Появились первые трактора распахивать межи коллективных хозяйств в деревне. Их надо было доставлять по назначению, вот тогда и родилась инициатива у молодёжи порвать рутину, вытаскивать с «кладбищ» паровозы и вагоны, чтобы вдохнуть им жизнь, поднять ещё шире наследие отцов «Великого почина». Молодые парни одного из многих Витебского депо отремонтировали заброшенный паровоз Щ-432 в неурочное время, в ущерб отдыха и получили право работать на нём. Комсомольская организация скомплектовала 2 бригады, обратилась к руководству депо назвать его Комсомольским паровозом, дав путёвку: машинисту Мартыненко Саше, пом. Машиниста Заслонову Косте, кочегару Валейко Генриху и машинисту Казаринову Саше, пом. Машиниста Скоробогатову Коле, кочегару Майорову Мите. Дружно и самоотверженно трудились бригады, ломали нормы старого расписания. Водили тяжеловесные поезда, раньше времени доставляли к месту тяжёлые грузы. Жаль, что в те годы Наркомат путей сообщения не подхватил блестящую инициативу молодёжи, заметил лишь после Стахановского движения. Кроме того, мы ревностно сохраняли свой престиж. Во время болезни одного из членов бригады, заменяли своими силами, так мне неоднократно приходилось ездить с Константином Заслоновым. Он отличался неутомимостью, способный работать без усталости, ехать из поездки в поездку, подменяя заболевшего пом. Машиниста Скоробогатова. Никогда не унывал, был среди нас весельчаком и запевакой любимых комсомольских песен: «Наш паровоз лети стрелой», «По долинам и загорьям», «Лявониху». И необыкновенно уважал Есенинскую песню, бытовавшую в то время, « Ты жива моя старушка » - письмо к матери. Мы не только работали, но умели и дружно отдыхать. Я, игравший на трёхрядной гармонике, неоднократно выступал с ним на молодёжных вечерах в железнодорожном клубе «Субботник», такое название носил наш клуб. Наши две бригады в период промывки паровозов, а тогда они были несовершеннолетними и проходили несколько дней, это позволяло бригадам помочь в проведении задорных, весёлых молодёжных вечеров, на которых мы славились лучшими активистами своего клуба.

Дружба производственная тесно переплеталась с бытовой. Ходили а гости друг к другу, имели велосипеды, коллективом организовывали прогулки на Западную Двину, по красивейшим местам Витебщины, увлекались спортом и посещали спортивные мероприятия. О работе комсомольского паровоза Щ-432 часто писали в «Гудке», в молодёжной газете «Чырвоная змена». Родилась инициатива назвать паровоз «Им. «Чырвонай змены», на это дала согласие газета и год работы увенчался успехом. К 14-той годовщине Великого Октября наградили членов бригады грамотами 3-го года Первой Пятилетки, которую я сохранил, как дорогую реликвию. Очень приятно было в то время такое уважение к нам. По нашему примеру появились другие комсомольские бригады в депо и бригады ремонтных цехов.

Я ищу паровоз Щ-432, если его не порезали на лом. Долгое время он находился на станции Дно в бытность начальника депо А.Ф. Непряхо, которого ты, видимо, знаешь. Я его по телефону просил взяться за поиск паровоза, что он пообещал. Если увенчается успехом, то паровоз доставим на ст. Орша, это дополнит экспозицию музея К. С. Заслонова...»

Ну что? Удалось Вам хоть немного почувствовать себя в атмосфере тех лет? Уверена, что удалось. Ну, а если – нет, попробуйте перечитать его еще раз. Такую удивительную особенность этого письма я тоже открыла не сразу. Но вот, что еще показалось мне, после того, как пришлось поневоле перечитывать всё в процессе работы не один раз! Не знаю, не знаю! Возможно это у меня такой «пунктик». Но! Показалось мне, что всё происходившее тогда было игрой. Очень серьёзной, жестокой глобальной игрой. Чьей? Одному Богу, наверно, известно. Однако хватит! Не слишком ли я увлекаюсь всякими мудрствованиями? И всё-таки не могу не привести ещё одно, которое приберегла к концу этой главы. Касательно фамилии! Уверена, что в каждой фамилии заложен некий код, подобный генетическому. Код, определяющий судьбу её носителя, варьирующийся в

каждом поколении, но так или иначе, ведущий человека по определённой дороге. Потому и озаглавила свои записки – «ФАМИЛИЯ»!

Глава – 2.

Витебск- Рославль- Орша. В преддверии 2-ой мировой войны.

Конец 30-х. 20-й век.

«У Витебску кепска, а у Оршы яшчэ горшэ!» (Поговорка, услышанная автором на Оршанщине.)

«Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!» (Из песни тех лет.)

Мои доброжелатели как-то посоветовали мне писать только об отце и ни слова о себе. Это, мол, и скромно, и красиво! Не могу согласиться! Во-первых, читателю просто необходимо знать, кто же пудрит ему мозги; во-вторых, об отце я рассказываю через себя, о том, как воспринимала его, как узнавала о нём; ну, и, в-третьих, записки-то свои я назвала «Фамилия», потому что уверена - вместе с фамилией отец передал мне и один из вариантов судьбы, предначертанной нашей фамилией, и о том, как же жилось мне с этой фамилией, я тоже хочу рассказать! Поэтому, без всякой ложной скромности, буду рассказывать и о себе.

Пока мама с папой находились в Новосибирске, бабушка договорилась со знакомым священником и тайно, почти подпольно, окрестила меня. Её религиозная душа не могла допустить, чтобы родная внучка росла нехристом. Но это было до того опасно в те времена, особенно для карьеры зятя, что она скрыла всё от моих родителей, боясь их неудовольствия, и призналась маме только перед смертью. Однако не успела сказать, каким же православным именем нарекла меня. Вот такая чехарда происходила всё время с моими именами!

В сознательную жизнь я вошла однажды утром, словно в дверь. Проснулась и, будто меня включили, как включают электричество – раз! Открыла глаза, а вокруг жизнь! И с этого момента я начала помнить. По-видимому, накануне, укладывая меня спать, бабушка радостно-обещающе напевала: «Проснёшься утром, а мамочка с папочкой и приехали из Новосибирска!». Я так и проснулась с её голосом в ушах: «Приехали! Мамочка с папочкой приехали!» На соседней кровати, украшенной никелированными шарами, спала уже не бабушка – двое. Они! Я встала в своей маленькой кроватке, держась за перильца. Попыталась через них перелезть, но ничего не получилось. Тогда я по привычке закричала: «Бабушка! Сними меня!» Бабушка мигом влетела из соседней комнаты, шёпотом крича: «Тише! Тише! Они с дороги, только что уснули!» Потащила меня за дверь, усадила на горшок. Потом они уже проснулись и взяли меня к себе в постель. У папы вся грудь была в розовых шрамах. Я спросила, что это, он как-то отшутился, не хотел пугать ребёнка страшными рассказами.

Возможно, я так рано вошла в сознательную жизнь потому, что бабушка в их отсутствие взялась прямо с пелёнок интенсивно воспитывать меня. А потом, с не меньшим энтузиазмом, подключились и они. Просматривая популярные журналы того времени, я обнаружила множество разного рода, претендующих быть научными, статей, рекомендовавших «самое правильное» воспитание ребёнка. Дававших иногда прямо противоположные советы. Уверена, что многими рекомендациями воспользовались и мои начинающие родители. Так и воспитывали меня. Родители – «по-научному», бабушка – в соответствии со своими идеалами, то бишь, не получилась из дочки идеальная Домна Ивановна, Бог даст, получится из внучки. В её понятии главными качествами этой матроны были – кротость, благоговение перед мужем и какая-никакая толика благородства, в бабушкином же понимании. Основной принцип родительского воспитания сводился к тому, чтобы вырастить настоящего гражданина Страны Советов, как поучала тогдашняя популярная литература. Это значило – ни в коем случае не лизаться, не сюсюкать. Кстати, бабушка в этом, почему-то была с ними солидарна. Потому-то я и выросла непомерно брезгливой, какие-либо телесные контакты для меня – целая проблема. Начали все трое своё воспитание с обучения ребёнка правильно, не картавя, выговаривать слова. Помню, сижу у окна на нашем, застеленном белоснежной скатертью, круглом столе. Рядом на стульях папа с мамой. Это всё тот же старенький

домик в Кондукторском переулке. Из окошка видно, как паровоз пускает дым. Я напеваю: «Ай, дымо-о-ок!» Папа с мамой смеются и поправляют: « Не дюмок, а дымок!» Мне кажется, что я выговариваю правильно, но они снова и снова поправляют меня, пока, по их мнению, я не начинаю произносить правильно. Меня почти никогда не наказывали физически, за исключением всего двух случаев, когда папе пришлось отступить от научных методов и прибегнуть к старым дедовским. В первый раз я действительно заслуживала наказания. Дело происходило зимой. Мы пришли с прогулки. Бабушка с мамой сняли с меня меховую шапочку с горжеточкой, пальтишко. Посадили на круглый стол, повыше, чтобы снять валёночки с галошками. И тут я почувствовала, что очень хочу писать. «Ой- ой! Снимите меня скорее! Писать хочу!» «Стань на стул и слезь сама!» - сказала мама, следуя предписаниям научных статей, советовавших приучать ребёнка к самостоятельности. «Ой! Ой! Снимите! Описаюсь!» «Стань на стул и слезь сама!» Ах, так! Я взяла и... растеклось пятно по белоснежной скатерти. Тут они в два голоса закричали: «Костя! Посмотри, что она наделала!» Папа снял ремешок и несколько раз прошёлся им по моей попке. Вообще-то я не была особенной капризулей и упрямницей. Никогда не канючила, не ныла, не выпрашивала чего-то. Как-то быстро меня от всего такого отучили и не методом наказания, а методом убеждения. Помню всего лишь один случай, когда очень настойчиво просилась на ручки на улице и только потому, что надоело видеть перед глазами одни подолаы да коленки, хотелось взглянуть на мир сверху. А вот во второй раз папа отшлёпал меня, как казалось мне, незаслуженно. Оставался у бабушки от прежней зажиточной жизни ковёр, на котором художник изобразил двух собак, застывших в охотничьей стойке. Очень красивый ковёр. Однажды, мама с бабушкой собрались закрашивать акварельными красками проплешины, проеденные на нём молью. Я тоже хотела принять участие, но мне не разрешили. Когда же они на какой-то момент отлучились, я быстренько и всласть поработала кисточкой. Вошли они и опять в два голоса воззвали к папе: «Костя! Смотри, что она наделала!» Папа и на этот раз взялся за ремешок. Тут я ревела изо всех сил, не так от боли, как от несправедливости. Я была уверена, что сделала всё наилучшим образом. Возможно, в этот момент во мне возмущался не понятый художник! Больше экзекуций не было, не знаю почему, повод для них я давала не один раз.

Итак, в Витебске наша семья была счастлива! Папа работал от души, радостно и без ночных бдений, как когда-то в Вяземской и в Новосибирске. Ту комнату, что он когда-то снимал женихом, сделали его кабинетом. Часто там собирались его друзья и все вместе они корпели над чертежами, о чём-то рассуждали, горячились-спорили, а то и шутили- дурачились. Время от времени прикалывали очередной чертёж кнопками к стене, рассматривали его издали и вблизи, обсуждали. Мне эти чертежи казались какими-то таинственными рисунками, которые я пока не могла расшифровать, но думала, что когда-нибудь пойму. Во всяком случае, они мне очень нравились, в особенности потому, что некоторые детали были смазаны клеем и посыпаны блёстками, которые папа держал в пробирочке. Я мечтала когда-нибудь выпросить у папы немного этих блёсток, нарисовать принцессу и выкрасить ими её платье. Но, к сожалению, так и не осуществила этого, потому что никак не получалось нарисовать принцессу, достойную такого платья. Всё выходило какие-то кривобокие уродины. Уже позже я узнала, что папа с коллегами разработали несколько усовершенствований кое-каких механизмов в паровозе и получили даже небольшие денежные премии. Но, вообще-то, с материальным благополучием дело обстояло совсем не так, как рассчитывала в своё время бабушка. Кто-то там наверху, на САМОМ-САМОМ верху, кто придумывал размеры зарплат, додумался, что, мол, железнодорожники ничего не производят, а только лишь перевозят, поэтому и труд их нужно оплачивать по самому минимуму. Пришлось бабушке припомнить старые деревенские связи в бытность мешочницей. По деревням покупать продукты выходило гораздо дешевле. Муку, крупы, мясо, творог, яйца, масло мама летом привозила на багажнике велосипеда, а зимой - пешим ходом, на саночках. Очень скоро и маме и папе стало не до моего воспитания и оно полностью перешло в ведение бабушки. Первоочередной своей задачей она поставила, почему-то, переломить мой характер и, как позже я почувствовала, добилась успеха. «Благородные девочки так не поступают! Что скажут люди?!»- я только и слышала эти фразы. Врождённой чертой моей довольно борцовской тогда ещё натуры, с чем бабушка особенно настойчиво боролась, было умение самостоятельно принимать решения, пусть даже ошибочные. Ну вот, к примеру, случай. Во двор выходило несколько домиков, похожих на

наш. Один домик снимал у государства бывший владелец всего этого хозяйства – Залман с уже взрослыми детьми Ханой и Вулькой. Второй домик занимала семья железнодорожников Голубевых, тоже со взрослой дочкой Валентиной, маминой ровесницей и подругой. А третий – очень оригинальная бездетная семья с необычной для белорусов фамилией. Глава семьи, остепенившийся уголовник, во время послереволюционной неразберихи, присвоил себе романтическую революционную фамилию – Гарибальди. Маленьких детей ни у кого не было и единственному ребёнку во дворе жилось скучно. Мне не только на улицу не разрешалось выходить, но даже и далеко от крылечка бабушка отходить не позволяла, настоятельно рекомендуя сидеть на «стульчике» - вагонном буфере, врытом в землю возле крылечка. По её словам только так полагалось вести себя благородной девочке. Конечно же, она боялась, как бы я не залезла в болотце, сплошь заросшее ряской и камышом, примыкавшее с одной стороны к нашему двору. К тому же ещё, меня мог напугать цепной пёс Полкан, обитавший в будке возле домика Гарибальди. Однако меня очень привлекало одно заманчивое приключение. Во-первых, нужно было подгадать момент, когда бабушка отойдёт подальше от кухонного окна, в которое она всё время поглядывала на меня. Во-вторых, дожидаться, когда Полкан заснёт в будке и стремглав за эту будку забежать, а там через дырку в заборе набрать горсточку малины из соседнего сада. Хотя сердце каждый раз замирало от страха перед зубами Полкана, я никак не могла отказаться от единственного, доступного мне развлечения. Однажды, не подумав, что я приму её слова, как руководство к действию, бабушка вслух развила мысль, что, мол, подружиться с Полканом можно только, угостив его кусочком мяса или косточкой. Как-то утром захожу на кухню, а там на разделочной доске лежит чудесный кусок мяса, да ещё с косточкой! Став на табуретку, я еле подняла кровавую находку, прижала к себе и бегом к собачьей будке. Бабушка на кухню – мяса нет! Куда подевалось?! Я вбегаю и радостно сообщаю, что, наконец-то, подружилась с Полканом. Бабушка вынуждена была отобрать мясо у пса. Обрезала там, где он начал грызть и продолжала готовку. Ведь это был продукт, рассчитанный на несколько обедов. Меня она не ругала. Как я уже писала, в основном она воспитывала настойчивыми сентенциями: «Как нехорошо! Как некрасиво! Благородные девочки всегда должны спрашивать разрешения!»

Ребёнок рождается смелым по неведению. Постепенно взрослые, передавая ему начатки своего жизненного опыта, заодно передают и свои страхи, предрассудки, заблуждения. Сидим мы с мамой на крылечке. Вдруг мама как закричит дурным голосом, показывая на какое-то маленькое существо: «Паук! Паук!» Мне стало смешно – разве такого маленького можно бояться?! Я взяла паука двумя пальцами, а мама чуть в обморок не упала. После нескольких похожих случаев и я стала бояться этих насекомых.

Итак, мой характер перелаamyвали, особенно старалась бабушка, пытаюсь сформировать его в соответствии со всеми, почерпнутыми когда-то при монастыре, канонами. Помню, пришла как-то к маме подруга с мальчишкой года на два старше меня. Он исподтишка дразнил меня: «Маля-авка! Маа-ля-авка!». Потом, достав из кармана игрушечную лягушку, стал тыкать в мою сторону, пугая: «У-у! У-у!» Я подумала что-то вроде: «Ах ты! Думаешь, маленькая, так и постоять за себя не смогу?» Да как стукну его по голове деревянной игрушечной совой. Мальчишка ревел, а бабушка завела своё обычное гипнотическое: «Нельзя благородной девочке драться, как последний хулиган! Что скажут люди?» Но почему нужно бояться мнения людей? Вот дальше ничего не объяснила.

Верхом, квинтэссенцией поведения благородной девочки был для неё, вычитанный у Чехова совет, который она часто мне цитировала. Что, мол, если когда-то в гостях тебе попадётся за столом в супе муха, то ни в коем случае не вытаскивай её пальцами, не кричи: «Фу! Гадость!» Лучше уж съешь её незаметно. Ничего с тобой не случится, зато гостеприимных хозяев избавишь от конфуза!». Правда, мы ни разу ни в каких гостях так с ней и не побывали, и мне не пришлось показывать ей, как прочно я усвоила её наставление.

Так как повседневным занятием идеальной попадьи Домны Ивановны было чтение романов, бабушка, применив, усвоенную в училище методу, быстро играючи научила меня читать. Помню, разбираю слово, забыла одну букву, бегу к бабушке на кухню: «Как будет буковка, которая ручки в бочки?». «Это – «эф»! Ф-ф-ф!». Было очень удобно для бабушки - я при деле, не прошусь во двор, и у неё есть время для готовки.

Может быть те клаустрофобические воспоминания, о которых я рассказала в первой главе, как-то подпитались ещё и тем, что я часто оставалась одна взаперти. Что было делать? Маме и бабушке приходилось надолго отлучаться в поисках хлеба насущного по-дешевле. А кроме опасности утонуть в болотце, быть искусанной Полканом, существовала опасность столкнуться с каким-нибудь бродягой, которых полно шаталось по окраинам горда. Вот тут и пригодилось умение читать, Никому из моих воспитателей и в голову не пришло, что уже с шестого класса мне придётся носить очки от близорукости. Читать- то меня бабушка научила, а вот на детские книжки денег не было, а, может быть, и книжек в те времена не было в продаже? Не знаю. Приходилось довольствоваться старыми учебниками, оставшимися от мамы и дядьёв, да газетами. Помню первое открытие и от этого настоящее счастье – счастье открытия! Как-то, находясь в очередной раз взаперти, я решила самостоятельно одолеть рассказик в полстранички из «Книги для чтения» для второго класса. Читала, лёжа на диване, и потом долго не могла отлепить ляжку от дерматиновой обивки – кожа прилипла. Очень больно было! Разбирала я этот рассказик, наверное, несколько часов. Даже голова разболелась. Прилаживала одно слово к другому, выстраивала предложения. И вдруг – всё сложилось в ясную, понятную картинку! Двое мальчишек рыбачат. Тянули- тянули и вытащили... ботинок! Я хохотала до слёз. И не только из-за юмористического содержания, но и от радости, что смогла! Сделала! Получилось! Я тогда ещё не осознавала, что вступаю в новый, неизведанный, волшебный мир – чтения! Мир открытий! А, возможно, подсознательно чувствовала это, потому-то так и радовалась.

Радостей в моей начинающейся жизни было совсем немного. Особенно запомнилась одна – поход на Двину. Я, мама и соседки, тётя Валя и тётя Хана, выбрались искупаться за город на реку. Запомнился мне этот поход, как нечто, пронизанное необыкновенным блаженством. Разделись до трусиков и маечек, сложили одежду на сваленные на берегу брёвна. И в воду! Какая же это была приятность! И вот, однажды я решила воссоздать этот поход дома. Бабушка тогда уехала в Ленинград, знакомиться с избранницей дяди Володи. Мама куда-то собралась уходить, но сначала сделала генеральную уборку и вымыла-выскребла полы. Выскребла в буквальном смысле. Некрашенный пол сначала нужно было драить золой с песком – голяком, веником из прутьев. Потом каждую половицу выскребать специальным металлическим скребком. Пол становился желтенький, словно медовый. К слову скажу, пол не красили сознательно, считалось, что так атмосфера в доме здоровее. Уходя, мама, как обычно, заперла меня, посоветовав, найти какое-нибудь интересное занятие. Тут я и решила устроить себе «купание в Двине». Сдвинула половички в большой комнате. Принесла из кухни поленья дров – они изображали, сваленные на берегу, брёвна. Достала из печки уголёк и через всю комнату нарисовала речку, а на ней волны. Разделась до трусиков и маечки, сложила одежду на поленья и... нырнула! Наплавалась всласть, от души! Слышу – мама дверь отпирает. Я к ней, радостная: «Мама! Ты посмотри, как я весело придумала!» Мне не влетело. Мама понимала, что уделяет в последнее время не так уж много времени ребёнку, которому сидеть взаперти очень тоскливо.

Я была чересчур восприимчивым и довольно способным человечком, но тогда в их кругах никому и в голову не приходило обучать чадо с детства музыке или иностранным языкам. А уж бабушке и подавно! Будущей Домне Ивановне совсем не обязательно было знать иностранные языки или уметь музицировать! Быть покладистой супругой, рожать каждый год по ребёнку, можно и не зная нот. В том замкнутом деревенском мирке, откуда бабушка была родом, а как я уже сказала, занималась мной, в основном, она, бытовал принцип: «Какие мы сами – такие наши сани!». В смысле, что, мол, нечего прыгать выше головы! Выскочек осуждали, порицали. Какой-то утрированный, себе во вред, консерватизм! Выскакивать, выторкиваться, выделяться! Как нехорошо! Некрасиво! Стыдно! Что скажут люди!?

Однажды к нам приехал кто-то из московского папиного начальства. Помню, посадил меня на колени, начал листать, лежавшую на столе книжку. Показывает картинку и спрашивает, знаю ли я, что это за паровоз? Я называю марку. Полистал, показывает новую картинку: «А это что за паровоз?» Я опять называю марку. Приезжий удивился: «Да ты все марки паровозов знаешь!» «Нет, не знаю. Это я прочитала под картинкой». «Как! Ты умеешь читать?» «Умею.» «Ну-ка прочитай, что здесь написано!» Я и прочитала. Чистенько, без запинок, стараясь, чтобы получилось, как по радио. Тут москвич подскочил к моим родителям, требует, чтобы отпустили

меня с ним в столицу, мол, хочет продемонстрировать меня на радио, а, может быть и в кинохронику сумеет устроить. Мама с бабушкой ни в какую! Зачем это надо?! А мне хочется. Прошусь. Я уже с детства, оказывается, имела тягу к путешествиям и приключениям. Они своё: зачем это нужно – выскакивать, выторкиваться, выделяться?! Я настаиваю, никак не можем друг друга переубедить. Тут бабушка приводит веский довод, сразу остудивший мой пыл: «А кто там будет тебе попку вытирать? Не попросишь же ты чужого дядю?!» Я сдалась. Почему-то, приучая к самостоятельности, они еще не обучили меня этой простой и повседневно необходимой манипуляции.

Ну и ещё пару слов о себе. В дополнение к «саням» у бабушки имелся ещё такой принцип в воспитании подрастающего поколения – ни в коем случае не хвалить, не поощрять ребёнка. Тогда он не будет задаваться и постарается сделать всё лучше. Допустим, я что-то нарисовала. Показываю бабушке, а она: « Не очень-то у тебя хорошо получилось, Неужели не могла постараться?!» Так, сама того не желая, она взрастила во мне комплекс постоянной неуверенности, который мешал мне всю жизнь, как ни старалась я его прогнать. Возможно, такое воспитание и полагалось получить будущей идеальной попадье. Только в этом случае она должна была провести меня по намеченному пути до конца и в положенное время собственноручно передать из рук в руки будущему мужу-священнослужителю. Волею судьбы я избежала конечного результата её задумки, хотя, кто знает, а вдруг именно в такой ипостаси и была бы НЕПОМЕРНО, БЕСКОНЕЧНО, НЕВООБРАЗИМО, счастлива.

Расставаясь с Витебском, я хочу хоть как-то, по мере сил и способностей, живописать родной для меня пейзаж, навеки запомнившийся, как те «три берёзки», которые, как писал поэт Константин Симонов, забыть невозможно. Родина! Для меня такими берёзками была... Витебская товарная станция, которую я всё время видела из окошка и которую не раз пересекала, когда мы с мамой, ближе к вечеру, носили папе обед в депо, если он работал во вторую смену. Я, кажется, уже упоминала об этом в самом начале моего повествования.

Станция начиналась сразу за нашим забором. Вот мы выходим из дома. Солнце уже съехало на край неба, но в его слабейших лучах пока ещё поблескивают накатанные рельсы. Их великое множество, тянутся куда-то далеко, не видно – куда. По одной можно, держась за маму, пройти, но всё время нужно быть начеку - маневрушка «Кукушка» так и шныряет! Вот какой-то дядька, то ли стрелочник, то ли дежурный по станции, подбежал к семафору, дёрнул за верёвку и семафор вскинул в приветствии свою единственную руку. Значит скоро пройдёт в сторону вокзала поезд. И он не заставляет себя ждать. Промчался с грохотом, обдал нас пылью, запахом мазута, горящего угля, пара. Тудуг-дуг-дуг! Тудуг-дуг-дуг! Дуг... дуг... дуг... Дядька снова дёргает за верёвку, рука семафора опускается, а мы, переступая через всё ещё вибрирующие рельсы, направляемся к депо, возле которого цирковой ареной расположился поворотный круг. Наблюдать за его работой не менее интересно, чем побывать в цирке. Мне он кажется верхом технического прогресса. Назад возвращаемся уже в сиреневых сумерках. На фоне угасающего неба, словно какие-то гости из доисторических времён, вытянули шеи, мотают хоботами водозаправочные краны. На макушке вагонной горки – диспетчерская будка, опоясанная балконом, по которому ходит диспетчер и кричит в рупор: «Три вагона на пятый путь!» «Вагон на третий путь!» Эхо ещё долго повторяет за ним: «Гон-гон-гон!» «Уть-уть-уть!» Под это крик стрелочники, одетые в замасленное тряпье, в сумерках похожие на призрачные существа, мечутся от стрелки к стрелке. Погромыхая, скатываются с горки неуправляемые вагоны. Возле каждой стрелки на столбике ящичек с жёлтым оконцем, куда стрелочники вставляют керосиновые фонари. И вот уже вся станция перемигивается жёлтыми глазками...

Витебская станция, та, из моего раннего детства, ушла в прошлое и Бог с ней! У меня никакой ностальгии по тому пейзажу не возникает. Может быть у меня и «малой- то родины» нет? В Вяземской, где родилась, мне потом ни разу побывать не довелось, да и в остальных местах мы, семья железнодорожника, как и семьи военных, долго не задерживались. Я привыкла к кочевой жизни, мне она и сейчас нравится! Мне везде хорошо и интересно, в любом краю! Был бы только элементарный комфорт!

Очень скоро папу перевели в Рославль на повышение – уже начальником депо! Однако нашего материального положения это почти не улучшило. Зарплата повысилась на незначительную

толику. Единственное, что мог выполнить папа из обещанного теще, это то, что не разрешал жене устроиться на работу. Но у неё хватало работы и дома. Как начальник, он взял за правило являться в депо в белоснежных рубашках и безукоризненно отутюженных костюмах. Он требовал от рабочих и служащих дисциплины и, естественно, сам старался служить примером. Аккуратность в одежде была для него главным фактором, способствующим соблюдать дисциплину и в работе. Кстати, возможно это убеждение подкрепили и бабушкины воспоминания. Мамин отец, Алексей Николаевич Сапунов, лучший машинист Витебской станции, всегда выходил в рейс в цилиндре и белых перчатках. Кто-то из бывших папиных сослуживцев рассказал мне такой случай. Один машинист собрался в рейс в драном картузе, мол, всё равно от угольной пыли форменная фуражка испачкается. Жалко – новая! Заслонов, который лично отправлял каждую бригаду в рейс, отчитал его, снял свою фуражку, надел тому на голову и пояснил, что дисциплина начинается с одежды. В депо повсюду – уголь мазут... Начальнику приходилось и в ремонтную яму спускаться и в кабину, а то и в топку паровоза забираться. Был такой случай – провалились колосники, которые почему-то срочно нужно было поднять прямо в горячей топке. Никто не решался лезть. Пришлось начальнику пример показать. Тогда как раз проходил по Союзу один из многих, появившихся в те времена, идиотских починов - ремонт в горячей топке. Залез и сжёг форменный костюм. И осталось у него таких костюмов всего два. Перед этим он отдал совсем ещё новый, недавно полученный, костюм многодетному пьянице-кочегару. Мало того, что маме приходилось каждый день стирать, крахмалить, отглаживать его рубашки, раз в три дня она должна была отдраить, очистить от мазута, выстирать и отпарить один из двух этих костюмов. Помню, постоянно отмокала то в горчице, а то и в керосине, его промазученная форма. Не раз видела, как мама, морщась от боли, обкладывала мякотью алоэ, разъеденные до болячек руки.

Бабушка не уставала и так и сяк намекать папе, что не выполняет он, обещанного перед женитьбой. Не стремится обеспечить её дочери хотя бы сносного уровня жизни. Она имела обыкновение говорить или действовать намёками и довольно язвительными. Характер у неё был сильный, а некоторые манеры исподволь перенимали окружающие, даже папа. Кто-то из партизан рассказал такой случай. Будучи уже командиром партизанского соединения, а это, почитай, что генерал, Заслонов навестил как-то один из молодёжных отрядов. Лесной лагерь выглядел неухоженным. Около землянок грязь, мусор. Заслонов молча наломал веник и принялся подметать. Тут молодёжь подхватила, давай веники ломать да чистоту наводить! Партизан рассказывает, а у меня в голове промелькнуло – бабушкин приёмчик! Она могла, например, когда зять дома, молча взять молоток и начать вбивать какой-нибудь трудный, но необходимый, гвоздь. Тому волей-неволей приходилось подключаться. Но зять – увы! – сейчас уже, как когда-то в Вяземской, редко бывал дома. Снова начались ночные бдения! Депо досталось трудное. Его и предупредили – направляют сюда на повышение, чтобы поднял! Вот он и старался, в надежде, что это поможет заделаться в конце концов студентом ЛИПСа, теперь уже заочником. Знало БОЛЬШОЕ НАЧАЛЬСТВО, на ком можно ездить! У него выхода другого не было, кроме как стараться изо всех сил – ДОКАЗАТЬ! ДОКАЗАТЬ! ДОКАЗАТЬ! По-видимому, именно в это время ему предложили поступить в школу разведчиков-диверсантов при КГБ, он ведь показал уже когда-то в Новосибирске, на что способен. Всё происходило до того законспирированно, что даже в музее в Орше и в музее Великой Отечественной войны в Минске, даже в Партархиве ничего об этом мне, в своё время, не сказали и никаких документов не показали. А, возможно, и сами не знали – такая это была тайна за семью печатями. Узнала я об этом совсем недавно и совершенно случайно, можно даже сказать - при не совсем обычных обстоятельствах. Как? – расскажу позже. Я тут же начала расспрашивать маму. Оказалось, и она об этой тайной стороне его жизни ведать не ведала. Лишь с огорчением констатировала: «Так вот, значит, в какие командировки он зачастил тогда в Рославле?! А я-то думала – к бабе! Переживала, ревновала!» Она чувствовала, что муж, родной человек, что-то скрывает. Что-то ОЧЕНЬ ВАЖНОЕ! И, естественно, что может в таком случае придти в голову – измена! Любовная связь! Начались для неё беспокойные, «на нерве», дни. Похудела. Взрастила свои фантазии-подозрения до глобальных размеров. И, словно катализатор, подпитывала - усиливала эту её нервозность ещё и материальная неустроенность. Зарплаты и так еле-еле хватало, а тут ещё нововведение – штрафы! За любую неполадку в депо штрафовали начальника из зарплаты. Бывали дни, когда он приносил вместо положенных 90-та рублей, всего –

25, которых хватало только лишь на хлеб. А тут вдруг мама забеременела. Она не сказала об этом ни папе, ни бабушке и буквально на днях рассказала об этом мне. Тайну хранила, потому что твёрдо решила сделать аборт. Знала, что ни религиозная бабушка, ни папа не разрешат ей пойти на такой шаг. Поделилась тогда только с соседкой, Марией Иосифовной, женщиной в возрасте, муж которой работал у папы инженером. Почему-то мама с ней подружилась, хотя, казалось бы, должна скорее бабушка. Мария Иосифовна была интеллигенткой старой закалки, но курила и это бабушку отвращало. Соседка разыскала по настойчивой маминной просьбе нужную бабку и та сделала своё чёрное дело. К слову сказать, мужа Марии Иосифовны, милейшего, безобиднейшего человека, очень скоро арестовали. Так на всякий случай. А вдруг этот дореволюционный фрукт надумает когда-нибудь сделать что-то плохое для советской власти! Папа возмущался, потому что тот был прекрасным специалистом, очень ответственным в работе. Конечно же, ни папа, ни бабушка так и не узнали на что решилась мама, но на неё самую содеянное так подействовало, что она пребывала в состоянии, очень близком к нервному срыву. Она всё-таки была воспитана в религиозном духе, знала, что пошла на величайший грех, но иного выхода не видела. Появление ещё одного члена семьи материально вытянуть казалось ей невозможным. Я помню – она стоит у окна на кухне и со слезами в голосе говорит бабушке: «Он всё хочет кому-то что-то доказать! ДОКАЗАТЬ! А жить когда?!» Начались долгие разговоры по вечерам. Выяснения отношений. УВЫ! Витебской идиллии уже не было. Она согласна была стирать и гладить. Это полагалось делать жене! Но не видеть мужа сутками, мучительно придумывать каждый месяц как же это продержаться, чтобы не голодать, она была уже не в силах. Мама до сих пор ненавидит слово – «доказать». Такими они были разными людьми. Не понимала она – зачем? Зачем нужно что-то кому-то доказывать? Неужели нельзя жить иначе? Бабушка целыми днями молилась. Икон в доме не было – не дай Бог! - увидели бы соседи! Однако бабушка в положенное по церковным правилам время проводила одна в комнате полную церковную службу с чтением молитв и песнопениями в полголоса. Пока она молилась в комнате, мне наказывала, как можно громче петь в кухне, чтобы Лобаниха, соседка сверху, её не услышала. Я и орала во всю мочь песни с пластинок: «Ночь тиха, над рекой, нежно светит луна!» - на цыганский лад, с надрывом. Этот романс и ещё почему-то: «Широка страна моя родная» - казались мне музыкальными шедеврами. Тогда я ещё не была сильно закомплексованной девочкой. Что-то из моего изначально независимого характера во мне ещё оставалось. Даже папе отваживалась выговаривать. Слышу однажды мамин с ним разговор по телефону: «Опять ты этого лысого чёрта притащишь! Нет у меня ни денег, ни продуктов! Не буду ничего готовить!» Оказывается, приехал корреспондент «Гудка» - газеты железнодорожников всесоюзного масштаба. По сложившейся традиции начальник депо должен был устроить для него застолье, иначе, кто его знает, чего тому придёт в голову написать про депо! Наступили времена, когда газетная публикация могла напрочь человека уничтожить. Конечно же, мама и стол накрыла и за бутылкой сходилась. Кстати, папа совсем не мог пить, зато гостю больше доставалось, и тот очень любил захаживать именно к начальнику депо. Вечером являются. Я выбегаю навстречу и во всеуслышанье заявляю: «Мама же тебе сказала не приводить лысого чёрта!» Бабушка в ужасе потащила меня за руку на кухню и там принялась шёпотом причитать: «Ох, что ты наделала! Ох, посадит он Костю теперь! Ох, Господи, пронеси!» Уловив, что этот «лысый чёрт» может сделать папе что-то плохое, я решила заранее ему отомстить! Когда застолье было в самом разгаре, я пробралась в комнату, залезла под стол и давай щипать гостя за ноги. Тому и больно и неловко. Наклонится, заглянет под стол, пробормочет что-то вроде: «Малышка, хи-хи-хи... Играешь, малышка. Хи-хи-хи...» А я снова за своё!

Мама, подозревавшая папу в изменах, тоже однажды, когда представился подходящий случай, решила ему отомстить! Конечно же, не на всю катушку! Это был бы СТРАШНЫЙ ГРЕХ! Так, немного поиграть на нервах. Она помнила, как папа женихом ревновал её. В это время приехал к соседям сын – военный лётчик. Воевал в Испании. Был ранен и лечился в Париже. Чего только ни привёз он из столицы моды! И дикий халат с драконами на спине! Его сестра только и щеголяла по городу – то в лиловом халате, то в малиновом, то жёлтом. И разных цветов лайковые дамские курточки! И необыкновенные лохматые с блёстками свитера! И, совсем уж невиданную в советской провинции, изящную, на высоченном каблуке обувь! Он сразу же положил глаз на маму. Не обращая внимания, на то, что она замужем, стал напропалую за ней ухаживать, прельщая

привезенным богатством. Однажды этот шмотковый кавалер пригласил её в кино. В кино она пойти решила – пусть муж поревнует! Но, чтобы не вызвать подозрения в ОЧЕНЬ СЕРЬЁЗНОЙ измене, в качестве свидетеля прихватила меня. Так я впервые попала в кино да ещё на вечерний «взрослый» сеанс. По душе мне пришёлся только мультик, показанный вначале. В картине же, как сейчас вспоминаю, я воспринимала планы только снятые в натуральную величину. К крупным и очень общим мои глаза тогда ещё никак не могли приспособиться. Было очень скучно, хотелось спать и, в довершение ко всему, приспичило в уборную. Я стала тормозить маму и хныкать: «Пи-исать хочу!» Маме было неловко перед кавалером и она шёпотом сказала мне: «Проберись к концу ряда, там тихонечко присядь возле стенки и пописай». Я так и сделала. Пробралась, присела... но тут почувствовала, что на подходе нечто более значительное. Решила – раз можно это, значит можно и то! И давай действовать с присущими такому процессу звуками. Мама вскочила, бросила кавалера досматривать фильм, утащила меня из зала, выговаривая: «Я же тебе разрешила только пописать!» После этого случая она стала того кавалера избегать! Думаю, что папа так и не заметил её «измены», такой он был в то время «замотанный».

Бабушке давно уже стало не до духовного воспитания подрастающего чада. Была бы только накормлена, напоена и не болела! Когда-то, мама в детстве чуть не заболела туберкулёзом. Очень уважаемый в Витебске детский врач посоветовал Анне Захаровне кормить дочку гоголем-моголем и поить какао. Теперь этой пищей бабушка пичкала меня. На питание ребёнку деньги всегда выкраивались. О витаминах и об их пользе тогда понятия не имели. Бабушка презирала овощи и фрукты, особенно, почему-то, огурцы! Считала все эти продукты просто водой, которую природа подкрасила и облекла в форму, но пользы от них никакой! От калорийной пищи у меня часто болел живот, постоянно поташнивало, но исправно, утром и вечером я должна была обязательно съедать чашку гоголя-моголя и выпивать стакан какао. Из-за какао на ночь начались бессонницы, да так и не оставляют меня до сих пор. Свою ранее такую обширную воспитательную программу бабушка свела к минимуму. К поучительным историям и сказкам на сон грядущий про хорошую девочку, которая всех слушалась, про добрую фею и прекрасного принца. Особенно она любила рассказывать одну историю и преподносила её так прочувствованно, что мне казалось – всё это произошло с ней! Якобы случилось это в Пасхальную ночь. В домик к одной старушке залез грабитель. Однако та не испугалась! Со словами: «Христос воскрес, сынок!» - протянула головорезу раскрашенное пасхальное яичко. Бандиту ничего не оставалось, как расплакаться и покаяться. Под конец рассказа и в бабушкином голосе тоже звучали неподдельные слёзы, даже надрыв, в том месте где бандит упал перед старушкой на колени, поцеловал ей руку и назвал дорогой мамочкой. Очень любила моя бабушка эдакий театральный надрыв! Только вот после двух-трёх историй глаза у неё начинали слипаться, весь энтузиазм сходил на нет, а я, напившаяся какао, – бодрячок бодрячком! Тогда она говорила: «Лежи тихонечко, сама себе придумывай и рассказывай сказки, вот и заснёшь!» Бабушка- бабушка! Если бы ты знала, на что ты меня обрекла! Я привыкла сама себе рассказывать придуманные сказки, а потом и верить в них до такой степени, что часто не могла уловить разницу между реальностью и тем, что придумала. Так и прожила всю жизнь в наполовину придуманном мире! Не помню, тогда ли, или гораздо позже, наверное, всё же позже я придумала историю про свою фамилию. Вот такую. Происходило это в древние-древние времена. На большую зажиточную деревню часто нападали супостаты. Грабили, убивали, разоряли жилища. Оставшимся в живых, приходилось каждый раз начинать всё с нуля. Ну, нельзя такое больше выносить! Собрались на площади, стали судить да рядить как дальше-то быть. Придумали! Послали добровольцев в заслон на подступах к деревне, чтобы те, как враги появятся, неожиданно из засады всех и перебили! Вот и пошла от тех добровольцев фамилия - Заслоновы. Я тогда и не подозревала, что предугадала папину судьбу! Говорят – дети обладают способностью предвидения!

Тем временем наша семейная лодка подплывала к гремучим порогам и вот-вот могла разбиться... Эх я выдала! Прямо-таки в бабушкиной манере! С надрывом! Кстати, о надрыве. Что – бабушка! Первая половина 20-го века это всеобщий сплошной надрыв. ТАНГО. Стиль жизни в духе танго господствовал тогда на всём земном шарике. На всех континентах, в каждом государстве, независимо от социального устройства. И в Стране Советов тоже. Разве революционные и советские песни это не надрыв? Не танго? Даже, если они писались композиторами в ритме

марша, всё равно в каждой было что-то от танго. А речи, звучавшие по радио? Что ни оратор – надрыв! Танго! Чем больше надрыва, тем значительнее считалась речь выступавшего. И как вы прикажете играть ребёнку, запертому одному в квартире? А вот так! Я осторожно стягивала со стола скатерть, залезала на него и начинала произносить речь, конечно же, с надрывом! И о спасении Челюскинцев, и о войне в Испании, и о борьбе с вредителями. Папа теперь часто привозил из командировок детский журнал «Мурзилка», который и служил основным источником моих настольных выступлений. В ход шло всё – и стихи, и проза, и, даже, научно-популярные статейки, в которых я не всё понимала, но которые со стола звучали эффектно. Очень нравилось мне декламировать стихотворение «Лолита», довольно несовершенно с точки зрения поэзии, но зато злободневное. «Лолита! Десять лет тебе, но ты привыкла ко всему!» – я вытягивала руки, словно принц из бабушкиной сказки, обводила ими полукруг, показывая к какому множеству вещей привыкла испанская девочка. «К ночной тревоге и стрельбе! К родному дому своему!» Дальше шёл рассказ про младшего брата девочки – Педро, как раз подходившего мне по возрасту. Он помогал бойцам – подносил снаряды и его ранило. Под стихотворением были нарисованы портреты брата и сестры, таких красивых, что у меня просто дух захватывало, особенно от Педро! Я вырезала его портрет – без сестры! – и приклеила на стенку под ковром. Это стало моей ПЕРВОЙ ОГРОМНОЙ ТАЙНОЙ! Вот так, впервые в жизни я влюбилась. Образ незнакомца Педро навек остался моим идеалом и подрастал и выросл вместе со мной! В те времена очень модными были, купленные на базаре, кустарно изготовленные картинки в стиле танго. Почти в каждой квартире – не стенке или на комод. Разукрашенные разноцветной фольгой, с нарисованной идиллической любовной сценкой и с такими вот глуповатыми надписями: «Люби меня, как я тебя!» «Саша, ты помнишь наши встречи?» «Любовь и ревность – два лица!» У моих родителей хватало вкуса не обзаводиться такими картинками, но их дух – дух танго, неизменно присутствовал и в нашей квартире, а один персонаж неожиданно материализовался в лице Цили.

Сверху назначили папе заместителя с высшим образованием – тот самый ЛИПС, недоступный для папы. Цилия – точная копия, как она сама уверяла, Розы Люксембург. Такая же сутулая коротышка и такая же напористая. Как потом мы узнали, она забросала Наркомат путей сообщения письмами, в которых требовала, чтобы начальником депо поставили её, как специалиста с высшим образованием, а Заслонова к ней в помощники. Но об этом папе тогда ещё не было известно. Так как дипломированному спецу не подобало жить в рабочем общежитии, а более достойного жилья начальник в одночасье предоставить ей не мог, он временно поселил эту даму у себя, уступив ей одну из наших двух комнат. Помню, она привезла с собой множество подушек и подушечек всех цветов и размеров, украшенных бантиками и розочками. Жилища оказалась нахрапистой и бесцеремонной. Она напропалую, не обращая внимания на присутствие жены и тёщи, кокетничала и заигрывала с начальником. Кидала в него время от времени одну из подушечек или же, к полному бабушкиному возмущению, словно невзначай, в разговоре клала ему руку на ногу гораздо выше колена. Папа краснел и выходил из комнаты. Мама совсем сошла с лица, так съедала её ревность, подогреваемая ещё и бабушкиными наставлениями. Я уже писала, что мой дед, Алексей Николаевич Сапунов, был неисправимым ловеласом и бабушка в те времена разработала целую систему предупреждения очередной измены. Она почти никогда не ругалась в повседневной жизни, но могла сорваться и «выступить» ради защиты целостности семьи – и тогда это было ЧТО-ТО! К работе детективами она привлекла всех своих подруг и соседок. Бывало так, прибегает одна доброволка, докладывает, мол, Анна Захаровна! Приехал на гастроли новый театр и твой уже с дамочкой из кордебалета дефилирует по променаду! Бабушка туда! Видит – её благоверный в цилиндре и белых перчатках ведёт под ручку расфуфыренную мамзель. Бабушка сзади подкрадывается, да как стукнет сверху по цилиндру, тот и наделся щёголю по самый воротничок. Мамзель в крик, а кавалер, высвободившись из смятого цилиндра, не растерялся, представил дам друг другу и, подхватив под руку свою Анюту, повёл домой, забыв про незадачливую лицедейку. Своя была роднее и дороже. Теперь бабушка передавала прошлый опыт маме. Она и тут привлекла доброволок осведомительниц и те старались изо всех сил! Прибегает одна и, с плохо скрываемой радостью, докладывает: «Ваш в кабинете с Цилей свет погасили!» Мама бегом в депо. Говорит – свет уже горел, но были они оба какие-то всклокоченные. У ревности, как и у страха, глаза велики.

Не думаю, что ужасно брезгливый и привередливый папа мог прельститься такой – с базарной картинкой. Хотя, кто знает? Шутки дьявола над нами человеками не поддаются логике! В конце концов мама настояла, чтобы Циля подыскала себе частную квартиру. Но детективно-разведывательная система была запущена, набрала разгон и, как те предприятия, где работают с удовольствием, сбою не давала. Как-то поздним вечером прибегают сразу несколько разведчиц и докладывают: Ваш-то – это точно-точно он! – невысокий, коренастенький в железнодорожной фуражке полез к Циле в окно! Тут бабушка подхватила и к дому разлучницы. Прислушалась перед открытым окном – перебрасываются подушками, хихикают и целуются-милуются. Она, не долго думая, в окно и давай дубасить любовников-прелюбодеев, приговаривая: «Ах ты, гад! Дочь мою позоришь!» В конце концов кто-то зажёл свет. Оказалось – к Циле-то залез деповской парторг! В темноте по похожей фигуре и железнодорожной фуражке разведчицы приняли его за начальника депо. Бабушка быстрее домой с радостным известием – ошиблись разведчицы! Но мамину ревность уже ничто не могло успокоить! Она решила, что Анна Захаровна обманывает, чтобы не переживала, не тратила здоровья. Однажды она столкнулась с Цилей на улице и потребовала, чтобы та отстала от мужа. Но та, с присущей ей наглостью, заявила: «Ты пожила и хватит! Дай теперь другим пожить!» «Ах ты проститутка! Ах ты... Ах ты...» Мама лихорадочно подыскивала всё обидное, что только можно сказать, а, так как она прожила всю жизнь бок о бок с еврейской семьёй, знала, что для них самое болезненное. «Ах ты, жидовская морда!» - выдохнула той в физиономию. Этот милый разговор происходил при свидетелях и Циля подала на маму в суд. На суд мама пришла с уже обозначившимся животиком. Второй раз она побоялась делать аборт. Суд её оправдал – у беременных нервная система на взводе. К тому же, свидетели стали на сторону обвиняемой, заявив, что истица явно провоцировала её. Папа был настолько занят, что, по-моему, и не знал ничего об этом эпизоде. А вот бабушка принимала активное моральное участие. Однажды я застала её за «разговором» с Богом! Стоя на коленях перед окном - икон-то в доме не было!- она просила у Заступника прощения за то, что клянёт Его создание, но всё же настаивала, чтобы он поспособствовал этой злодейке попасть под паровоз! Когда же – мы были уже в Орше – пришло известие, что Цилю переехало паровозом, бабушка слегла с сердечным приступом. Она была уверена, что это она накликала на человека, пусть непутёвого, но Божье создание, беду. ГРЕХ! ГРЕХ! ГРЕХ! Родилась Ирочка, Состояние ТАНГО ещё не оставило моих родителей, иначе, почему они назвали сестрёнку именем – Иза. Иза- Муза! Муза- Иза! Правда, потом опомнились и стали звать Ирочкой, но «Иза» всё же осталось в её метриках и потом перешло в паспорт. Мне доверяли её укачивать и даже кормить из бутылочки с соской. А у мамы прибавилось занятости. Она, как жена начальника, должна была стать «добровольно» членом женактива. И попробовала бы она не явиться на какое-нибудь собрание этого актива! Зачастую на каждом таком собрании с лекцией о международном положении выступал сам парторг. Не известно, было ли причиной бабушкино нападение на него в цилиной квартире, только каждый раз после собрания он говорил маме задержаться. Оставшись вдвоём, начинал нести всякие гадости в адрес женского рода, вроде бы напрямую никакого отношения к маме не имевшие, но то, что она была вынуждена выслушивать это, уже задевало её. При этом он гладил её по руке, но, к счастью для мамы, ничего себе больше не позволял...

Очень скоро после рождения сестрёнки наша семья переехала в Оршу. Папу перевели на более ответственный участок. Оршанское узловое депо считалось почётным назначением – через Оршу проходило множество железных веток в разные концы страны. Когда-то депо слыло передовым и показательным, но к моменту нашего туда прибытия, оно сильно устарело и пришло в упадок. Нужно было «вытягивать» - всё это ложилось на плечи нового начальника. Но об этом позже. Переезд запомнился мне двумя моментами, непосредственно касающимися моей особы. Один, ну просто-таки постыдный, а другой – таинственно волшебный.

Сначала о постыдном. Бабушка воспитывала меня, как, наверное, в своё время и маму, в великом страхе перед СРАМОМ. Ужасным СРАМОМ считалось обнажать тело. Не надевай это платье! Оно уже мало тебе! Попка видна – СРАМ КАКОЙ!» Быть даже чуточку обнажённой – СРАМ, голая – ВЕЛИЧАЙШИЙ СРАМ! «Ай-яй-яй! Всё тело видно! СРАМ-то какой!» Поэтому я выросла в ужасе перед обнажённым телом. К счастью, с возрастом избавилась от этого предубеждения.

Когда паковали вещи, мама извлекла откуда-то из-под белья, спрятанную там книжку. Книжка! Я хотела тут же схватить и полистать её, но мама не разрешила, Это, мол, не для детей. Моё любопытство разгорелось с ещё большей силой! Выждав момент, когда никого не оказалось поблизости, я схватила книжку и стала листать. От увиденного пришла в ужас. В конце книжки на фотографиях был – СРАМ! Голые люди, даже не люди, а какие-то нежити с пустыми глазами! УЖАС и СРАМ! Понятно теперь, почему древние варвары, завоёвывая Грецию и Рим, с остервенением уничтожали их скульптуры! Им тоже увиденное казалось ужасом и срамом. Да! Как я теперь припоминаю, это были фотографии древнегреческих скульптур. По-видимому, книжка рассказывала об искусстве Древней Греции. От УЖАСА и СРАМА я заплакала, стала рвать и топтать эту книжку. Вошедшая мама завопила: «Что ты делаешь! Папе в библиотеку сдавать!» Что же, говорят – ребёнок повторяет в своём развитии все стадии развития человечества. Я тогда пребывала в стадии варварства. Однако варварам, всё же, не чуждо было чувство прекрасного, особенно в мистическом окрасе. Это, что касается второго момента, мистического и волшебного. Мы переезжали в Оршу где-то в середине весны. Как семья железнодорожника – своя рука владыка! – ехали в отдельном товарном вагоне вместе с вещами. Широкие раздвижные двери вагона весь день открыты. На уровне моей груди прибита доска, поэтому целый день я могла стоять и смотреть на проплывавший мимо пейзаж. На каждой большой станции вагон долго гоняла по путям маневрушка, пока не цепляла к нужному поезду. Иногда приходилось подолгу простаивать в самом дальнем тупике. Выходить из вагона на таких стоянках мог только папа, так как никогда не было известно, когда же в очередной раз маневрушка нас подцепит. Однажды, когда вагон загнали в очередной тупик, я, стоя на своём месте у доски, увидела ЭТО! Мы находились на небольшом откосе, а ниже метра на два-три – лощина и за ней дремучий лес. По всей лощине на фоне весенней зелени сияли таинственные лиловые цветы! Имевшая до этих пор перед глазами только урбанистический железнодорожный пейзаж, я восприняла увиденное, как волшебство. Так это было ПРЕКРАСНО! Мне казалось, что в наступающих сумерках, сказочные цветы сияют и светятся, словно огоньки и, ожившие, кружатся медленным хороводом! Чудилось, что я даже слышу их тихое пение. Может быть, тут сыграла роль мимолётность и недоступность? Как раз нас в этот момент подцепила маневрушка и мы стали медленно удаляться. Эта мистическая картинка навсегда осталась в моей зрительной памяти, как одно из подаренных мне жизнью счастливых мгновений. Потом я узнала, что цветы эти в народе называют – «Сон». Возможно, они и впрямь обладают какими-то волшебными свойствами, не зря же у них такое колдовское имя! С тех пор – они стали моим любимым цветком, моим талисманом!

Дом в Орше для руководящего состава железнодорожного узла построили совсем недавно. Сложенный из брёвен, как сруб в виде широкой буквы «П», он был обит вагонкой и выкрашен в зелёный цвет, по цвету пассажирских вагонов. В каждой ножке буквы располагалось по две квартиры и четыре в перекладине. Стоял дом на откосе прямо над железнодорожными путями, конечно же, неподалеку от депо. Собственно, тут был своего рода городок железнодорожников. Чуть в сторонке располагались два тоже новых барака для семей рабочих дороги. С другой стороны, сразу за ручейком мыльных сточных вод, текущих от «душкомбината, - этот самый «душкомбинат». Целый комплекс помещений, предназначенных для отдыха сменных паровозных бригад. Спальные комнаты, душевые, столовая и клуб, где часто крутили кино, время от времени выступала самодеятельность, деповская и приглашённая, бывали и настоящие артисты. Однажды меня взяли на какой-то концерт и он произвёл на меня такое огромное впечатление, что я попробовала дать похожий перед прусаками, когда в очередной раз, уложив Ирочку спать, нас заперли одних. Хотя дом и был новым, в квартире уже кто-то жил до нас и развёл этих тварей столько, что мама с бабушкой никак не могли их вывести. Покупали в аптеке какие-то порошки, разводили по инструкции водой, обрызгивали кухонную плиту, сметалидохлых прусаков в помойное ведро, а назавтра они снова плотным слоем плиту облепляли. Короче, у меня была обширная зрительская аудитория. Я закрыла дверь в комнату, чтобы не разбудить Ирочку, накинула на плечи кружевную накидку с подушек – и пела, и танцевала и представляла себе, как прусаки на своём, не слышном мне языке, зовут друг друга: «Скорее! Скорее! Занимайте лучшие места! Тут концерт дают!» Вот только аплодировать они не умели.

Я уже подросла и бабушка, занятая Ирочкой, отваживалась выпускать меня во двор без присмотра,

с условием, что не буду носиться «как угорелая». Она считала любое занятие спортом очень вредным. На её взгляд все спортсмены были чересчур тощими – не иначе, как туберкулёзники! В нашем дворе почему-то жили одни девчонки, моего, примерно, возраста. Однажды выхожу во двор а подруги кидаются ко мне с криками, похожими на дразнилку: «Э-э! Твоего папу судят! Твоего папу судят!» И потащили меня к огромному щиту возле дорожки на душкомбинат. Там крупными буквами сообщалось, что в такой-то день, в такое-то время в клубе железнодорожников состоится суд над начальником депо К.С.Заслоновым. В те времена в СССР было принято судить каждого опоздавшего на работу, даже на пять минут. Провинившегося штрафовали на несколько зарплат, а то могли уволить и даже посадить. Нет, Заслонов, конечно же, никогда не опаздывал! Но он, как начальник депо, обязан был докладывать в политотдел обо всех опоздавших. Как везде, на всех советских промпредприятиях, в депо вечно не хватало запчастей, иногда позарез необходимых для срочного ремонта. Работал у папы то ли токарь, то ли слесарь - мастер «золотые руки». Из любой бесформенной железки мог сварганить нужную деталь. Что-то у него в семье случилось, какая-то трагедия и он с горя неожиданно запил. Несколько дней не выходил на работу. За такое могли наказать очень серьёзно и не посмотрели бы, что у человека горе. Конечно же, папа никуда докладывать об этом случае не стал. Однако нашёлся какой-то радетель за трудовую дисциплину и нафискалил куда следует. Теперь уже над Заслоновым, покровителем разгильдяев, состоялся суд. Его наказали на целых три месячных зарплаты. Представляете, какой это был подарок для мамы. Хотя, казалось бы, она давно уже должна была привыкнуть и смириться. Штрафовали папу постоянно, даже за аварии, никакого отношения ни к депо, ни к ремонту паровозов не имевшие. Так, для острастки. Раз беспартийный, значит уже виноват! Мама и рада была бы его понять и посочувствовать, но сил уже никаких не было. Вот, к примеру, случай, характеризующий наше тогдашнее материальное положение. Повела меня бабушка в парикмахерскую. Она была уверена, что частые стрижки помогут моим жиденьким волосёнкам стать жёстче и гуще. Парикмахер постриг и спрашивает, не желаю ли я быть поодеколоненой. Конечно же, я пожелала! Меня побрызгали из пульверизатора и это удовольствие обошлось в лишние четыре копейки. С собой же бабушка взяла денег только на стрижку – одиннадцать копеек. В душкомбинате, где находилась парикмахерская, все нас знали и бабушке поверили, что занесёт нехватку, но всю дорогу домой она не переставала корить меня за склонность к расточительству. Ей было стыдно перед парикмахером, мол, скажет, что Заслоновы нищие, копейки считают. А на самом-то деле она действительно вынуждена была считать каждую копейку!

Так же как и в Витебске и в Рославле мама с бабушкой занимались заготовкой продуктов по деревням. Благо, на железной дороге все свои, если недалеко, можно проехаться и бесплатно. Бабушка, благодаря прошлому опыту, умела торговаться, мама была за тягловую силу. Правда, деревни к тому времени почти обнищали, люди там стали злыми, неприветливыми, несговорчивыми. В одной их чуть не побили. Но всё же они как-то умудрялись привозить и картошку, и творог, а то и добротный кумпяк, который можно было очень экономно использовать для заправки борщей, тушёной картошки, каш.

На время их поездок я оставалась за няньку для Ирочки. Мне доверяли её обихаживать, кормить, даже укачивать на руках. Личиком она уродилась в папу, что ему несказанно льстило, только глазки синие, а не карие, как у него. Когда вечерами папа – иногда такое всё же случалось! – вовремя возвращался с работы, мама и бабушка, завидев его, поднимали сестрёнку под мышки к окну, подпевали, а она пританцовывала. Увидев это издаലെка, папа тоже начинал пританцовывать, так и сяк размахивая руками. Все соседи прилипали к окнам и добродушно посмеивались, мол, ишь Заслонов выкаблучивает! Однажды в самый разгар такого танца затряслась вдруг земля, как при семибальном землетрясении. Раздался страшный грохот. Папа так и застыл с приподнятой ногой, потом, словно очнувшись, махнул нам рукой и побежал к откосу за домом. Все повыскакивали из квартир. Возле откоса словно небоскрёб вырос – три товарных вагона торцами друг на друге стоят. Паровоз завалился на наш откос, шагах а тридцати от дома. Столбом чёрный дым, языки пламени! Страшная произошла авария! Тогда на железной дороге внедряли техническое новшество – автоматические стрелки. Что-то в этой автоматике не сработало. К депо это никакого отношения не имело, но бабушка несколько дней и ночей молилась особенно усердно, боялась, что будут придирааться к папе. Его, кстати говоря, и таскали и допрашивали, но обошлось.

В те дни страшно боялись фашистских диверсантов. Страх войны уже навис над страной. Однако маме казалось, что иногда муж даже ждал, когда же всё начнётся! Она вспоминает, что он с какой-то истовой обречённостью в голосе, упрямо твердил: «Вот начнётся война – я им докажу, что я настоящий коммунист!» Маме, как жене начальника и члену женактива, приходилось вместе с остальными жёнами и группами комсомольцев участвовать в подготовке встречи с войной. Это были учения по противовоздушной и противохимической обороне. Возили на тачках барабаны с опилками, посыпали дорожки. Бегали по улице в противогазах, кого-то перебинтовывали, укладывали на носилки, тащили к полевому медпункту. Чаще всего роль пострадавшей доставалась маме, как самой миниатюрной и лёгкой. Я уже упоминала, что в нашем дворе жили почему-то одни только девчонки. Единственный мальчишка – Колька Питулайнин, сын папиного сослуживца и друга, учился в третьем классе и с нами, мелюзгой, не водился. Мы, девчонки, тоже играли в духе времени. Разбивались на два лагеря – красных и белых. Ползли сквозь лебеду и крапиву, выслеживая противника. Выследив, шли в атаку, обстреливали комьями земли и камнями. А потом победным маршем, вместе с побеждёнными, обходили вокруг дома, распевая как можно громче: «Синее море! Красный пароход! Сядем мы, поедem на Дальний Восток! На Дальнем Востоке там пушки гремят! Белые солдатики убитые лежат! Музыка играет! Барабаны бьют! Немцы отступают! Красные идут!» Как видите, у нас были своеобразные взгляды на географию! Иногда мы вели серьёзные разговоры о международном положении. Примерно в таком духе: если на свете так много отравляющих веществ, почему бы, не накормить ими Гитлера – и дело с концом! Как это взрослые не догадаются такое осуществить? Однажды кто-то из нас прополз по-пластунски по свежей куче какашек и с рёвом побежал отмываться. Это послужило некоторым разочарованием в наших играх, они показались чересчур однообразными и мы решили пригласить мальчишек из барачного двора. Если в нашем дворе были только одни девчонки, то во дворе двух соседних барачков, наоборот, одни сплошные мальчишки нашего же возраста. Уж они-то в военных действиях должны разбираться! Мы своими глазами видели у них деревянные ружья! Пошли на переговоры: «Давайте вместе в войну играть!» А те с презрением: «Ха! В войну? Не интересно! Мы можем интереснее игру предложить!» «ДА?! Какую?» «Очень интересную – в траханье!» Сами понимаете, слова «трахаться» тогда ещё не существовало и игру они называли общепринятым в народе словом. Я хотела его поместить здесь напрямую, даже в оправдание приготовила когда-то очень популярный анекдот. «Чем отличается «мат» от «диамата?» «Тем, что «диамат» никто не знает, но все делают вид, что знают. А «мат» знают все, но делают вид, что не знают». Хотела ещё привести, как оправдательный же пример, рассуждения одного из героев Горьковского «Клима Самгина», что, мол, когда-то в древности это слово даже было приветствием. Кстати, возможно, в наши дни оно уже возвратилось к своему первоначальному значению, уж больно часто, почти на каждом шагу, слышишь его сейчас! Нет, я не ханжа, но и не сторонница литературы в духе Лимонова. Увы! Рука не поднялась напечатать это «приветствие» собственноручно! Итак, мальчишки из барачного двора повели нас всех, дочек командного состава, подальше в угол двора, в густую и высокую лебеду, разбились по парам и велели снять трусики. Сами тоже сняли и начали тереться низом живота друг о дружку. В скученных бараках, они постоянно видели, чем занимаются родители, но до конца пока что не разобрались. Девчонок было на одну больше, чем мальчишек, а я оказалась самая маленькая. Потому, мне дали в руки ружьё и велели стоять «на шухере», а чуть кто появится, кричать – «Атас!» Я очень загордилась, полученным заданием и, когда увидела, что из-за угла вышла бабушка, зовёт меня, крикнула – «Атас!» - бросила ружьё и побежала к ней, радостно сообщая: «Бабушка! В какую интересную игру мы играем!» «В какую же?» «В траханье!» Я назвала именно то слово, что слышала от мальчишек и очень удивилась, увидев, как бабушка побледнела и ухватила за косяк. Осевшим голосом она стала допытываться, что я делала по ходу этой игры и, только выяснив, что я всего лишь «стояла на шухере», несколько успокоилась. С той поры, выпуская меня во двор, она строго-настрого требовала, чтобы я сидела на лавочке возле окна, где она могла бы видеть меня из окна кухни. Если же мальчишки станут звать играть, я должна отвечать, что я благородная девочка и со всякой шпаной водиться не хочу. По-видимому, она поговорила и с родителями девчонок, потому что долгое время никого во двор не выпускали. Мальчишкам же очень понравилось играть с нами, они прибежали звать, а во дворе я одна. Сажу на лавочке и отвечаю, что я, мол, благородная и со всякой шпаной не вожусь. «А!

Благородная!»- бац меня по уху. Бабушка не успела придти на помощь! Пришлось ей и меня подержать под домашним арестом, пока мальчишки не отвыкли от нашего двора. Она меня постоянно наставляла: «Если обижают, задирают – не отвечай. Молча, с презрением во взгляде, отойди в сторонку!» Вот и приучила – не бороться за место под солнцем, а молча с презрением во взгляде уходить. Я такой и осталась на всю жизнь. Хотя, - ну никогда! – никогда это «презрение во взгляде» не помогало мне! Одни недоброжелатели просто не замечали его, на других же оно действовало, как красная тряпка на быка!

А что же самый главный член нашей семьи? Что же мой папа? Почему он почти не присутствует в детских воспоминаниях той предвоенной поры? А потому что я его почти не видела. Просыпалась утром, когда он уже был на работе, и спать ложилась, когда он был ещё на работе. Чем он там так долго занимался на этой РАБОТЕ, я смогла выяснить только разговарив с его соратников по той самой тогдашней РАБОТЕ. Да-да, пришлось потрудиться, чтобы кто-то из них разговорился. Удивительно, как в человеке может сочетаться чувство полёта и одновременно какой-то рабский жалкий страшок?! Помните, в первой главе я приводила письмо машиниста Казаринова, в жизни которого ЗВЁЗДНЫЙ час пришёлся на начало 30-х. Звёздный час в жизни машиниста Грищенкова пришёлся на конец 30-х. Тогда он был молод и, так же, как Заслонов, одержим идеей изменить мир! Однако вынес этот человек из тех звёздных для него лет не только воспоминание о полёте, но и, въевшийся в подсознание, страх. Страх сболтнуть что-то лишнее, за что можно потом и поплатиться. Я записала рассказ А.К.Грищенкова на магнитофон и, чтобы читателю стало понятно, что это были за люди, беседу с ним привожу во всех деталях.

Итак! Включаю магнитофон и собеседник мой начинает бодрым торжественным голосом заученные «положенные» слова.

«Константин Сергеевич был настоящим руководителем. Он увлекал своим примером в труде. Нас удивляла и вдохновляла его трудоспособность, его инициативность. Он был настоящий коммунист, хоть и беспартийный! Мы всегда восхищались его преданностью делу, его инициативностью и честностью! И для нас, молодёжи, он всегда служил примером для подражания!...»

Тут собеседник мой замялся. Все общие слова были исчерпаны, он не знал, что положено говорить дальше и с опаской стал поглядывать на магнитофон... Я сделала вид, что с магнитофоном что-то не в порядке и будто я его выключила, хотя запись продолжалась.

«Что, не пишет? Батарейки, наверное, сели. А Вы в розетку включите, если он приспособлен... Вот здесь розетка!»

Я старательно обыгрывала сценку с магнитофоном, понимая, что только так смогу выудить у рассказчика что-то стоящее. Нажимала кнопки, цокала языком, с сожалением качала головой. Магнитофон в те времена был большой редкостью и собеседник не очень разбирался моих манипуляциях.

«Ну, как? Всё равно не работает? Вот беда-то! Вы знаете что, вы завтра зайдите на радио, там у них такие же магнитофоны. Мастер, наверное же, у них есть. Пусть посмотрит.»

Кассета была рассчитана на полтора часа звучания – каждая сторона. Запись шла, но я, обречённо махнув рукой, отодвинула маг подальше, мол, ничего не поделаешь... Мой собеседник вздохнул с облегчением. Убедившись, что его рассказ не фиксируется, он, совершенно другим голосом, с другой интонацией начал рассказывать то, что давно хотелось рассказать. Так вот просто, от души...

«Да... Я помню хорошо... До войны... Помню Константина Сергеевича хорошо! Мы должны были сделать подъёмку паровозов и сдать, а вместо них получить новые «ФД» и «ИС». Это, вы не знаете, это – «Феликс Дзержинский» и «Иосиф Сталин», такие марки паровозов. Перегоняли мы эти паровозы в Вязьму на обточку – это очень дорого, долго и накладно. Он предлагает однажды: «Будем делать обточку и подъёмку сами!» Подключили технический отдел, рассчитали. Только, когда поднимали паровоз, сухопарник упёрся в балку – в перекрытие. Депо наше, знаете ли, было старое, непригодное... подъёмки никогда не делались! Да... Упёрся в перекрытие, а ещё нужно было вот столько поднять, чтобы выкатить колёса. Вот он и дал команду эту балку вырезать и поднимать! Ну, когда вырезали, подняли. Тут и началось! Почему вырезали? Могут перекрытия упасть! Домкраты могут не выдержать! И политотдел – начальник политотдела Марченко приезжал... Вот журили, вот возмущались! Всё равно сделал, как хотел! И потом признали,

согласились с правильностью его решения. Что он был прав! Так и расчёты же он все сделал с техническим отделом! Он не так – с бухты-барахты! И весь паровозный парк мы тогда обточили! Я был мастером. Обточили и на дороги Казахстана сдали эти паровозы. Потом он начал думать уже и о подъёмке мощных паровозов – «ФД» и «ИС». Раз освоили подъёмку тех, освоим и этих. Не гонять же их в Вязьму на ремонт пока состав простаивает! На этих же домкратах! Всё правильно рассчитали – и получилось! Ночами работали. Вот у меня ещё шрам – это мы ночью... Смена кончится, все уйдут, а мы сбираемся – Белоусов, Сарнов, Таборов и я. Сами начинаем, выкатываем колёсные пары, разбираем. Работали часов до четырёх ночи. А иногда и всю ночь! Точили колёса вот здесь, где нарядческая была. Надо было гонять кругом по путям, а ведущее колесо бортов не имеет... Вот я гонял-гонял... Не удержали мы его, в канаву свалилось и стружкой мне вот зацепило, разрезало. Он меня затащил в поликлинику, перевязали. Потом пришла ваша мама. Вы ж тогда уже были, ну да. Это младшая перед самой войной... Ну, пришла ваша мама, целую сумку принесла – две кастрюли. Заставила нас пообедать среди ночи. Ругается: «Полуночники! Покоя вам нет!» Вот эта подъёмка такая, почти каждую ночь! Однажды зимой... Я уже двое суток домой не приходил – сидел там в депо. А у меня Геннадий мой родился. Это тридцать восьмой год был... Я жил тогда в конце улицы – сейчас улица Заслонова. Печное отопление у меня было. Нечем топить! Дрова выписал, а очередь завезти ещё не подошла. Он говорит: «Есть идея! Сейчас мы нагрузим тебе дров, что для заправки паровозов. Тащи саночки!» Вот мы нагрузили дров на эти саночки – он, Сарнов и я. Притащили ко мне домой, порезали... Ну, значит, хорошо! Он на кухне сел, пока мы затапливаем, сел и говорит: «Я посплю немножко!» Сел и заснул Минут сорок он так поспал, сидя... Потом мы покушали и опять пошли работать. И подъёмку мы сделали! «ИС» стали у себя ремонтировать и «ФД»! Да!...»

Магнитофон щёлкнул. Я, уже не скрываясь, перевернула кассету, нажала кнопку записи.

Собеседник мой испуганно спросил:

«Так он работает?! Вы что, писали?! Ой-ёй-ёй! Что же вы не сказали?! Я говорил всякую ерунду про дрова, про саночки... Знал бы, что записываете... складнее бы сказал... Так что – и сейчас пишете?»

Он откашлялся, поправил зачем-то галстук и уже совсем другим голосом начал:

«Константин Сергеевич был для нас, молодёжи, примером! Учил нас по-коммунистически...»

Я увидела, что разговора больше не получится, протянула руку, чтобы отключить магнитофон. Он заметил:

«Что? Плёнка кончилась? Ну, вот, сколько потратили зря, впустую... на всякую ерунду...»

Мама вспоминает о том времени, как приходил папа домой, иногда после двух-трёх суток непрерывной работы, до того уставший, что падал поперёк кровати, не раздеваясь, и засыпал мёртвым сном. Они с бабушкой стаскивали с него сапоги, форменную одежду. Мокрым тёплым полотенцем протирали измазанное мазутом лицо, руки. Случалось, он спал до того крепким сном, что не мог проснуться в туалет и описывался! Мама с бабушкой, переодевали его, меняли постель, а он, когда просыпался, не верил, что такое могло с ним случиться. Вот как давалось ему строительство светлого будущего страны и всего человечества. На таких самоотверженных трудоголиках пока что и держалась Власть Советов.

Нарком путей сообщения (НКПС) Лазарь Моисеевич Каганович сразу усёк, что начальник депо станции Орша – находка! Вот какой случай рассказал мне ещё один бывший сослуживец Заслонова – Дмитрий Дмитриевич Майоров. Кажется, дело было в 1939 году. Проходила очередная коллегия НКПС. Докладывали начальники ведущих депо страны. Вот один открыл тетрадку, читает. Столько-то сэкономили там-то, столько – там-то... Заслонов с места задаёт вопрос, пусть, мол, товарищ поделится опытом, как они этого достигли, из каких резервов сэкономили.

Докладчик смешался, закрыл тетрадку: «А чёрт его знает! Главбух дал сведения, откуда мне знать?!» Когда же подошла очередь докладывать Заслонову, он раскрыл толстую записную книжку. Там было всё показано в схемах, вычислено, оговорено до мелочей. Все достижения в работе были объяснены – каким образом, какими ресурсами, какими усилиями. Каганович сиял: «Вот как нужно работать, товарищи!» Заслонов воспользовался моментом и пожаловался, что его донимают мелочами, бесконечными выговорами, штрафами. Привёл в пример последний выговор со штрафом. По стране проходила очередная кампания – «Борьба с расточительством»

электроэнергии». У него повреждён глаз, поэтому для работы вечерами, была ввинчена лампочка, более сильная, чем полагалось. Раздули из этого целое дело! Несколько дней вызывали для объяснений, отрывали от работы, дёргали. В конце концов вклеили выговор и оштрафовали. Бывают дни, когда начальник политотдела устраивает в рабочее время по три совещания. Не явишься – саботаж пришьют. А работать когда? Каганович заверил, что предупредит местный политотдел, чтобы особенно Заслонову не докучали. Только Каганович-то далеко, а местное политначальство, амбициозное, не очень умное, но очень упрямое – под боком. И в пример тому, до чего же допекли Заслонова политчинуши, Майоров вспомнил ещё один случай. Это были первые дни войны. Эвакуировали депо. Майоров вместе с Заслоновым вёл последний паровоз из Орши в сторону Москвы. На каком-то полустанке они зашли в крестьянский дом и попросили продать чего-нибудь съестного. Хозяин говорит: «Вон в хлеву порсук. Всё равно немцы придут – отберут. Забейте его да берите бесплатно». В хлеву Заслонов достал наган, направил его на поросёнка и говорит: «Эх, попался бы мне сейчас тот начальник политотдела, что меня мучил, вот так бы и пристрелил! Небось сейчас, когда нужно Родину защищать, сбежал и весь свой квасной патриотизм растерял!» Вот какая была у него жгучая «любовь» с тем начальством! Однако, сколько бы и как бы ни донимали его, как ни мешали работать, депо выбилося в лучшие на Западной железной дороге и, хочешь не хочешь, наградили начальника Оршанского паровозного депо Константина Сергеевича Заслонова медалью «За трудовое отличие»! Мало того, закрепили за ним в личное пользование легковушку-пикап. И первую пробную поездку, вечером после рабочего дня, папа взял меня, возможно, по той же причине, по какой когда-то мама взяла в кино на вечерний сеанс. Однако, вспоминая ощущения от той поездки, я льщу себя предположением, что он искал во мне союзника и друга. Союзника в семье, потому что жена и тёща во многом его не понимали и не одобряли, а ему хотелось иметь в семье родную, очень родную душу! Ни о каких, конечно же, своих проблемах он разговора не заводил, но атмосфера между нами во время этого весеннего путешествия была дружески-доверительной, будто я не всего лишь семилетний ребёнок, а взрослый товарищ. Это придавало мне самоуважения и я вела себя как настоящий друг. Мы выехали за город, миновали густой лес по обоим сторонам дороги, а потом заехали куда-то на горку в молодой лесок и застряли. Вокруг лежали белыми пятнами остатки весеннего снега. Из-за леса поднималась луна. Не знаю, на всех ли так действует время, - буквально каких-то несколько минут! – между утром и днём или между днём и вечером? По-белорусски - шэры час. На меня – очень, особенно в дороге. Какое-то счастливое ожидание чего-то неожиданного, необыкновенного! И тогда я, с промокшими ногами, изрядно подзамёрзшая, была несказанно счастлива! Папа ломал неподатливые ветки цветущей вербы, подкладывал под колёса. Помощник из меня, в смысле тyani-толкай, был никудышный, но я изо всех сил старалась сделать хоть что-то. Тоже ломала какие-то веточки, тоже подбрасывала под колёса, когда папа заводил мотор на полную мощность, пытаясь выехать из разъезженной грязевой колеи. Мне и в голову не приходило хныкать, наоборот, я радостно чувствовала себя соучастницей БОЛЬШОГО ПРИКЛЮЧЕНИЯ! В конце концов нам удалось вытащить машину. По дороге домой я заснула и проснулась уже утром в своей постельке. Но ту атмосферу дружеской доверительности я хорошо запомнила и, когда мама спросила однажды, с кем бы я хотела остаться, если они разойдутся, я, ко всеобщему удивлению, ответила, что с папой. Да! Как видите, такие разговоры в семье уже возникали! К этому как раз времени относится его письмо к бывшему другу ещё по Витебску – Генриху Валею. Тот переслал два папиных письма в Оршанский музей. Одно из них мне в музей только показали, но скопировать не разрешили. В нём Заслонов писал другу, работавшему на ж.д. в Ленинграде, что в Орше творится что-то непонятное, неладное. Совершенно честные, казалось бы, люди оказываются вдруг «немецкими шпионами». По тону письма было видно, что хотел он сказать между строчек. Вот поэтому, по-видимому, в шестидесятые годы, когда все ещё находились в состоянии осторожности, мне и не разрешили это письмо скопировать. Второе же письмо касалось исключительно дел семейных. Я его переписала и приведу здесь полностью.

«Генрих, друг, здравствуй!

По какому событию пишу тебе, не знаю, но так хочется обменяться хотя парой слов!

О чём, собственно, тебе писать, тоже трудно придумать тему. О погоде – она тебя не интересует. О работе – у тебя своей хватает. О быте – да! С бытом у меня неважно! Чем дальше – тем хуже! Живу

с женой и просто боюсь – на пришлось бы разводиться! У моей Раисы характер очень тяжёлый, а со временем всё усложняется в сторону его утяжеления! Ребятишки – две девочки, очень хорошие. Младшая – настоящий потомок Кости Заслонова. Полная копия, если выпустить из виду только один орган, который, к сожалению, не сумел скопировать... не удалось...

Производственная часть моей жизни на сей отрезок времени сугубо неприглядна. Складываются обстоятельства очень неудачно, но думаю, что жизнь моя не подведёт!

Генрих! Пиши, буду рад!»

Казалось бы, что могло не устраивать его в трудовой жизни? Начальник процветающего депо.

Получил медаль! Получил в личное пользование автомобиль! А вот недоволен! Его мечта, получить высшее образование казалась и на этом этапе несбыточной. Почти все друзья – и Саша Непряхо, и Генрих Валеико, и Михаил Питулайнин, имели уже диплом ЛИПСа. Он же писал неоднократно, выяснял свои возможности поступить заочно, но ему не считали нужным хотя бы вразумительно ответить! Ограничивались какими-то отрицательными отписками. Любая небольшая шишечка могла, и такое случалось неоднократно, упрекнуть его в «некомпетентности» из-за отсутствия диплома. Не помогало и то что сам Каганович обещал поддержку. Нарком был далеко, а местный – ВСЕСИЛЬНЫЙ! – политотдел тут рядом. Кажется, я сейчас повторяюсь.

Прошу великодушно прощения, но не могу в конце главы не повторить самое для меня – для него! – наиболее болезненное! Кажется мне, что он чувствовал себя бесконечно одиноким! Несмотря на то, даже, что имел много единомышленников в депо, тех, кто помогали ему в ночных бдениях. Однако самый родной человек – жена, не понимал его. Почти нищенское материальное положение способствовало нервной атмосфере в семье. А тут ещё частые поездки в непонятные таинственные командировки подогревали подозрительность супруги. Да ещё суточные бдения в депо! Дома он почти не бывал, а, когда являлся, ему было не до жены. Не до ласки, не до любви! Поймите и её! Случайные встречи с собственным мужем! А, ведь, ей не было и двадцати пяти! Женщина в полном соку! Возможно, он и сам был во многом виноват. Хотел иметь жену любящую, понимающую, одновременно и любовницу и друга-соратника, а сам ни чем с ней не делился! А вдруг, если бы очень и очень доверительно поговорил с ней, она, возможно, и поняла бы, и стала вторым его «Я»?! Ведь она, как учила её религиозная Анна Захаровна, была настроена во всём мужу угождать – досматривала, обстирывала, пищу насущную добывала. Если бы! Вот то-то и оно – сослагательное наклонение всегда употребляется в случаях несбыточных ЕСЛИ БЫ! Наша семейная лодка подошла к самым порогам и в любую минуту грозила «разбиться о быт!» НО НЕ РАЗБИЛАСЬ! До развода дело не дошло! В очень-очень экстремальных ситуациях бабушка становилось особенно мудрой и брала инициативу в свои руки. Она всеми силами постаралась втемяшить им обоим вместе и каждому по отдельности что, во-первых, развод это грех! На что им было наплевать. Во-вторых, такой вопрос нельзя решать сгоряча. Всё-таки - двое детей! Тут нужно хорошенько подумать! Тёща стала на сторону зятя. К ним примкнул и, специально вызванный по такому поводу бабушкой из Ленинграда, дядя Володя. Вместе думали-гадали. Одна голова хорошо, две – лучше, а три, так и совсем здорово! Мама заняла нейтральную позицию, а папа полностью согласился с деверем и тещей – нельзя разводиться! Как видно, к этому времени он уже разобрался во многом и должен был окончательно решить продолжать ли ему ДОКАЗЫВАТЬ! - вкалывать на износ, жить впроголодь, держать семью в чёрном теле? Или же повернуть на 180 градусов, начать выстраивать жизнь и карьеру «с нуля». С чистого листа!? Он выбрал последнее. Семейный совет, и на этот раз даже жена, одобрил его план. Вот какой. Раз уж мама всё равно надумала переезжать к брату в Ленинград – так тому и быть! А когда немного освоится, активно должна взяться за проработку почвы. Главная её задача – убедить Питулайнина, папиного бывшего сослуживца и друга, которого к тому времени первели в Ленинград на руководящую должность, изыскать возможность пригласить вызовом папу к себе на Октябрьскую железную дорогу на работу в качестве машиниста. ДА! Машиниста! В те времена невозможно было вот так запросто уволиться и переехать в другой город, перейти на другую работу. Папа решил наплевать на командную должность. У машиниста, как у рабочего – представителя класса-гегемона – и зарплата выше, и рабочее время нормировано, и, самое главное, больше возможностей попасть в вожделенный ЛИПС!

Итак! Мы вчетвером – мама, бабушка, Ирочка и я – выехали в Ленинград. Папа должен был

упаковать багаж и выслать нам вслед нашу небогатую мебель. Не успели мы в Ленинграде оглядеться, как услышали по радио – война! Дядя Володя говорит: «Ну, чего паникуете?! У нас армия самая сильная в мире! Через месяц-другой всё закончится!» И в этот день как раз мебель наша багажом прибыла. Сразу же с утра, как только услышали сообщение о войне, мама позвонила папе: «Костя! Что нам делать?! Володька говорит – не рыпаться, война скоро кончится! И мебель наша пришла...». Папа ей отвечает: «Война будет долгой и жестокой. Я уверен, Миша Питулайнин будет эвакуировать свою семью. Немедленно свяжись с ним и вместе с его семьёй выезжайте в эвакуацию! Я вас разыщу! Не слушай Володьку!» Мама кинулась к Питулайниным, а те уже пакуются. Товарная станция находилась неподалеку от их дома, поэтому только что прибывшую мебель затащили к ним в квартиру и, не распаковывая, там оставили. Выехали буквально на следующий день. Питулайнин вывозил свою семью в товарном вагоне – нашлось место и нам и ещё двум семьям железнодорожников. Вслед нам дядя Володя ворчал: «Вот дурачье! И ты, Раиска, и Костя твой – паникёры! Суётесь, а потом не будете знать, как назад вернуться!» И он и его жена еле выжили в блокаду. Питулайнин определил маршрут заранее – город Бугуруслан, Чкаловской (сейчас Оренбургской) области. Туда почему-то были эвакуированы с семьи железнодорожников из Орши. За то время, пока мы добирались до места назначения, папе и самому пришлось выехать, вместе со своим депо в Москву в депо Ильича.

Парадокс, но, выезжая из Ленинграда, мы в суете не взяли некоторые очень нужные вещи, зато обнаружили потом, что привезли с собой две большие коробки ёлочных игрушек ещё сохранившихся с маминого детства. Стекланных ангелочков с трепещущими от любого колебания воздуха крылышками и райских птичек с переливающимися всеми цветами радуги хвостами из стекланных волокон. К огромному сожалению, коробку с фотографиями оставили ещё в Орше и папа тоже, в суете эвакуации своего депо, забыл, как видно, её на старой квартире. Все фото – свидетельства нашей довоенной жизни сгорели вместе с той квартирой. Уже гораздо позже, после войны, знакомые, которым в своё время папа и мама дарили какие-то фото на память, прислали нам их копии.

Папа сказал тогда по телефону, что война окажется долгой и жестокой, но никто из нас и представить себе не мог, чем она обернётся для нас!

Глава – 3.

Бугуруслан. Война. Письма. Страшная весть. 1941 – 1943 г.г.

«Лети с приветом – возвратись с ответом!» (Распространённая в народе надпись на конверте с письмом.)

В городе Бугуруслан, Чкаловской (теперь Оренбургской) области мы выгрузились. Мама сняла отгороженный шкафом угол у Шурки, молодой женщины с маленьким мальчиком, проживавшей в коммуналке без всяких удобств. Почти сразу же по приезде мы получили письмо на адрес семьи Питулайниных. Вот оно, я держу его в руках.

«Здравствуй, Ритуся!

Прежде всего, поцелуй за меня Бусенек и, особенно, малышку. И срочно ответь, как они у тебя, вспоминает ли Бусенька обо мне?»

К этому времени родители уже отступили от своей первоначальной методики воспитания детей по- научному. Как видите, они сюсюкались во всю, особенно с сестрёнкой!

«С 16\8 по 20\8 я по обстоятельствам нахожусь в Москве и вечером в 10ч. 40м. Срочно со скорым выезжаю в Смоленск по спецзаданию.»

Мне кажется, в этом его сообщении просматривается попытка заинтриговать любимую жену тем, что он занят чем-то **ОЧЕНЬ ЗНАЧИТЕЛЬНЫМ!** Вот такая разность характеров! Он, главным в мужчине, считал значительность в глобальном масштабе. Для неё же, главным в отце семейства, была забота о доме, о семье. Я уже писала и не перестану повторять ещё и ещё – именно это не давало им жить в полной гармонии и взаимопонимании.

«Абсолютно здоров, того и вам желаю. О тебе еле-еле получил телеграмму из Ленинграда с

сообщением адреса, от кого – не знаю.»

Это постарался дядя Миша Питулайнин.

«Пиши всё, как с деньгами, одеждою, жильём. Где работаешь, сколько зарабатываешь? Музу обязательно определяй в школу. Предупреди, если она будет учиться хорошо, я ей срочно перешлю портфель с набором книг по её вкусу, тетрадки, карандаши, альбом для рисования и коллекцию марок.»

К сожалению, последующие события закрутились так, что ему стало не до подарков. Я так ничего и не получила. Где-то позже, попыталась, раз так хотел папа, начать коллекционировать марки, но это совершенно не увлекло, нет у меня страсти к коллекционированию.

«Пиши, получили ли деньги? Выслал первый раз 200 руб. и 2-ой раз 500 руб.»

Деньги мы получили гораздо позже письма и, некоторое время, нам пришлось довольно туго. У мамы не получалось сразу устроиться на работу по специальности.

«Береги ребятшек! Где бы я ни был, пока всё равно пиши по адресу: Москва, Зап. ж.д. Паровозное депо Ильича.»

Мама бегала, отыскивая следы затерявшихся денежных переводов и подыскивая подходящую работу и, то ли на почте, то ли в военкомате неожиданно встретила, эвакуированную из Витебска, жену своего брата Жоржика – Лёлю с шестилетней дочкой Нэтти. Вот было радости -то! Лёля оказалась на редкость пронырливой и пробивной. Потасила маму по каким-то инстанциям, и им выделили квартиру – т.е. отдельную комнату у хозяйки в частном доме, как сейчас помню по улице Ленинградской 14.А в придачу ещё и несколько соток колхозного огорода, уже засаженного картошкой, которую оставалось только выкопать. А тут и дядя Жора подъехал. Перед тем, как отправить на фронт, отпустили на какое-то время повидаться с семьёй. Он уже был боевым офицером, лётчиком – истребителем, понюхавшим порошу и на Халхин-Голе и в Испании. К этому времени отыскились папины переводы и дядя Жора взял на себя руководство по заготовке продуктов на военную зиму. Хорошо помню ту маленькую комнатку, где мы жили. В нашем углу печка и топчан, сколоченный из досок. Бабушка спала на печке, а мы втроём на топчане. В противоположном углу – топчан тёти Лёли с Нэтькой. Между топчанами у окна стоял стол, а посреди комнаты – сооружение из кирпича, обмотанного электроспиралью. Мама, изучавшая когда-то кое-что, связанное с электричеством, соорудила такой обогреватель, протянув провод к лампочке и прикрепив его концы над ней двумя иголками. Таким образом, когда включали лампочку, включалась и загоралась спираль на кирпиче. Так и обогревались, потому что с дровами в тех безлесых местах приходилось туговато. В мгновение ока всё подорожало и присланных папой денег не надолго хватило. Дядя Жора одолжил маме необходимую сумму – лётчики получали очень хорошо! – потом мы всю зиму расплачивались с его женой. Но продуктов запасли достаточно, чтобы зиму прожить безбедно! Даже мыла наварили! Дядя Жора достал где-то канифоли и каустика – ингредиентов, необходимых для варки мыла. Достал и дешёвого жира и, вместе с мамой, они на летней хозяйской печке во дворе целый день варили мыло. Помню, разливали его, чтобы застыло, в Нэтькины игрушечные формочки для песка. Получалось мыло фигурное, прямо-таки фабричное! Горшки с мёдом, мешочки с крупой, мешки с накопанной уже картошкой, хранились, что под топчаном, что в ящиках, стоявших в холодном коридорчике, примыкавшем к комнате.

И в Рославле, и в Орше наш двор соседствовал со школьным. Я наблюдала за школьниками сквозь щель в заборе и страстно им завидовала. Да ещё и бабушка подогревала моё желание поскорее стать школьницей всякими поучительными сентенциями, что, мол, будешь послушной девочкой – обязательно в школу примут! Я изо всех сил старалась быть послушной и ждала с нетерпением – когда же?! И вдруг, за день до начала занятий, когда я наконец-то была записана в школу, сидим мы с соседскими девчонками во дворе и одна, уже бывалая третьеклассница, говорит: «Вот и кончились вольные деньки! Снова начинается школьная каторга!» Как много можно сделать словами, сказанными со страстной убеждёностью! Во всяком случае, у меня холодок пробежал по спине и, чуть не началось, ну, просто-таки раздвоение личности! Все мои мечтания затянуло вдруг чёрной пеленой сомнений – а вдруг девчонка права?! Восторженный энтузиазм по поводу вступления в армию школьников, сошёл на нет до такой степени, что в первый день я опоздала к началу занятий. Иду-тороплюсь в школу и по дороге встречаю Кольку Питулайнина, у которого

занятия начинались во вторую смену. Он с осуждением кидает: «Э-э! Опоздала в школу!» Ничуть не смутившись, отвечаю: «А я уже поучилась!» - совершенно не имея представления о продолжительности школьных занятий.

Не догадались мама с бабушкой определить меня сразу во второй класс. Как видно, следуя всё тому же принципу – «не выторкиваться», «не выпячиваться», «не выделяться»! Так как я давно уже освоила программу первого и, отчасти, второго классов, мне совершенно не нужно было готовить уроки, кроме как, разве что, выводить на газетных обрезках, служивших тетрадками, определённое количество палочек и крючочков, чтобы предъявить на уроке, как выполненное домашнее задание. Как видно, бабушкино воспитание уже прочно укоренилось в моей натуре - я постеснялась признаться учительнице, что читать умею не хуже неё. Вызванная к доске, я послушно проямливала по слогам: «Ма-ма мы-ла ра-му». Почему-то учительница всегда ставила мне по чтению четвёрку, вернее, не четвёрку, а зелёный кружочек, что означало – «хорошо». Тамарка же Питулайнина, которая до школы совершенно читать не умела, всегда получала кружочек красненький – «отлично», и задирала передо мной нос, что, мол, учиться лучше меня. За год безделья я не выработала способности усердно заниматься уроками, и в следующих классах мне пришлось довольно туго. Всё время приходилось преодолевать лень, к которой привыкла в первом классе. Ох! И до сих пор приходится!

До начала зимы мы получили от папы ещё одно письмо. Написано оно было на двойном маленьком листочке, вырванном из очень маленькой записной книжки в маленьком самодельном конверте с печатью: «Проверено военной цензурой. 386» Пришло оно на наш уже новый адрес на Ленинградскую улицу. Как видно, он получил перед этим письмо от мамы, состоявшее из упрёков, что, мол, не приехал, не помог устроиться, ведь, перед ней был пример дяди Жоры, который позаботился и о семье и, заодно, о нас. Ответное его письмо выглядело сухим деловым отчётом. «Чем мог, принял все меры, чтобы исключительно энергично помочь. Если не работаешь, срочно устраивайся. Возможно, скоро не помогу. Детей воспитывай так, чтобы меня помнили и любили, потому что Бусенек моих я очень люблю. Моих девочек, смотри, береги! Я тебе подряд выслал деньги, проверь – 600р. 700рубл. И сейчас – 750рубл. Себе оставил всего 30 руб. Пока денег, возможно, не будет.

Целую Бусенек. С приветом К. Заслонов.

129

Скажи моим девочкам, пусть они знают, что их папа ушёл громить фашистов!»

И внизу печать, такая же, как на конверте: «Проверено военной цензурой. 386»

Папа был освобождён от армии из-за повреждённого глаза и мы подумали, что он, «громит фашистов» не непосредственно на фронте, а, как железнодорожник, подвозит к линии фронта оружие и красноармейцев. Что происходило в это время на самом деле, описал подробно в отчётной записке на имя секретаря ЦК БССР П.Порномаренко, один из участников перехода группой Заслонова линии фронта А. Андреев. По причине объёмистости этого документа, пересказывать его здесь сейчас не буду, хотя позже о нём всё же поговорю. Забегая вперёд, хочу сказать пару благодарных слов об одном совершенно незнакомом старике, (это уже в Алма-Ате) подарившем нам собственноручно сделанный альбом с публикациями в тогдашних СМИ о нашем отце. Сейчас будет длинная цитата из статьи в одной центральной газете, сохранившейся в том альбоме, но я посчитала нужным привести её. Во-первых, потому, конечно, что до какой-то степени она отражает хронологию событий, происходивших с Заслоновым той осенью. А во-вторых, она ещё и представляет собой яркий пример газетного стиля тех лет. СОЦРЕАЛИЗМ господствовал тогда не только в литературе, но и в прессе. Был единственный дозволенный! То, что в печати тех дней с особенным нажимом звучал патриотический мотив – это естественно. Это обусловлено обстановкой. Но сколько лицемерия! Сколько раболепия перед ТЕМИ - ТАМ НАВЕРХУ! И, мне даже кажется, что просматривается отношение к читателю, как к какому-то несмышлёнышу-дурачку. Возможно, я чересчур пристрастна, возможно... Итак!

«Заслонов рос вместе со страной, вместе с заводами, железными дорогами, университетами, и жизнь его расцветала вместе с жизнью родины, - их обоих согревало солнце широких путей и беспредельных возможностей. И когда гитлеровцы ступили грязным своим сапогом на белорусскую землю, Заслонов с лучшими своими людьми ушёл из Орши. Он окружил себя

друзьями, рабочими и спросил их:

- Будем бороться, товарищи?!

И ему ответили:

- Будем!

Образовался отряд. Заслонов сказал своим людям:

- Товарищ Сталин говорит, что надо организовывать диверсионные группы. Мне в голову пришла мысль – вернёмся к себе в депо... Как вы?

Он обвёл глазами товарищей. Они молчали, вдумываясь в слова. Заслонов ждал. Он любил, чтобы люди обдумывали свои поступки и решения. Первым ответил Чёба, оршанский машинист:

- Что ж, предложение правильное. Конечно, можно и здесь врага бить, но там мы будем больше к месту. Думаю, надо идти.

Тогда Заслонов написал письмо одному из крупных работников партии. Вскоре пришёл ответ – Заслонова приглашали. Он был принят и изложил свои планы, рассказал о людях. Его предложение было одобрено. Ему дали советы, указания. Крепко пожали руку и сказали:

- Вы смелый человек, товарищ Заслонов. Вы можете оказать неоценимую услугу родине. Желаю успеха. Помните, где бы вы ни были, мы всегда будем с вниманием следить за вашей работой...

С Заслоновым пошли 35 человек. Раздобыли взрывчатку, мины. У них было два ручных пулемёта, два автомата, винтовки. Достали продовольствие. Погрузили на саночки и пошли...

Ну как тут не припомнить слова, распеваемой тогда в народе песни: «В драной шинели, в дырявых лаптях, били мы немца на разных путях!»

Письмо, о котором упоминается в статье, Заслонов написал на имя непосредственного начальника, наркома путей сообщения – Кагановича. Заметьте, написано оно таким же языком, как и статья, это был общепринятый стиль и тут уж ничего не скажешь... Заслонов был сыном своего времени и своей советской родины. Однако написано оно искренне, от чистого сердца.

«Дорогой, Лазарь Моисеевич!

Наша страна в огне. Жизнь требует, чтобы каждый гражданин в ком бьётся сердце патриота, кто дышит и хочет дышать здоровым советским воздухом, стал на защиту нашей родины.

Я, начальник паровозного депо Орша Западной железной дороги, Заслонов Константин Сергеевич, прошу вашего разрешения организовать мне партизанский отряд и действовать в районе от Ярцева до Баранович в полосе ж.д. линий, станций и других железнодорожных сооружений. Временно прошу 20-25 человек отборных орлов, - храбрых паровозников, умеющих держать в руках не только регулятор, но и пулемёт, владеющих артиллерийским делом, танком, автомашиной, мотоциклом, связью.

Я Вас заверяю от имени храбрых из храбрых, просящих меня передать Вам, что клятву партизан, присягу выдержим с честью.

Головы своей зря не подставим, а, если придётся, то будет она потеряна за Великую железнодорожную державу, за Родину, за Сталина!

К. Заслонов.»

Обо всём, что происходило тогда с отцом мы, конечно же, не знали. Как видно, это всё было военной тайной, семье ничего сообщать не полагалось. Писем от него очень долго не было, но так обстояло дело и у многих соседей. Ничего не поделаешь – война! Мама, наконец нашла работу по полученной когда-то в техникуме специальности – перемотчицей электромоторов на каком-то военном заводе. Стала получать хорошую зарплату и рабочий паёк. На последний, папин денежный перевод, она купила козу и сено для неё. Хозяйка выделила уголок в сарае. Та осень запомнилась мне совсем не как военная. Осень запахов полыни и палой тополиной листвы. Листвы – потому что мы с мамой ходили в тополиную аллею и собирали эту листву мешками на корм козе, в добавок, к сену. Полыни – потому что ходили с бабушкой каждый вечер в степь встречать козу из стада. И ещё ходили все вместе по выходным дням на выделенный нам участок копать картошку. Вокруг были заросли высокой голубой, остро пахнущей, полыни, на которой в изобилии водились золотистые жучки. Я собирала их в спичечный коробок, прикладывала его к уху, слушала как они там шепчутся, а потом выпускала на волю. Как-то я ещё не чувствовала, что идёт война. Никаких потрясений, никаких из ряда вон выходящих случаев в моей жизни в это время не происходило, разве только один, но и тот всего лишь анекдотический и уж никак с войной не связанный.

Местные мальчишки подговорили Кольку Питулайнина наестся, похожих на мак, зёрнышек белены. Тётя Тина Питулайнина прибежала к нам в слезах, просила дядю Жору утихомирить сына, который, обретя вдруг недетскую силу, бегал по комнате, ломая всё, что попадалось под руку, выл по-волчьи, а из уголка рта текла белая слюнка. Но это скоро прошло и мы только посмеивались, вспоминая.

Дядя Жора пробыл с нами довольно долго, но потом уехал на фронт и пропал, как и наш папа. Через некоторое время тётя Лёля получила извещение: «Пропал без вести». О нашем же вообще ничего не было известно. Мама написала в Москву, по адресу, который он как-то указал в своём письме, но никакого ответа не получила.

Несмотря на запасы, зима оказалась для нас довольно трудной и теперь уже почувствовалась война! Бабушка подхватила малярию, да ещё совсем плохо стало с сердцем и в очереди за хлебом приходилось стоять мне. Иногда по несколько часов на морозе в 40 градусов. Хорошо ещё, что уроки совсем не нужно было готовить! Возможно, где-то к эвакуированным и относились с сочувствием, но в очереди я только и слышала, что, мол, понаехали эти «выкавыренные», из-за них вон какие очереди! Случалось, злые тётки выталкивали меня из очереди перед самым прилавком вон из очереди: «Откуда ты взялась, девочка? Не стояла ты! Пошла вон!»

Но жизнь продолжалась и, где-то в начале зимы, у меня наметился лёгкий, так сказать, первый любовный флирт. Мама не разрешала мне ходить по нужде в деревянную уборную на морозе. В коридорчике перед нашей комнатой за ящиками с картошкой стоял мой горшок. Как-то сижу на нём, стараюсь, и слышу, по другую сторону ящиков, кто-то побряхтывает, старается, как и я. Вытянула шею, смотрю – мальчишка моего возраста. Из коридорчика ещё одна дверь вела в квартиру местного прокурора. Их сынишка жил до этого в деревне у деда с бабкой, а сейчас объявился. Витька его звали. Тут я крикнула бабушке, чтобы вытерла попку, а он бросил с осуждением: «Такая большая, а бабушка попку вытирает! Я – сам умею!» С тех пор я стала вытирать попку самостоятельно. На какие только подвиги не подвигнет женщину любовь! Да! Хоть он и не был похож на Педро из «Мурзилки», между нами возникли романтические чувства! Вскоре заболела корью Нэтька, выздоровела довольно быстро, но успела заразить меня. И, почти одновременно со мной, заболела Ирочка, только не корью, а очень страшным двусторонним крупозным воспалением лёгких. Болезнь моя протекала сравнительно легко, а Ирочке становилось всё хуже и хуже. Наконец участковый врач сказал маме, что спасти её младшую дочь сможет только новое, недавно открытое, очень сильное лекарство – сульфидин, которое может оказаться в наличии только в каком-нибудь военном госпитале. В городке было несколько госпиталей. Сульфидин обнаружился в одном. Мама упала на колени перед главврачом госпиталя и протянула ему бабушкины золотые часики на цепочке – единственную ценную вещь, какая у нас имелаась. Умоляла: «Спасите дочку! всю жизнь буду за вас молиться!» Сначала он всё отговаривался, мол, лекарство предназначено исключительно для раненых. Потом махнул рукой: лекарства этого оставалось в аптечке всего-то детская доза. Взрослому раненому всё равно не поможет, а ребёнка спасёт! Ни часы, ни деньги он, конечно же, не взял. Ирочка уже дышала хрипло и прерывисто. Сразу же после первого приёма этого волшебного снадобья – дыхание стало ровным и она быстро пошла на поправку!

Так как все силы были брошены на заботу о чуть не погибшей сестрёнке, про меня как-то забыли и коварная корь, которая, вроде бы, и проходила легко, дала страшные осложнения. Я стала писаться и пропал голос – онемела! Теперь беспокоились обо мне. Испугались – а вдруг останусь навеки немой! Бабушка попробовала поить меня чем-то до того отвратительным, что я ни за что не могла проглотить. Как потом узнала – Нэтькиной мочой! Возможно, у неё имелся для этого свой резон – что-то по принципу прививки, ведь Нэтькин организм переборол болезнь. Бабушка знала много всяких мудрых народных рецептов. Но я выплёвывала всё со слезами, даже ещё и не зная, что это так не лезет мне в глотку! По причине немоты и моченедержания, я очень долго не ходила в школу, но это, как вы понимаете, не грозило мне отставанием. Когда же, наконец, возвратилась в класс, учительница не могла нахвалиться мной, мол, девочка столько пропустила, а ничуть не отстала от школьной программы! Как видно дома занималась самостоятельно! Мне было разрешено без спроса выходить в туалет, который, конечно же, находился на улице. Весной морозы ещё держались приличные и выходы в промёрзший туалет никак не шли на пользу моему

цистит, перешедшему в хронический, да так и оставшемуся со мной на всю жизнь. Первый класс я закончила не как отличница, а как хорошистка. Учительница, как видно, была убеждена, что не может ребёнок, столько пропустивший, знать всё, что положено отличнику. Однако я как-то и не переживала! Бабушка приучила меня относиться к подобным вещам, как к суете-сует!

После того как дядя Жора пропал без вести, тётя Лёля начала становиться всё злее и злее, пока не превратилась в злобную ведьму. Возможно, она была скрытой шизофреничкой, а несчастье как-то обострило этот недуг. Мама иногда сутками дежурила на заводе, и тётка в её отсутствие буквально изводила бабушку. Каждый раз, доставая картошку из мешка, она зашивала его определёнными нитками и пересчитывала стежки. Но потом забывала, сколько этих стежков было и, рассматривая мешок, начинала сначала тихо причитать: «Какой-то рукастый кот по нашу картошечку лазил! Какой-то зубастый кот пожрал нашу картошечку!» Вздвигая себя таким манером, она подбегала к бабушке с галошей в руке и била по чём попало, выкрикивая уже истошным голосом; «Я отучу тебя, старая стерва, шастать по моим мешкам!» Щепетильная бабушка не только не дотрагивалась до её мешков, она бы не взяла даже, если бы та ей предложила сама. У нас достаточно было своих запасов. Свой мёд мы ели, не отказывая себе, всю зиму. Для того ж и запасались! Тётка до горшков с мёдом, которые она хранила под топчаном, не дотрагивалась. Когда, наконец, весной достала и открыла их, оказалось, что мёд засахарился, вроде бы его стало меньше, а сверху появилась какая-то коричневатая водичка. То ли мёд был некачественный, то ли так всегда происходит, когда он засахаривается? Но ей, в её больную голову пришло, будто бабушка съела часть мёда, а потом ещё и написала в горшок. Она устроила такую экзекуцию старушке, что я побежала к Виткиному отцу – прокурору и стала просить арестовать взбесившуюся тётку. Тот ответил, что не так всё просто, что он не имеет права, что я пойму, когда вырасту... Такое отношение прокурора к моему горю заставило меня охладеть к его сыну. Даже не просто охладеть – невзлюбить мальчишку! Ведь недаром говорят, что от любви до ненависти один шаг! Однажды, когда Витька пришёл в нашу комнату, я подговорила его ухватиться двумя руками за оголённые концы провода, свисавшего от лампочки. Мы-то, три девчонки, были строго-настрого предупреждены, что этого ни в коем случае делать нельзя. Но любопытно было, а что произойдёт, если, всё-таки взяться?! Мальчик доверчиво взял в руки провод – его отбросило на топчан, он посинел и затрясся! Я никак не думала, что это опасно до такой степени! Испугалась. Закричала. Вбежала мама. Выдернула провод из его рук, бросилась успокаивать. Витька оказался на редкость благородным и деликатным. Никому не обмолвился о произошедшем, не нажаловался родителям! Даже ко мне не проявил враждебности! Правда, старался с той поры держаться подальше и от меня, и от нашей комнаты! (Интересно, где сейчас этот человек? Жив ли? Помнит ли тот случай?)

Где-то в середине лета приехала к нам тётя Фрида, жена второго маминого брата – дяди Володи. Эльфрида Густавовна Лесталь - нордическая красавица, уродившаяся на далёком эстонском хуторе на Псковщине и имевшая всего неполное четырёхклассное образование, но успевшая внешне поднахвататься ленинградского лоску! Вдвоём с мужем они пережили блокаду только благодаря тёткиной красоте. Какой-то, влюбившийся в неё генерал, устроил её в военный госпиталь развешивать и раздавать раненым хлеб. И ей, как сотруднице госпиталя, полагался такой же, как и раненым, паёк. Их вывезли из всё ещё блокадного Ленинграда по «Дороге жизни» - через Ладжское озеро. Дядю Володю, как защитника Ленинграда, получившего и ранения и дистрофию, назначили для поправки здоровья в Алма-Ату – начальником товарной станции. По дороге к мужу, тётушка завернула к нам в Бугуруслан. У них с дядькой были очень странные супружеские отношения, совершенно непонятные бабушке, осуждаемые ею, но с которыми она вынуждена была, по своей всепрощающей христианской доброте, мириться. Супруги с самого начала брачного пути договорились быть свободными от супружеской верности. Дядя Володя увлекался и увлекал молоденьких чужих жён да легкомысленных девушек, а тётя Фрида была равнодушна к работникам киноискусства, которые платили ей взаимностью и уверяли, что она копия Мэри Пикфорд, очень знаменитой в те времена американской киноактрисы. После мрачной блокадной зимы, тётушка возжелала ухватить по больше радости и стала таскать маму на танцы. В городке имелось лётное училище и несколько госпиталей и то там, то там вечером обязательно устраивались танцы. Вот тут бабушка воспротивилась! На невестку она влиять не решалась, зато маме устраивала постоянные строгие выволочки. Мол, как же так можно?! Муж где-то там жизнью

рискует, может быть как раз, когда ты вытанцовываешь, где-то раненый лежит! Мама со слезами оправдывалась. Говорила, что, ведь, только танцует! Ничего себе больше не позволяет! Даже провожать никому не разрешает – сразу предупреждает, что замужем! Она же так любит танцевать! Да! Мама любила и умела танцевать. Раньше, каждый раз, когда в деповском клубе устраивали какой-нибудь торжественный вечер, мама с радостью сопровождала папу. Терпеливо высиживала обязательную нудную официальную, иногда многочасовую, часть, заполненную скучными и глупыми докладами, чтобы потом вдоволь натанцеваться! Папа танцевать не умел, но всегда с удовольствием, сидя в сторонке, наблюдал, как любимая жена отплясывает с кем-то из деповских фокстрот, танго, румбу - самые модные в те времена танцы. «Ой, не к добру ты расплясалась! Не к добру! Эта кобылица, Фридка, сводит тебя с пути, на грех сбивает!» - ворчала бабушка. Но ближе к осени тётя Фрида уехала. При ней тётка Лёлька вела себя тихо, а тут снова озверела. Мама несколько раз, придя с работы, заставляла бабушку в синяках, ссадинах и слезах. Ну, сами посудите, разве это не шизоидное поведение? Однажды, помню, тётка оставила на столе блюдец со сметаной. В открытое окно заскочил голодный кот, и Лёлька застала его, когда тот подступился к сметане. Ухватив за задние лапы, она так била бедное животное об угол дома, что напрочь разможила тому голову. После этого накинута на бабушку, обвиняя, будто та видела кота, но нарочно не прогнала. Больше терпеть выходки этой больной родственницы мама не могла. Она боялась и за бабушку и за нас – мало ли что той может придти в голову учинить! Мы снова переехали к Шурке в угол за шкаф. Как раз в это время, почти через год молчания, пришло письмо от папы! Привёз его дядя Миша Питулайнин, приехавший навестить семью. Он тоже пережил блокаду и, по дороге в Бугуруслан, заезжал в Москву, в Наркомат путей сообщения. Там ему и передали папино письмо. Представляете, с какой радостью мы читали и перечитывали эти строчки!!!

«Ритуся – здравствуй!

Здравствуйте мои дорогие Бусеньки –

Муза и Иза!

Пишу Вам из далёкого тыла. Из БССР, части, оккупированной немцами. Дерёмся с ними не на жизнь, а на смерть! Дерёмся отчаянно и очень серьёзно! Имеем убитых и раненых, но зато и сами убиваем ещё больше – воюем по-настоящему! Я командую в тылу большим партизанским соединением. Хочется Вас очень видеть, но, будем живы – увидимся, погибну, значит за Родину, так и объясни ребятишкам...

Если плохо живёшь, срочно пиши по адресу: обком партии, тов. Стулову.

Меня ловят немцы отчаянно. Сбрасывают тысячи листовок обо мне. Вот одна тебе для образца.

Значит, можешь поверить, что бьём немцев почём зря! Везде и всюду!

Ну и пока! С приветом! Целую! Жду подарков!

25\8. Костя /папа/»

Как видно, всё, что перевозилось через линию фронта, проверяла военная цензура, потому что листовку, к моему большому огорчению, изъяли. А вскоре в газете «Известия» появилось сообщение, что папа награждён «Орденом Ленина». По такому случаю учительница – это был уже второй класс, начало занятий – вызвала меня перед всем классом и поцеловала, но не преминула сказать, что теперь я должна учиться исключительно на отлично. Дядя Миша нас уверил, что скоро все партизаны должны выйти за линию фронта и тогда папа обязательно заедет с нами повидаться. Я так была всем этим вдохновлена, так переполнена радостным ожиданием, что начала даже стихи сочинять. В то время сердце моё заставляла замирать мелодия песни из какого-то нашумевшего фильма, начинавшейся словами: «Спят курганы тёмные, солнцем опалённые...» Я на эту мелодию во сё горло орала свои слова. Всё-таки приведу их здесь! Почему – «всё-таки»? А вот почему. Однажды, где-то в начале уже семидесятых, я написала об этом короткий рассказик и, конечно же, привела полностью ту незатейливую песенку. Редактор печатного органа, не помню уже какого, куда я принесла это своё творение, сказал, что плохие стихи он не печатает даже в контексте. Я пыталась его убедить, что привожу эти стихи всего лишь, как пример порыва детской души! Не помогло! Но сейчас я их всё-таки перескажу!

«Спят курганы тёмные, солнцем опалённые! И туманы серые ходят чередой!» - пела я две строчки так, как они звучали в песне. А дальше уже своё: « Через рощи шумные и поля зелёные вышел

гадких немцев бить папа мой родной!» Немного изменив мелодию, я завершала песню так: «Немецкий поезд отправляется и через час взрывается. Потому что папочка мину подложил. Немцы злитесь-злитесь, хоть и задавитесь, папа жил и будет жить, всех фашистов будет бить!» Живущий за стенкой какой-то чиновник услышал, как я распеваю и хотел отвести меня на местное радио, но так почему-то и не собрался. Ну, всё время какая-то сила мешала мне прославиться! Папа писал, что ждёт подарков, а у нас в школе как раз проходил сбор подарков для фронта. Каждый ученик должен был сшить кисет, наполнить его махоркой и вложить туда письмо для солдата. Мы с бабушкой пошили несколько кисетов из её старого платья и закупили махорки, которую продавали старушки стаканами на каждом углу. В каждый кисет я вложила письмо с этими моими стишками. Получила несколько писем с благодарностью от бойцов с фронта, но на мои ответные письма, уже никто из них не откликнулся... Неужели?! Неужели все погибли?! Вот как косила народ война!

Начались затяжные дожди, и бабушка слегла. Целый букет тяжёлых недугов обосновался в её ослабленном организме. Мало того, что порок сердца и малярия, так ещё и заразились где-то сыпным тифом. Из больницы она уже не вышла. Сгорела – как сказала нам мама. Маме пришлось продать козу – и досматривать её было уже некому, да и деньги на похороны были нужны. На некоторое время, пока мама хлопотала для Ирочки место в детских яслях, мне пришлось оставить школу, но это только радовало. За год ничегонеделания в первом классе я разленилась и теперь, мне совсем не нравилось заставлять себя напрягаться над учебниками. По части трудолюбия я пошла совсем не в папу! Ирочка подросла, я уже не могла носить её на руках, но это было и не обязательно. Мы всё время находили способ повеселиться. Я придумывала игры в сказки. Сестрёнка в них не всё понимала, но старалась, и мы прекрасно проводили время! Ирочка была замечательной подружкой – не перечила ни в чём, не подличала, как некоторые девчонки, с которыми я когда-никогда пыталась сдружиться, но быстро разочаровывалась. Однако весело было только днём. К вечеру, когда мама уходила на ночное дежурство, мне становилось страшно. И не так за себя, как за Ирочку. Шурка рассказывала ужасные истории. Якобы бабушкин дух ещё не улетел и находится где-то в углу под потолком – наблюдает за нами. Я бабушку любила, но живу! А вот таинственного её духа почему-то очень боялась. Возможно, из-за того, что Шурка говорила об этом каким-то нехорошим, страшным голосом. Когда приходилось ложиться спать, я крепко обнимала Ирочку, чтобы бабушкин дух, а то ещё и зверь из-под топчана, не ухватили её и не утащили. Так мы и засыпали, крепко прижавшись, друг к дружке.

Мама дежурила сутки, потом сутки была дома. На время своего отсутствия, она оставляла нам суп в кастрюле и хлеб в сеточке, которую подвешивала на, вбитый с нашей стороны в заднюю стенку шкафа, гвоздь. На противоположной стене, как раз напротив сеточки с хлебом, тоже на гвозде, висели те золотые часики, которые доктор не взял за лекарство. Проснувшись, мы с сестрёнкой какое-то время возились-дурачились в постели. Случалось – в это время Шурка заходила в наш угол, пробиралась между шкафом и топчаном и наклонялась к часам, разглядывая и проборматывая какой там уже час. Но это она только делала вид, что время ей нужно узнать. Сама же сзади одной рукой снимала, висевшую на гвозде сетку с хлебом, и пятилась, вылезая, пряча за спиной наш хлеб. Мы, наконец, вставали, а кушать нечего! Целый день сидим голодные. Мама приходит, а мы плачем. На мамин вопрос, куда делся хлеб, Шурка отвечала, что они, мол, врут! Сами всё съели! Вон и сетка из-под хлеба под столом валяется, не мыши же её туда затащили! После нескольких подобных случаев, мама начала подыскивать квартиру. Нашла на окраине города в частном доме у двух очень хороших, очень добрых женщин-мордочек. Дочь, девушка красоты необыкновенной, к сожалению, не помню, как её звали, вскоре ушла на фронт. А старушка уговорила маму не отдавать Ирочку в ясли – ей стало в удовольствие возиться с нами. Очень ранняя зима оказалась суровой и снежной. Несколько раз, добираясь с этой окраины в школу, я увязала в снегу – сугробы намело выше моей головы. Однажды я так увязла, что, выбираясь, потеряла перчатки. Мне приходилось носить мамины – взрослые, которые всё время сползали. Попала в школу только на второй урок с задеревеневшими руками. Плакала. Учительница и ребята оттирали их снегом.

Однако в это как раз время у нас снова появилась радостная надежда! Неожиданно пришло письмо от незнакомого нам человека по фамилии Борисов. Ни имени, ни отчества он почему-то не указал.

Вот оно, написанное карандашом на тетрадном листке. Разборчивым крупным почерком.

«Многоуважаемая тов. Заслонова.

Спешу сообщить Вам, наш командующий зоной, К.С. Заслонов жив и здоров, чего желает и Вам. Пока просил передать Вам горячий партизанский привет из глубокого тыла противника. Мы гордимся талантами Вашего мужа, любим и уважаем его, как родного отца. К.С. просил меня передать Вам, что вскоре он будет здесь и Вы с ним встретитесь. Я надеюсь, что он Вам расскажет о нашей жизни и борьбе с заклятым врагом народа, поэтому я ничего не буду Вам писать.

Ожидайте скорой встречи.

С тов. Приветом, комиссар одного из отрядов бригады Вашего мужа.

Ф. Борисов.»

Радостное ожидание придаёт сил – все болезни, все какие-то мелкие неприятности отодвигаются на второй план! Даже и морозы не кажутся такими уж жгучими! И уроки готовить при коптилке – совсем не темно! И старушка-мордовка всё время кажется доброй феей, варит что-то в русской печке и приговаривает:

«Ой, хорошо-то, отца скоро увидите! Ой, хорошо-то – скоро ваш родимый зайвится!»

Однажды мама прибежала раскрасневшаяся с мороза и радостным голосом кричит: «Девчонки! Про нашего батьку в газете написали!» Ей кто-то дал на работе номер газеты «Известия» с очерком Э. Виленского, озаглавленным – «Сын Белоруссии». Быстро скинула на стул пальто, платок и начала читать вслух. Но только вот услышанное на какой-то момент озадачило меня. Я ничего не понимала! Как же так? Что же этот Виленский пишет?! А написано было вот что.

«... Когда Заслонова ввели в комнату, шеф железнодорожного узла сидел за столом и работал. Это был худой и очень высокий немец. Заслонов быстро снял фуражку и поклонившись сказал:

-Здравствуйте, господин шеф. Меня прислали с биржи труда. Я – инженер Заслонов, работал раньше начальником депо...

- А теперь? – резко оборвав Заслонова, спросил немец.

- Теперь, господин шеф, я убежал из Вязьмы, куда меня угнали во время отступления русских.

- А вы разве не русский? – шефу понравилось, что Заслонов говорит о русских, как о чём-то постороннем, и он не отказал себе в удовольствии остановиться на этой детали.

- Дело, господин шеф, не в национальности. Просто я не хочу работать на советской железной дороге. Они, видите ли... - Заслонов интимно, будто говоря с понимающим человеком, перешёл на откровенности.

- Они, видите ли... очень мало платят. Я уверен, господин шеф, что вы оцените меня и по достоинству вознаградите мой труд... если... если он вам нужен, конечно...»

- По моим тогдашним понятиям с фашистами ну просто ни за что, ни в коем случае нельзя было общаться иначе, как только выкрикивать им в морды слова ненависти. Как же это так? Почему папа так мирно с ними беседует? Мама читает дальше и, наконец, становится понятно – он, оказывается, просто притворялся, делал вид, что с ними заодно! Он устроился к немцам на работу, чтобы вредить им! И дальше я слушала и просто ... ну просто видела всё мысленно, как когда-то я видела героев бабушкиных сказок! Видела как папа с товарищами готовит угольные мины, как, пробираясь в темноте между вагонами, забрасывает такую мину в тендер паровоза. И вот уже взрыв и фашистский поезд, весь обязательно разрисованный фашистской свастикой, летит в тартарары! Так вот почему он так долго не писал – как оттуда напишешь?! И я снова весь вечер во всё горло распевала свою нехитрую песенку, в которой я, как ни странно, предугадала папины действия! И старушка-хозяйка пыталась мне подпевать!

- В этом номере очерк не кончался. Было написано: «Продолжение следует». Мама раздобыла следующий номер. В нём описывалось, как гестаповцы стали всё же Заслонова подозревать, приставили специального шпика следить за ним. Нам снова стало тревожно, но не очень, ведь мы знали, что ему удалось выпутаться, ведь он написал нам, что скоро приедет! Значит, сумел выпутаться! Да! Да! И в самом деле, выпутался – как? – описывалось и это. Очень остроумно! Вот наш, батя, каков! Поменялся в бане – наверняка это был всё тот же душкомбинат! – поменялся с кем-то одеждой и шпик не пошёл следом, когда он вышел в чужом полушубке. Вот так и ушёл! Теперь уже ушёл в лес и стал собирать партизанский отряд!

- И мама! Мама, которая всегда, как мне казалось раньше, с некоторым предубеждением, что ли,

относилась к папиным действиям, не предназначенным приносить пользу семье, сейчас читала всё это с радостным возбуждением! Сейчас она была рядом с ним!

- И в этом номере очерк не кончался. С нетерпением ждали следующего. Конечно, папа сам расскажет всё гораздо подробнее, когда придет, но пока, хоть это, о нём! Читаем уже в третьем номере. Бои, бои, бои! Число партизанских отрядов под командованием нашего бати растёт! Вот его уже назначили командовать целой партизанской зоной. Ну да! Он же об этом писал! Что такое – бой, мы имеем представление, потому что в городке очень часто прямо на улице растягивают экран и показывают военную хронику. Даже в лютые морозы люди стоят, притоптывая валенками, не уходят – досматривают всё до конца.

- Вот описывается гибель молодого партизана – Саши Соловьёва. И нам снова становится тревожно – как легко можно там погибнуть! И лес не защитит! Ох, быстрее бы он оттуда вырвался! Но, нет! Папа всегда найдёт выход! Вон как остроумно провёл он бой у деревни Логи! Этот бой описывался подробно. Логовской бой. Позже мне рассказывали о нём многие партизаны. Заслоновцы тогда победили, раз в десять превосходившего их численностью, противника! Не то, чтобы победили, а очень хитро обманули фашистов и, почти без потерь, вышли из окружения, да ещё и самолёт с «Большой земли», как называли партизаны наш советский тыл, приняли. Я расскажу подробнее об этом бое, устами свидетелей-партизан, в своё время, когда буду рассказывать о встречах с ними.

- Читаем дальше. Прошу прощения за снова длинную цитату, но только так я смогу передать читателю то, что чувствовали мы по мере того, как читали дальше.

- «... Тяжело переваливаясь в глубоком снегу, партизаны огородами побежали к Сычёвскому лесу. Заслонов задержался возле хаты, чтобы отдать приказание четырёх, оставшимся возле него партизанам. В эту секунду со стороны Ивановки хлопнул одиночный выстрел и за ним, серебряной дробью, рассыпалась в морозном воздухе автоматная очередь.

---За мной!- крикнул Заслонов и побежал, размахивая маузером назад к дороге на Ивановку. Навстречу ему мчался молоденький партизан.

-- Дядя Костя! Там их много, человек 200 – силища!

--А ты испугался? – Заслонов засмеялся, но тут же стал серьёзным. С ним было 6 человек – Женька, адъютант, и пятеро партизан. Небогато. Но немцев надо остановить! Надо защитить тыл отряда, который дерётся на другом конце деревни.

В воздухе засвистели пули, и Заслонов открыл встречный огонь. Фашисты были уже совсем близко. Женька не отходил от Заслонова, старался вылезть вперёд и трещал из своего автомата. Вдруг он вздрогнул и начал оседать.

- -- Женя! Женечка, что с тобой?! – Заслонов бросился к адъютанту. В этот момент он почувствовал удар в грудь, и сразу стало горячо под кожанкой и всё поплыло вокруг...

- Тридцать человек, отстреливаясь, ушли в лес. Они не могли удержаться, противник бросил на кучку партизан два батальона. Гитлеровцы вошли в деревню и остановились У ТЕЛА ЗАСЛОНОВА. Они пригласили крестьян и стали спрашивать, кто лежит, когг это они убили. Крестьяне молчали, глядя на ТЕЛО ЗАСЛОНОВА, и проходили мимо. Только Авдотья сказала переводчику:

- -- А кто его знает. Партизан. Кабыть, Петром его звали...

- Фашисты ушли, приказав похоронить убитых.

- На похороны пришла вся деревня. Крестьяне пошли длинной вереницей вдоль могилы. Они шли медленно, хмурые, сосредоточенные. В торжественном молчании, сквозь которое прорывались рыдания женщин. Люди останавливались у могилы, отвешивали поклон и говорили:

- -- Прощай наш друг, Константин Сергеевич!

- Утром на могилу пришёл ещё раз проститься с Дядей Костей Лявон. Он стал у маленького холмика, на который ночная пурга намела много пушистого мягкого снега. Долго стоял без шапки, глядя на этот холмик, словно хотел пронзить взглядом землю и хоть на мгновение снова увидеть любимого командира.

- -- Клянусь над твоим прахом, что враг крепко поплатится за твою смерть! Клянусь! – громко сказал он. – Клянусь!

- И он ушёл, и ему казалось, что клятва его гремитещё над могилой Заслонова, что эхо передаёт её

от леса к лесу, от деревни к деревне, от города к городу! И что не смолкнет она никогда!

Останется, как вечный памятник Константину Заслонову!»

- Представляете, каким голосом мама читала последние строчки этого очерка! Я омертвела, словно кусок дерева проглотила и он застрял у меня внутри – ни вздохнуть, ни выдохнуть. Тоже самое и с мамой – она еле выговаривала последние строчки... Только малышка-састрёнка, не зная ещё значения слова «могила», продолжала радостно напевать, как учила её я: «Скоро папочка приедет! Скоро папочка приедет!» В конце-концов маме удалось выдохнуть: «Нет! Что-то тут не так! Он же обещал скоро приехать! Мы же ждём его!» Я тоже, в унисон с ней, подхватила эту мысль и стала развивать её. Мол, это писатель написал, чтобы было эффектнее! Писатели часто фантазируют! Ведь, сам-то он, наверняка. Ничего не видел! Что-то слышал, чего-то недопонял! Вот и прифантазировал! Мы с мамой стали всё больше и больше убеждать себя, что всё это всего лишь творческий вымысел писателя! А, может быть, даже, это было ему такое задание, так написать, чтобы отвести от Заслонова внимание фашистов, они же его преследовали! Вон в листовках за поимку его какие богатства обещали!

- Мама тут же села и написала в газету «Известия» автору очерка Э.Виленскому письмо, в котором спрашивала, правда ли то, что он написал о гибели Заслонова? Был ли он сам свидетелем, или написал с чьих то слов? Очень скоро мы получили от журналиста ответное письмо.

- «Уважаемая, Раиса Алексеевна, получил Ваше письмо и спешу Вам ответить.

Прежде всего, сообщаю, что Константин Сергеевич погиб в бою, как и было это мною описано, 14 ноября 1942 года. И смерть его, и похороны описаны мною так, как это происходило в действительности.

Конечно, это большое горе для нас всех и, особенно, для Вас и Ваших детей. Но Вы совершенно правильно, по граждански смотрите теперь на Вашу задачу – вырастить и воспитать Ваших детей в духе преданности Родине, чтобы они были достойны памяти своего великого отца.

Я говорил с секретарём ЦК КП/б/Б т. Пономаренко и рассказал ему о Вашем письме. Он сказал, что сделает всё, что нужно, чтобы обеспечить семью К. С. Заслонова пенсией. Я думаю, что Вам надо самой обратиться к нему с письмом, а я сегодня перешлю ему копию Вашего письма ко мне. Так как я продолжаю работать над дальнейшими литературными материалами о К. С. – мне было бы очень ценно получить от вас воспоминания о Вашем муже, рассказ о том, как жил он, работал и т.д. В первую очередь прошу Вас прислать мне копии всех писем, которые он Вам писал за последний год.

Заранее благодарен и надеюсь, что не задержите с исполнением моей просьбы. Пишите мне, как зовут Ваших детей, сколько им лет, как они выглядят, что делают, какой у них характер?

Шлю Вам свой привет и лучшие пожелания. Жду письма.

Ваш Виленский.

10 мая 43.»

Вот только когда мы узнали точную дату гибели отца! Почти через полгода после той страшной автоматной очереди, оборвавшей его жизнь!

Ни извещения о гибели, ни каких-либо намёков на пенсию, мы не получили. А, раз никаких официальных уведомлений не было, мы продолжали думать, продолжали уверять друг друга, что журналист всё же ошибся и через какое-то время всё прояснится – отец объявится!

Мама написала Виленскому всё, о чём он просил, переслала копии папиных писем. Через некоторое время читаем в газете – погиб журналист Э. Виленский...

Военный завод, на котором работала мама, перевели куда-то в другое место, и мама осталась без работы. Без пенсии и зарплаты существовать стало просто невозможно! Мама пыталась подрабатывать стиркой чужого белья, но это был мизер. Она написала Пономаренко, как советовал Виленский, но ответа так и не получила. Правда, местные власти оказали нам некоторую единовременную материальную помощь и даже выделили отдельную комнату в государственном доме. У мамы совершенно непробивной характер, для неё хождение по начальственным инстанциям такая каторга, что она предпочитала уж лучше поголодать. А ещё она всегда была склонна к крайностям и теперь вдруг начала терзать себя мыслями, что это Божья кара, что она виновата в гибели мужа. И письмо-то своё последнее она тогда написала сплошь из упрёков, и на

танцульки бегала, пока он жизнью рисковал! Она почти перестала есть, исхудала до скелетообразного состояния. Последний кусочек отдавала нам, уверяя, что совершенно не голодная. А тут ещё тётка Лёлька подбавила горечи. Нахально, без приглашения заявила в нашу новую комнату и, от зависти, что ли, начала ехидничать, что, мол, дотанцевалась! Небось, кто-то мужику - тот же Питулайнин! – сообщил о твоём поведении, вот он и полез под пули! Мой-то пропал без вести, так может ещё и объявится, а твоего уже закопали! Всё!

Мы ещё не знали и не предполагали, с какой чёрной стороной человеческой природы нам придётся сталкиваться теперь всю жизнь! Сколько грязных людишек, как комары на запах плоти, будут слетаться на нашу фамилию. К счастью, их гораздо меньше, чем искренних доброжелателей, но их постоянное мелочное и зудливое присутствие где-то поблизости, будет теперь всё время ощущаться в нашей жизни. Я не знаю и до сих пор не понимаю, что ими двигало? Завидовали? Но чему? Ведь мы не вылезали из нищеты! Потенциальным возможностям? По-видимому, так!

Помню, одна дама сказала маме: «Мне бы вашу фамилию – я бы в ЦК дверь ногой открывала!» Однако это всё были мелочи по сравнению с тем, что выделявали более предприимчивые жулики, пытаясь за наш счёт ухватить какой ни какой куш, т.е. попросту обобрать нас! Никому из нас и в голову не могло придти, какие игры закручиваются вокруг нас! Для иллюстрации, хотя бы одного подобного случая приведу отрывок из, записанного мной на магнитофон рассказа одной замечательной женщины, бывлой партизанки - Антонины Дмитриевны Любченко. О встрече с ней я ещё расскажу в других главах, когда стану описывать то, как я собирала материалы об отце. Пока же привожу довольно длинную цитату, но только так будет понятна суть дела. Её, тяжело раненую, партизаны из отряда Гришина, с мешком денег и тремя малолетними детьми переправили через линию фронта, которая проходила уже по юго-восточной окраине Белоруссии.

«... Это партизанские дети – родители погибли... Приехали в Ново-Белицу. Меня никто не встречает. Я так: одного подтащу положу, ведь рука-то одна на перевязи, не действует! Потом второго к нему, а третий сам подползёт. Ну, в скверике я полушубок свой постелила, положила их и старшенькому говорю сидеть, никуда не ходить, а сама пошла в штаб. А там меня в наркомпрос посылают. Хожу- хожу – никто ничего! Уже за вторую половину дня перевалило. Прибегаю в наркомпрос, как ворвусь к Ураловой, наган вытащила: «Вашу так пере так! Сколько могут дети мучаться? Ведь, это партизанские дети! Сами здесь отсиживаются!» Ну, она тогда дала распоряжение, и этих детей забрали и отвезли в Гомель. Ну, пошла я в штаб, деньги сдавать. А мне говорят – опись нужна. А какая у меня опись – вот считайте, и это будет опись. Так мне всё это после партизан показалось диким – формализм какой-то! А тут ещё сразу особисты меня взяли в оборот – я же в Осинторфе, в плену побывала! А мне подлечиться надо – раны-то не залечены, так чуть-чуть подживши... Каждый день меня вызывают – выпрашивают по 20 раз одно и то же! В это время перешёл через фронт для консультаций в штабе мой непосредственный командир – Гришин. Ему и сказали мои соседки по комнате, что я ночью плачу. Подошёл, спрашивает: «Что ты ходишь сюда каждый день?» Я говорю:

«К особистам!» Так он туда как ворвётся и кричит: «Да вы знаете, сколько этот человек сделал!» Ну, я уже прихожу назавтра... То меня садили в угол, как эков, и свет в лицо, и говорили: «Пишите!» Я напишу, а назавтра снова это же самое нужно писать. Ну, а тут прихожу и смотрю, уже стул возле стола стоит, и мне говорят: «А чего вы не идёте обмундирование получать и деньги? Идите, оформляйтесь. Там вам выписана в дом отдыха в Пушкино путёвка...» Я смотрю – уже всё переменялось! А то такой упрямый – всё ему то да то! Вот тогда всё о Заслонове спрашивал – был ли у него кто там? Были ли любовницы, пьянки? Как вёл себя? Даже спросил – не я ли любовницей была?! А Константин Сергеевич совсем не такой человек по натуре был! Это кто-то уже наклеветал, что по пьянке погиб! Есть такие сволочи и сейчас. По себе, что ли, судят!.. Потом мне уже рассказали, что какая-то аферистка, мнимая, так и сказали – мнимая, ложная, жена получила деньги тут за него в штабе. И очень много получила! Это меня, как обухом! Так неприятно было, будто случилось что-то непоправимое. Ведь он рассказывал о своей семье, о дочках. Он всегда: «Моя Иза, моя Муза, моя Риточка!» Всегда говорил. Мы думали, что раз он говорит «Риточка», то его жену зовут «Маргарита». Когда мне кто-то сказал, что Рая у него жена, то я говорю - нет, Маргарита. Вот теперь только узнала, что он так вашу маму называл – «Риточка»... И письмо писал! Я помню, когда он письмо писал! У нас лётчики были и он быстро,

торопился, писал, чтобы они захватили. Говорит: «Подождите! Подождите! Письмо возьмите!» А с нами в это время происходило вот что. Пришло, наконец, - больше, чем через полгода после гибели отца! – извещение, о его гибели. И письмо от какой-то официальной дамы по фамилии не то Гущенкова, не то Гуценкова, что основная пенсия назначена его последней семье, а нам будет назначена вот такая-то – и указана сумма, намного меньшая, чем пенсия семье погибшего рядового солдата. Письмо это просто-таки ввергло маму в шок! И не столько из-за размера пенсии, сколько из-за «последней семьи». Она тут же ударилась в новую крайность. Я уже писала, что оба они были ревнивцами, а тут уж маму охватила такая неистовая ревность, что она не способна была смотреть на положение вещей рассудительно. Все полученные бумаги она сложила в конверт и написала что-то вроде: «Передайте это его третьей, пятой или восьмой семье!» - и отослала туда, откуда это всё пришло. А так как нам грозил самый настоящий голод, быстро собрала вещи, и мы двинули к дяде Володе с тётёй Фридой – в Алма-Ату.

Возможно, найдутся моралисты, которые упрекнут меня: «Фу! Фу! Фу! Как некрасиво! Произошла трагедия – гибель родного человека, а она разводит разговоры о деньгах!» А вы пробовали, не есть несколько дней ни крошки?! Когда от голода сводит желудок, кружится голова, ноги становятся ватными, в глазах темно, а звуки слышатся, словно сквозь толстое одеяло. Сейчас, правда, модно даже лечиться голодом, но не в детском же возрасте?

Все наши деньги ушли на билеты до Алма-Аты и на несколько каких-то подозрительных белых булочек, купленных на базаре с рук, для Ирочки. К тётушке с дядюшкой мы заявили до того голодными, что сразу же накинулись на пирожки с морковкой, которые тётя Фрида горкой выложила на стол перед нами. Мы эту горку мигом всю умяли, объелись и, несколько дней потом, страдали животами так, что света белого не видели!

Мамин брат был человеком деловитым и рассудительным. Сразу велел маме снять копию, заверенную нотариусом, с документа о регистрации брака и, по-моему, с паспорта, что, мол, никакого расторжения брака не было и основная – первая и последняя! – семья, всё-таки, мы! Ответ пришёл неожиданно скоро. Перед мамой извинялись за ошибку по поводу какой-то ещё семьи, но, что касается пенсии, сообщали - по закону пенсия семье погибшего Героя Советского Союза назначается соразмерно с получаемой им перед гибелью зарплатой. Оказалась, что зарплата у папы перед его уходом за линию фронта была до того маленькая, что пенсия наша еле-еле дотягивала до суммы, выплачиваемой простым солдатским семьям. Мама была рада и этому! Гораздо больше её терзала «ошибка по поводу какой-то ещё семьи»! Не поверила, что это ошибка, мол, дыма без огня не бывает, мол, что-то такое было! Да-да! Несомненно, было! И простить этого никак не могла! Даже мёртвому! Мне кажется, и до сих пор не может!

Уже гораздо позже, я попыталась разобраться, что это за история с какой-то новой, и, кстати, даже не одной, семьёй! Расскажу обо всём подробнее, когда буду описывать наше возвращение в Белоруссию. Пока же, скажу только, - вот говорят, мол, в наши «перестроечные» дни появилось великое множество жуликов и злодеев! Ха! Хватало этого добра и тогда, может быть, даже больше, чем сейчас! И тогда, и сейчас правил и правит бал «золотой телец», хотим мы того или не хотим! И уж обязательно найдутся желающие содрать шкуру с таких простодушных овечек, какими были, да какими и остались, мы! Говорят: «Простота хуже воровства»! А с этим можно и поспорить! Во всяком случае, на нашей стороне, хотя бы такие гении, как Вольтер и Достоевский! Ведь без простодушных, как мы с мамой, и, особенно, без самоотверженных, как Заслонов, - мир превратился бы в сумасшедший злобный зверинец! Но, не буду больше философствовать, тем более, что у меня это получается не очень складно! Лучше уж скажу, как же я переживала реальность в те дни. Я не просто верила, я ЗНАЛА! – он специально разыграл свою гибель, чтобы внедриться к фашистам в доверие. И где-то там, в глубоком вражеском тылу, под другим именем и фамилией отец, как герой недавно увиденного мной фильма, борется с врагом. Когда-нибудь, морщинистый и седой, он разыщет всё же нас и больше уж не покинет! Не вся, к сожалению, но всё же какая-то часть этой моей фантазии оказалась очень близка к имевшим место реальным событиям!

«Везде хорошо, где нас нет!»
(Поговорка.)

Итак – мы в Алма-Ате. Дядя Володя уступил нам маленькую комнатку в коммуналке. Он очень быстро поправлялся после блокадной дистрофии и с успехом работал начальником товарной ж.д. станции «Алмаата-1». Это была станция элитная, привилегированная, не то, что «Алма-Ата-2». Никаких дров, никакого угля, никаких кирпичей на ней не выгружали и не хранили, зато в тупиках стояли так называемые «пульмановские» вагоны международного класса с элитными эвакуированными из Москвы. В одном таком вагоне жила семья какого-то ОЧЕНЬ крупного московского чиновника с дочкой, моей ровесницей. Тётя Фрида настояла, чтобы я подружилась с девчонкой, привела меня к ним, познакомила, естественно, представив меня с самой лучшей стороны. «Эта девочка должна стать тебе подругой. Её папа – ОГО! Только с такими нужно водить знакомство!» - так обосновывала она свою идею. Ну что же, я стала приходить к ним. Почему бы и нет?! Не знаю, то ли тётюшка нахвалила им мои эстрадно-песенно-танцевальные способности, то ли ещё почему, но однажды они стали упрашивать меня что-то исполнить. Я твёрдо усвоила, потому что часто слышала это по радио, что самое лучшее, самое правильное искусство, это искусство, созданное народом. И только что, перед этим я прослушала по тому же радио передачу, в которой рассказывалось, как Пушкин ходил в народ – к цыганам, и в результате написал замечательную поэму – «Цыгане». Я так и поняла, что народ – это цыгане. В памяти у меня отложилось, как, то ли в Витебске, то ли в Орше, к нам во двор пришли цыгане, и девчонка цыганка танцевала и пела: « Ой, кости болят – колбасы они хотят!» И вот, в этом роскошном, так изысканно обставленном бархатными креслами и торшерами, вагоне, я стянула со стола бархатную скатерть, накинула её на плечи, как шаль у той цыганской девчонки и, следуя по памяти её движениям, стала ходить кругами, дёргать плечами и петь: «Ой, кости болят – колбасы они хотят!». Не знаю, что уж там подумали эти высокопоставленные эвакуированные, но они почему-то передали тёте Фриде, чтобы я больше к ним не приходила. Тётка с суровым видом долго допытывалась, что же такого я там натворила, но мне и в голову не приходило, что народное искусство пришлось им не по душе.

Я, как почти, наверное, многие девчонки моего возраста, мечтала тогда стать или певицей, или балериной. А тут и тётя Фрида подкинула мне мысль, что, мол, в городе имеется балетное училище и неплохо бы мне туда поступить. Стала упрашивать маму, но та ни в какую. По её глубокому убеждению, все балерины, как и спортсменки, были туберкулёзными – уж очень они все худые!

Я уже где-то упоминала, что мама всегда впадала в крайности. Такой был у неё характер. То она казнила себя за то, что ходила на танцульки и этим как-то спровоцировала судьбу на обрушившееся на нас несчастье. То теперь вдруг ударилась в полную противоположность. Мама была уверена, что дыма без огня не бывает - муж изменил ей нагло, непростительно, жестоко! Она ревновала его даже мёртвого. Ревность затмила всё и она считала, что теперь вправе отомстить неверному. Когда за ней начал ухаживать какой-то работник местного ЦК, она не стала отвергать его ухаживания. Но вот загвоздка – тот был женатым! Анна Захаровна прочно втолковала ей, что с женатым – ни в коем случае! На чужом несчастье не построить счастья! Но тот ухаживал очень настойчиво, и она решила – ладно, там будет видно. Помню, тётя Фрида рассуждала вслух – живёт она с этим товарищем или нет? Я слово «живёт» понимала только в одном значении - живёт в одной квартире, и очень удивлялась тёткиным рассуждениям. Как это тётка не понимает, что, если этот дяденька посидит у нас иногда каких-то полчаса, это совсем не значит, что он у нас живёт! Я полагала, что дети у мужа и жены появляются оттого, что они образовали семью и живут в одной квартире. Ну вот, как цветок, когда посадишь в горшок – в квартиру – он и цветёт и даёт семена. Этот товарищ ввёл маму в круг элитных знакомств, прикрепил к закрытому столу заказов и в закрытую циковскую поликлинику. Мама не работала на предприятии, но ей военкомат поручил шить на дому из бязи бельё для фронтовиков, конечно же, бесплатно. Даже швейную машинку дали во временное пользование. Весь день у неё был занят – выполняла за машинкой положенную норму, а вечера проводила со своим циковским где-то вне дома. К вечеру приходила я из школы, быстро делала уроки и занималась с Ирочкой. Учёба давалась мне очень легко! Я успевала сделать

уроки частично в перерывах между репетициями и дома лишь бегло просматривала то, что прочла или написала в школе. Организация учебного процесса была в те времена поставлена совершенно не гуманно, по отношению к ученикам. Нас в обязательном порядке оставляли после занятий на многочасовые репетиции школьной самодеятельности – подготовка к ежегодной общегородской олимпиаде. Никому из учителей не приходило в голову, что мы целый день голодные. К вечеру у всех болели от голода желудки. Брать с собой в школу завтраки не было принято. Если ты принесёшь что-то съедобное, стыдно одному есть втихаря. Тут уж – или всех угости, или не приноси. Но, на всех-то каждый день не наберёшься! В школе, правда, существовала столовая, только питались в ней лишь некоторые, те, кто получал за хорошую учёбу талоны. Однажды и мне выдали такие талоны на целый месяц. Три дня я ела манную кашу, а на четвёртый нас повели на детский спектакль. Портфели мы все оставили у живущей поблизости дочки завуча. Назавтра хватилась – талоны пропали. Почему-то мне из-за этого было так стыдно, будто не у меня, а я украла талоны! Я так никому об этом и не сказала! На переменках девчонки придумывали разные способы утоления голода. Кто-то приносил белую, якобы съедобную, глину и мы с удовольствием поедали её всем классом. Потом кто-то принёс подсолнечные жмыхи, и мы их тоже несколько дней употребляли, а когда они закончились, кто-то объявил, что очень вкусно и сытно есть так называемые «лепёшки» - семена от вязов, которые грудями валялись по обочине дороги. На переменках мы выскакивали на улицу и горстями, чуть-чуть потеряв в ладонях, поедали этот сомнительный деликатес. А репетировали мы несколькими классами глобальное шоу, чтобы завоевать самое высокое место на предстоящей олимпиаде всех школ города. Да, наша школа была женской – нововведение наркомата по образованию. Вот моя бабушка порадовалась бы – всё-таки какое никакое, а предупреждение разврата, возможного при постоянном общении подростков противоположных полов!

Кстати, почему, не знаю, многие табу, всё самое консервативное было перенято коммунистическим государством у церкви! Возможно потому, что глава государства сам был в прошлом бурсак?! Было категорически запрещено сексуальное воспитание подрастающего поколения и среди нас, девчонок, ходили страшнейшие слухи и домыслы об отношении полов. Как я уже писала, и я и остальные девчонки считали, что дети рождаются сами по себе, только потому, что их родители объединились в семью. Однако иногда, среди некоторых взрослых, появляются такие выродки, которые, ни с того ни с сего, начинают время от времени тереться писюльками друг о друга! Как же им не стыдно потом жить среди людей!? Смотреть людям в глаза!? От такого распутства у этих развратников начинает вместо мочи идти кровь! Мы с ужасом говорили об этом шёпотом, с оглядкой. Даже разговаривать на такую тему считалось очень и очень стыдно! В нашем третьем классе училась девочка-переросток, отставшая из-за того, что вместе с родителями пришлось долго выбираться из оккупированной зоны. Тоня. Однажды кто-то из девчонок заметил в туалете – кабин в школьном туалете не было – что она писает кровью. Мы все стали за девочкой следить, и оказалось - действительно! Как же мы начали травить бедную девочку! Кто-то даже пожаловался учительнице, что она «мальчишница». Довели до того, что родители перевели Тоню в другую школу. Я долго переживала из-за того, что вот как мир несовершенен, как не идеальны люди! Честно признаюсь – даже жить не хотелось в таком мире! Но, со временем память об этом случае вытеснили другие события – и радостные и не очень, но всё-таки не такие, по моему разумению, гадостные!

Можно сказать, что жизнь моя некоторое время была безоблачной. В классе я считалась хоть и не самой первой, но, всё же, одной из лучших. И учёба давалась мне легко, и материально мы теперь уже ни в чём особенно не нуждались. В закрытом циковском столе заказов нам очень часто отоваривали мясные талоны красной икрой, и мы ели её буквально ложками. Мамин поклонник подарил мне целый набор новеньких, пахнущих ещё типографской краской, книжек – прямо с печатного станка. Среди них – обязательный детский вариант Островского «Как закалялась сталь». Почему-то эта книжка на меня никакого впечатления не произвела. Несколько объёмистых пособий по устройству танка и какой-то пушки я, как ни старалась, но осилить не смогла. До какой-то степени понравилась мне история Тимура и его команды, поучительно описанная Аркадием Гайдаром. Ошеломила же меня одна книжка – сказка Гофмана «Щелкунчик». Я устроила за печкой игрушечный уголок. Из картона вырезала и склеила старинный замок,

обставила его собственноручно изготовленной из картона же игрушечной мебелью в старинном духе, как было нарисовано на картинке в книжке. Мамино круглое зеркальце изображало озеро, по которому плавали, слепленные из свечки лебеди. Игрушечного медведя нарядила Щелкунчиком и посадила у «озера». Я была уверена, что ночью он оживает и любит, как ожившие лебеди медленно плавают по прохладной зеркальной воде. Иногда мы с Ирочкой ставили кукольные спектакли, конечно же, в основном историю Щелкунчика!

Только вот совершенно безоблачная моя жизнь продолжалась недолго. Где-то в начале зимы я заболела. Во-первых, у меня началась лошадиная чесотка. Мама ворчала, что это всё из-за тётки Фриды. Я советовалась с той – что бы мне такого сделать по примеру тимуровской команды. Тётушка посоветовала вымыть лестницу и коридор нашего двухэтажного многоквартирного деревянного дома. Я со старанием и гордостью сделала это, а, спустя несколько дней, по рукам пошли огромные нарывы. Мама повела в поликлинику. Там и определили, что это лошадиная чесотка, но даже в этой элитной поликлинике не было лекарства от такой заразы. Мне лишь прикладывали к нарывам ихтиол, а самые большие вскрывали скальпелем, что было нестерпимо больно. Наконец кто-то посоветовал маме достать серы, растолочь, смешать с каким-либо жиром и туда же добавить ртуть из разбитого градусника. Эта мазь спасла меня. Но тут же навалилась другая холера. Днём я чувствовала себя абсолютно нормально, бегала по двору с детьми, играла. К вечеру же поднималась температура такая высокая, какую только мог обозначить градусник, и начиналась дичайшая опоясывающая боль в области талии. Никто из врачей не мог определить, что это за хвороба, пока, наконец, не пришли к выводу, что это паратиф. Как видно, поедание в школе всякой дряни, не прошло даром. Конечно, и от этой болезни лекарств в поликлинике не имелось. Вот сейчас я думаю – возможно, это было и ртутное отравление, столько ртути было израсходовано на мои руки! В общем-то, я так явно не умирала. Днём играла с детьми, а несколько болезненных часов вечером компенсировались тем, что не нужно было ходить в школу.

Однажды отоварили нам талоны на сахар несколькими бутылками ликёра. Вечером мама дала мне рюмочку, надеясь, что это как-то снимет боль. И действительно! Вроде бы полегчало. До этого я очень долго, по пол ночи, заснуть не могла, а тут даже сразу заснула. С этой поры началось приятнейшее лечение – очень вкусным, сладким и ароматным, ликёром! Медицина утверждает, что всё такое очень опасно для детского организма. И самое страшное – ребёнок обязательно станет в будущем алкоголиком. Однако я не стала! Правда, признаюсь, выпить люблю, но изредка, в хорошей компании, только что-то очень и очень качественное, и не очень много, хотя пару раз в жизни и перебарщивала. Но, думаю, такое случалось и со многими нормальными людьми.

В это время странный случай произошёл со мной. Поздно вечером мама сидела шила и разговаривала с соседкой. Я лежала с очередным приступом высокой температуры, которую не сбивал даже ликёр. И всё в совокупности – температура, ликёр и бормотание говоривших, подействовало на меня гипнотически и вызвало вот какую галлюцинацию. Перед моими глазами возникли два скрещённых указательных пальца правой и левой руки. Громкий мужской голос произнёс: «Делай так каждый вечер перед сном и говори – Боженька помоги мне вылечиться! Это тебе поможет!» Даже не могу объяснить, что это было? Неужто и вправду нечто мистическое? А, может быть, всё гораздо прозаичнее? В те дни мы с девчонками часто скрещивали два пальца, при каких-то экстремальных обстоятельствах. Плевали три раза и произносили: «Тьфу, три раза – не моя зараза!» Вот это и трансформировалось в затуманенном мозгу в такую картинку. Я стала так делать каждый вечер. Не знаю, это помогло или нет, но, в конце концов, болезнь прошла сама собой, однако оставила мне на память хронический спастический колит. Очень, скажу вам, неприятная вещь!

Говорят же, что жизнь человеческая похожа на слоёный пирог – слой повидла, слой чего-то там ещё, не очень хорошего. У нас в это время всё было именно так. Я поправилась как раз в момент, когда весь наш дом, весь город, вся страна праздновали радостное событие – победу под Сталинградом! Помню, прибежала к нам соседка с журналом «Огонёк». Размахивает журналом! По щекам слёзы! Захлёбывается радостными словами! Вот! Вот! Началось! Наконец! Наконец! Мы рассматриваем победные боевые фотографии! Много-много фотографий! Весь журнал переполнен ими! И это радостное событие снова воскрешает нашу надежду – ведь может так случиться, что жив наш батя! Вот освободят Белоруссию, и окажется, что его, тяжело раненого, спасла и

выходила какая-то крестьянская семья!

Однако по тем же законам слоёного пирога призрачную нашу надежду на радостное, сулившее осуществлённые надежды, далёко, тут же омрачили жестокие реалии настоящего. У маминого ухажёра случилось несчастье. Во время поездки на большой скорости внезапно открылась дверца в машине и его младшая дочка выпала на ходу. С переломом позвоночника девочку увезла скорая помощь. Мама решила, что это Божье знамение, предупреждение, что их греховную связь необходимо прекратить! И она напрочь разорвала все отношения с престижным, но – увы! – не свободным кавалером! Отвергнутый товарищ оказался мстительным, и нас тут же открепили и от элитной поликлиники и от закрытого стола заказов. Тут же от нас отвернулись все «элитные» знакомые, кроме одной дамы. Только дама эта из любого знакомства старалась первым делом извлечь максимальную выгоду. По-видимому, она занимала какую-то должность в том же столе заказов, потому что иногда подбрасывала нам то да сё из продуктов, правда бросовых. Так – привезла однажды бочку солёных прошлогодних помидор. Бочка эта, высотой в две трети человеческого роста, в комнате занимала много места. Мы поставили её в коридоре и весь дом, с нашего разрешения, ими пользовался. Мы бы сами ни за что не одолели такое количество солёности, даже года за два! Время от времени дама оставляла у нас какие-то свёртки. Наверняка что-то ворованное в том же столе заказов. Маме как-то неловко было отказать ей или хотя бы спросить – что там в них. Как-то раз дама эта принесла целый мешок конфет, демонстративно при нас пересчитала их, плотно мешок завязала и велела маме спрятать под кроватью. Нас с Ирочкой она и не подумала угостить. Я была возмущена таким её пренебрежительным к нам отношением. Когда мамы не было дома, проделала в мешке дырку и стащила по конфете – себе и Ирочке. Дама пришла за мешком, снова при нас конфеты пересчитала, ничего не сказала, но изобразила всем своим видом крайнее возмущение и больше с нами не зналась. Мама стала допытываться, не брали ли мы конфеты. Я отрицательно качала головой, считая, что таким образом я не вру, потому как, врать можно только словами.

С этой дамой в нашей тогдашней жизни был связан ещё один эпизод. Довольно странный и неприятный. Кажется, это произошло ещё до моей болезни. Или же нет? Нет! Скорее всего, тогда, когда от нас отступился циковский покровитель! В те дни, несмотря на все военные невзгоды, люди старались хоть изредка устроить себе какой ни какой праздник с нехитрым застольем, с обязательным патефоном и танцами. Собирались в складчину – кто что принесёт. Маму очень часто приглашали на такие пирушки. И красивая она была, и танцевала преотлично, и, главное, всегда приносила в общий котёл что-то существенное. На одной такой пирушке в маму влюбился пан Ян. О! Это был самый настоящий шляхетный пан. Его рыцарская воспитанность просто заворовала маму и она не возражала, когда он иногда приходил к нам, платонически посидеть за чашкой чая. Это всё было так необычно, так, я бы даже сказала, экзотично. Он принадлежал к каким-то польским военным частям, которые формировались в Алма-Ате и вскоре должны были отправиться на фронт. Всё в этом Яне восхищало меня. Во-первых, манера поведения – ну просто, как в исторических книжках или фильмах о рыцарях! Во-вторых, его военная форма, с какими-то аксельбантами и необычная фуражка с квадратным донышком! Однажды он явился к нам как раз тогда, когда сидела та циковская дама. Как обычно мама устроила для гостей чаепитие. Зашёл разговор о чае. И пан Ян, рассказывая что-то о чае, произнёс следующие слова: «А вот у нас и в Германии чай принято...» Что там было принято, я уже не помню, но руководящая дама сразу посуровела, дождалась, когда пан откланялся, и набросилась на маму. «Ты что, с ума сошла!? Кого ты принимаешь у себя?! Это же немецкий шпион!» «Откуда ты взяла!» - спросила мама. «Он проговорился! Он сказал: «... вот у нас в Германии!» «По-моему, он сказал: «...у нас и в Германии». «Ну, знаешь! Я-то бдительная – сразу уловила, что этот фрукт проговорился! Как хочешь, но я вынуждена буду доложить, куда следует!» Больше Ян у нас не появлялся. То ли всё-таки отправился на фронт, то ли бдительная дама доложила «куда следует». В таком случае, бедному поляку не позавидуешь! Не знаю, связано это было с Яном или с ещё одним из ряда вон выходящим случаем, но наша семья вдруг попала под бдительное внимание НКВД. Да! К нам стали захаживать какие-то суровые официальные дядьки и вполголоса беседовать с мамой в грубоватой и какой-то презрительной манере. А «из ряда вон выходящий случай», был вот какой. В квартире, которую мы занимали, - это ещё до нашего приезда в Алма-Ату, - поселилась, было,

под видом жены погибшего героя-лётчика - самозванка. Из рассказов соседей мы поняли следующее. Жена лётчика, героически погибшего буквально в первые дни войны, выезжала с двумя малолетними детьми откуда-то с Украины в эвакуацию. По дороге эшелон попал под бомбёжку. Жена погибла, а случайная соседка по вагону взяла её документы, её детей и выдала себя за неё. Кто-то из друзей лётчика приехал в Алма-Ату навестить семью погибшего, а так как он знал настоящую жену – вывел самозванку на чистую воду. Её посадили, а детей отдали в детский дом. Я-то думаю, что самозванка самозванке рознь. Одно дело та, обобравшая нас! И совсем другое дело эта, ставшая малолеткам второй матерью. А не следовало ли такую даже наградить?! Вот тема для хорошего фильма! Психологического детектива! Или мелодрамы... Короче, не знаю с чьей подачи, - не приложил ли и здесь руку отвергнутый чиновник? – только и вокруг нас вдруг стали роиться какие-то нехорошие слухи. Сначала где-то в высоких сферах, а потом и среди соседей пошли разговорчики, что вот, мол, эти жида, какие прохвосты! Дело в том, что арестованная дама была еврейкой, а, как я упоминала где-то в самом начале, дядя Володя всегда выглядел стопроцентным евреем. Ну, естественно, раз брат еврей, то и сестра тоже, хоть и не похожа внешне. Говорили – она так тихо-скромно себя ведёт, чтобы не привлекать внимания! Значит точно самозванка! Думаю, если бы мама вела себя нахально, то говорили бы – такая нахалка, несомненно, самозванка! Особенно меня донимала одна великовозрастная девица. Завидев на улице, она кричала уже издали: «Жидовка-самозванка!» Эту дылду я трогать побоялась, но однажды в отместку крепко стукнула её младшую сестрёнку, которая, кстати, меня не трогала. Малышка посмотрела на меня глазами, полными слёз и тихо сказала: «Дура». Я стукнула её ещё раз, а она, смотрит на меня широко раскрытыми глазами и опять своё: «Серавно дура». И мне стало так стыдно, даже холодок пробежал по спине, а уши наоборот начали гореть. Я не подумала словами, а просто как-то почувствовала, что опускаюсь до уровня тех же гаденьких сплетников.

К этому времени дядю Володю перевели уже на место старой довоенной службы в, только что освобождённый, Выборг. Мама прикинула, что былой её поклонник не перестанет строить нам бесконечные козни, списалась с братом, и мы отправились к нему. Сплетни сплетнями, но мы -то были и оставались СЕМЬЁЙ, поэтому нам в всё же выделили, правда не бесплатно, в вагоне международного класса отдельное двухместное купе с отдельными же туалетами на каждые два купе.

Уезжали в начале весны, и нас догоняло и перегоняло наводнение с гор, поэтому часто приходилось подолгу стоять в тупиках – по-видимому, на дороге ликвидировались какие-то последствия этого стихийного бедствия. На одной такой стоянке мы с Ирочкой играли в «телефон», который изображала скакалка. Её деревянные ручки служили трубками. Я «звоню» с верхней полки к Ирочке на нижнюю: «Соседка! Приходите ко мне в гости!» Ирочке неохота лезть ко мне на верхнюю, и она отвечает: «Поздно уже – темно! Боюсь, вору нападут!» Я спрашиваю: «А у вас есть какой-нибудь знакомый начальник?» «Есть.» «Ну, так пригласите его, пусть вас проводит. У них у всех наганы имеются!» «Нет! Боюсь! Он как раз и есть вор!» «Ну что вы! Разве начальники бывают ворами?!» «Конечно! Все начальники вору!» Так Ирочка и не поднялась ко мне в гости на верхнюю полку. Но в это время в туалете за дверью брился какой-то военный чин из соседнего купе и слышал наш разговор. Через некоторое время он вызвал маму в коридор и сделал ей внушение, что, мол, неправильно воспитывает детей – недозволенные речи ведут! Мама со слезами на глазах заставила нас припомнить и пересказать ей всё, что мы говорили. Потому-то я и запомнила ту игру дословно. Хоть мама и не нашла ничего крамольного в нашей игре, но посоветовала нам впредь так громко не разговаривать на стоянках. Мало ли что может послышаться тому бдительному дядьке!

Не припомню – писала ли я об этом в предыдущих главах? Ну, если и писала, то, думаю, читатель не осудит, прочитав ещё раз. А речь вот о чём – что-то необъяснимое происходит со мной в предрассветный час или же в наплывающих сумерках! На берегу моря, в поле, в лесу, но, особенно, на улице большого красивого города, окутанного сиреневой дымкой, в момент, когда вспыхивают уличные фонари, меня вдруг пронизывает чувство острого, восторженного счастья! Счастья до слёз! Так и не знаю, как такое объяснить? Атавизмом? Да, наступающему утру мои пра-пра-пра предки, конечно, радовались. Но вот уж никак не наступающей ночи, сулившей всякие

опасности. А, может быть, это что-то уж совсем древнее-древнющее – от волка или ещё какого ночного охотника!

В Ленинграде нас уже ждал дядя Володя, с открытым грузовиком. Погрузили вещи, и сразу же направились на этом грузовике в Выборг. Выехали ещё затемно и Ленинград я, по сути дела, совсем не видела. Но вот в Выборг въезжали на рассвете. Я ехала сверху на вещах, в кузове. Фонари в городе, правда, не горели, но всё равно меня вдруг переполнило чувство небывалого счастья и ещё – надежды! Уж не знаю надежды на что? Просто надежды и всё!

Выборг оказался полной противоположностью Алма-Ате. Несмотря на большие разрушения, это был очень красивый, очень чистый и благоустроенный европейский город, который мы, россияне, приезжая орда, быстро загадили. Дядя Володя занял самую лучшую квартиру в доме, в котором при финнах жила, наверное, местная элита – в центре города, напротив парка. Финны так быстро снялись с насиженных мест, что, когда дядя Володя вошёл в квартиру, на столе стояла недоеденная, почти свежая, яичница. В квартирах осталась вся мебель. В некоторых даже носильные вещи. Почему-то меня больше всего поразили водопроводные краны с красным и синим кружочками, обозначавшими холодную и горячую воду. При нас, конечно же, вода шла только холодная, как видно из принципа – мы не паны! Туалеты, конечно, тоже не работали, а их было в этой квартире два. Нам же, как и остальным обитателям города, туалетом служило помойное ведро, которое, после наполнения, выливали через разбитое подвальное окошко в подвал нашего же дома. Туда сбрасывали и мусор. Очень скоро все подвалы в городе переполнились мусором и помоями, и вонь стояла в тёплые летние дни нестерпимая! Правда, тёплых летних дней здесь бывало мало, это и спасало от повального мора. Конечно, не работало и паровое отопление, но в каждой комнате имелся камин – целое произведение искусства и мы обогревались тем, что топили его мебелью, раздобытой в соседних, ещё не заселённых домах. Кафель у нашего камина был выполнен словно из дубовых веточек с желудями. В соседней комнате – у дяди Володи, и камин, и обои были розовые. А ещё в одной, видно детской, по камину скакали разные зверюшки. А какая была мебель! Я впервые увидела кресло-качалку. При финнах эту квартиру занимал зубной врач. Состояла она из шести больших комнат и одной маленькой – для прислуги. И, конечно же, кухня – просторная, на два окна, выходивших во двор, заполненная всякими мудрёными приспособлениями! О назначении многих из них мы понятия не имели. В комнате, которую дядя Володя отвёл нам, у врача был приёмный кабинет. Мебель там преобладала в основном зубоврачебная. Всё лишнее мы повыбрасывали и натаскали из соседних домов мягкие кресла и две деревянные кровати, как определил дядя Володя – из карельской берёзы. Из врачебной обстановки оставили только белое бюро. Оно у меня стоит до сих пор. Только вот мама покрасила его однажды масляной краской, и оно утратило респектабельный вид. Все ящички в нём были заполнены таблетками. Мы с Ирочкой не преминули их попробовать. Горькие выбросили, а сладкие съели вместо конфет, из-за чего несколько дней страдали поносом. Я заканчивала четвёртый класс. К счастью, здесь отстали от школьной программы, и получалось, что я ничего не пропустила. Мне всё нравилось в школе! Непривычные, но очень удобные парты на одного человека. Классная доска – не деревянная, как та в Алма-Ате, покрашенная масляной краской, по которой скользил мел, а выполненная из какого-то материала, по нему было легко и писать и стирать написанное! Единственно, что омрачало мои походы в школу – то, что нужно было идти рано утром в темноте. Ни город, ни подъезд не освещался, и можно было наткнуться в подъезде, на тротуаре на труп или наступить в лужу крови. Дело в том, что в городе стояло несколько штрафных рот – и моряков и пограничников. Очень часто между ними происходили вечерами и ночами дичайшие пьяные драки – в парке. Как раз напротив наших окон. С выстрелами и страшными стонами, так что вечерами мы вынуждены были наглухо зашторивать окна – вдруг кому-нибудь спяна вздумается пальнуть по освещённому окну. Вот где меня, хоть и по касательной, но достала-таки война! Однако я как-то довольно скоро по привычке ко всему этому, как-то освоилась в обстановке и четвёртый класс закончила с похвальной грамотой, да ещё получила грамоту и за участие в школьной самодеятельности. Тут тоже руководители нескольких существующих в городе школ активно сходили с ума в стремлении перещеголять друг друга на олимпиаде межшкольной самодеятельности. Почему-то художественный уровень и преподавателей и более высокого педагогического начальства, по сравнению с Алма-Атой, был уж

очень примитивным. Я к этому времени избавилась от бабушкиного – «не выторкивайся». И выторкнулась! Когда в классе обсуждали, какой же номер нам представить на ближайшей олимпиаде, предложила поставить сценку, которую мы ставили в пионерлагере под Алма-Атой. По этой сценке можно судить об уровне наших тогдашних педагогов! За неё я и получила грамоту! Так как мальчишки не хотели участвовать в самодеятельности, то главную мужскую роль мне пришлось исполнять самой. Спрятав под маминой каракулевой папашкой косички и нарисовав усы, я выходила на сцену, пританцовывая на грузинский манер – руки то вправо, то влево. При этом напевала: « На Кавказе есть гора, под горою речка! Там танцует «Шамиля» молода узбечка!» «Узбечка» - девчонка со множеством заплетенных косичек - тут же выпархивала на сцену и мы уже в паре шли по кругу, напевая дуэтом: «Ойся ты ойся, ты меня не бойся! Я тебя не трону! Ты не беспокойся!» Пропев это несколько раз, мы останавливались и «узбечка» обращалась ко мне: « Ах, зачем ты не пришёл?» « Кинжал не точился! Как его я наточил, так к тебе явился!» - отвечала я с ехидной двусмысленной улыбочкой. «А зачем тебе кинжал?!»- вопрошала наивная дева. «Чтоб тебя зарезать!!!» - вскрикивала я зверским голосом и со зверским же выражением лица «всаживала» картонный кинжал прямо в сердце партнёрше. Та падала, а я, то хватаясь за голову, то простирая руки к ней со слезой в голосе вопила: «Ах, зачем я погубил душу молодую?! Встань, проснись, моя душа, мы станцуем «Шамиля»!» «Убитая» вскакивала, и мы в паре снова шли по кругу – руки то вправо, то влево: « Ойся ты ойся! Ты меня не бойся! Я тебя не трону! Ты не беспокойся!» Эта школа, где я доучивалась оставшиеся несколько месяцев четвёртого класса, была всего четырёхлетней. На следующий год мне предстояло перейти в другую – в семилетку. Впереди было лето, очень насыщенное всякими событиями и радостными и не очень, а то даже и страшными!..

Первая и самая большая радость пришла с расцветом весны. А в этих краях она бывает поздняя. Но вот зачастили солнечные деньки, появились первые листочки и первые маленькие жёлтенькие солнышки – цветки мать-и-мачехи. И КОНЧИЛАСЬ ВОЙНА! ПОБЕДА! С этого момента по всему городу, как, наверное, и по всему Союзу, начались бесконечные пирушки. По вечерам почти из каждого окна неслась музыка, слышался гул голосов пирующих и звон чокающихся стеклянных ёмкостей! Нашу, теперь уже коммунальную квартиру, тоже не обошли подобные пирушки. Дядю Володю к этому времени потеснили. Он с тётёй Фридой занимал сейчас только две комнаты. Рядом две комнаты занимала семья Абелей – муж, жена и приёмный сын Олег. В овальной, обитой дубом, по-видимому, бывшей столовой с очень красивым, похожим на средневековый замок, камином, поселилась родная сестра тётё Фриды – тётя Адэля. Тоже вдова погибшего солдата – с двумя сыновьями: Витькой, моим ровесником, и Генкой – ровесником Ирочки. Маленькую комнатку для прислуги заняла медсестра, красавица со шрамом на подбородке – Нинка-длинная. Ходили слухи, что она и у немцев работала медсестрой, но напрямую никто из деликатности спросить не решался. Вот на пирушке у этой Нинки-длинной мама и познакомилась с Лёшей, служившем в штрафном батальоне морской пехоты. Он был младше мамы на целых семь лет, и это её очень смущало. Смущало и то, что совсем недавно цыганка ей нагадала, будто папа жив и скоро нас разыщет. Выборг закрытый город, попасть в него очень сложно, но цыгане из разорённой войной Молдавии как-то пробирались. Здесь был для них рай! Вокруг города столько пустых коттеджей обставленных, полностью готовых к заселению. Экзотичные цыганки в роскошных пышных юбках, обвешанные монистами часто совершали групповые рейды по дворам. У многих женщин пропали близкие мужчины, и заработка гадалкам хватало. Цыганка потребовала у мамы обручальное кольцо, а так как мама с папой принципиально такими кольцами обзавестись в своё время не захотели, мама принесла кольцо, которое я недавно нашла на свалке. Цыганка пошептала что-то над кружкой с водой, заставила маму три раза окрутить это кольцо вокруг себя и бросила его в воду. «Вот видишь - внутри кольца обозначилось сердце! Это твой сердечный думает о тебе! Скоро! Ой, скоро он разыщет тебя! Жди! А чтобы сбылось обязательно, я кольцо заберу и положу вот в эту заговоренную коробочку, тогда ни один нечистик не сойдёт его предсказаний!» Кольцо было найденное, и мама подумала – как пришло, так и ушло. А вдруг! А ВДРУГ! Вот почему она вроде бы и принимала, но в то же время, принимала не совсем ухаживания молодого поклонника. А мы с Ирочкой в это время увлеклись посещением кинотеатра. Стоячий билет на балкон стоил всего девять копеек, которые я умудрялась очень легко заработать. Рядом с нашим домом во дворе

бывшего почтамта находилась свалка. Это была не помойка, а именно – свалка. Туда свозилось всё из помещений, которые необходимо было освободить под всякие административные учреждения или под магазины. Множество замечательных вещей можно было там обнаружить! Во-первых, огромное количество красочных почтовых открыток, сваленных там, когда освобождали от ненужных вещей здание почтамта; во-вторых, всяческие бусы и пуговицы, свезенные туда, наверное, из магазина галантереи. Кстати, у меня до сих пор пришиты на платье пуговички – красные сердечки, найденные ещё тогда. Возможность заработать давали трёхлитровые банки с привинчивающимися крышками. Не круглые, как наши, а квадратные. Эти банки охотно покупали тётки, торгующие на базаре всякой сельхозпродукцией. Вырученных денег всегда хватало на несколько даже сеансов! Ирочку пропускали бесплатно. Правда, весь сеанс приходилось держать её на руках, так как малышке ничего не было видно из-за барьера. В это время на экранах шли в основном американские картины, в большинстве которых играла знаменитая Дина Дурбин. И такая замечательная жизнь была в той Америке, что я в конце концов пришла к выводу – надо переезжать туда! Попробовала упрашивать маму – двинуть в Штаты, но она сказала, что никто нас туда не пустит. Однако я не оставляла мысли всё-таки в Америку перебраться. И в конце концов сообразила, кто нас туда пустит! ОН! Все говорят, какой ОН добрый, как ОН всех любит, всем помогает! Вот и написала ЕМУ письмо.

« Дорогой, дедушка Сталин!

Мне очень хочется жить в Америке. Пожалуйста, помоги нашей семье туда перебраться! Ведь ты самый лучший, самый добрый и всем помогаешь. Всю жизнь буду тебе благодарна!

Муза Заслонова.

Москва. Кремль. Сталину.»

Примерно так написала и наш обратный адрес. Когда попыталась с мамой обсудить, почему долго нет ответа, она пришла в ужас: «Что ты наделала?! Ведь меня посадить могут!» Но, по-видимому, на почте нашёлся кто-то добрый – не дал письму ход. Наверное, просто выбросил, и всё обошлось. Пронесло – как говорила мама. Из отечественных фильмов меня потряс всего один – «Пятнадцатилетний капитан». Естественно, я сразу же страстно влюбилась в мальчика, игравшего капитана. И тут же написала на «Ленфильм» письмо этому мальчику с признанием в любви, но и на это письмо ответа не получила. Как-то разоткровенничалась с тётёй Фридой, хотелось посоветоваться, что же сделать, чтобы всё-таки познакомиться с предметом моих воздыханий? Ведь она не раз хвасталась своими связями с тружениками экрана. Тётушка очень серьёзно подошла к моей проблеме. Обдумывала, прикидывала и в конце концов пришла к выводу, что я должна подготовить, железно отрепетировать, какую-нибудь игровую сценку, тогда она отвезёт меня в Ленинград и покажет на «Ленфильме». Если им понравится, могут меня даже пригласить сниматься в каком-нибудь детском фильме. Вот тогда, уже на равных, познакомлюсь с моим капитаном. Я набрала в школьной библиотеке детских журналов. Кажется, тогда существовал такой журнал – «Затейник». Однако никакой подходящей сценки для одного исполнителя не нашла. Решила остановиться на большой пьесе: «Любовь к трём апельсинам» Маршака. Но там было много персонажей. Попробовала уговорить девчонок с нашего двора, обещая им, что, когда отрепетлируем пьесу, тётя Фрида повезёт нас на «Ленфильм». По прямой от нашего окна в парке находилась эстрада, на которой вечерами играл духовой оркестр, вокруг кружились танцы, зато весь день она была свободна. Мы могли репетировать на ней сколько угодно. Ирочка, конечно же, должна была играть принца Тарталью. У неё и платьице имелось подходящее из американских подарков. Бархатное, вишнёвое с белым кружевным воротничком. Если внизу собрать на резиночку, оно вполне могло сойти за костюм с коротенькими штанишками, как у принца в книжке. Но вот загвоздка - девчонкам не нравилось репетировать каждый день по несколько часов! Они то приходили, то не являлись вовсе, а то могли и уйти с середины репетиции. Кое- как я промучилась с ними недели две и поняла, что нужно их заинтересовать материально, потому что в возможность поездки в Ленинград, они совершенно не верили. В это время мамин роман с Лёшей взвинтился до кульминации. Она убедила себя, что цыганка ошиблась – ведь, кольцо-то было не венчальное! А жизнь устраивать надо – она же совсем ещё молодая! Других претендентов на руку и сердце не было, и она сказала Лёше, что серьёзно подумает над его предложением. Обрадованный юноша отпросился в отпуск на несколько дней, и поспешил в Ленинград, сообщить

родителям о своём намерении круто изменить жизнь. Бабушкины наставления, - во всём, что касалось близкого мужчины - очень крепко, даже как-то утрированно, закрепились в мамином сознании. Она тут же тайно отправилась вслед за возможным избранником, чтобы проследить, как тот будет вести себя, можно ли ему доверить судьбу свою и детей!? На время своего отсутствия она оставила нам большую кастрюлю супа и наказала, чтобы ели его утром, днём и вечером, но обязательно перед употреблением кипятили. О холодильниках тогда понятия не имели. Вот этот суп я и употребила, как плату, чтобы заманивать девчонок на репетиции. Я не помню, какую роль я выбрала себе, но, наверняка, какого-нибудь отрицательного персонажа. Это очень подходило мне по духу – можно было давать волю фантазии, дурачиться, корчить смешные рожи, говорить ужасным голосом! Репетиции продолжались, пока имелся суп, но он скоро закончился, и девчонки наотрез отказались приходить в парк на эстраду. К тому же и тётя Фрида с дядей Володиёв внезапно уехали – его перевели в Ригу. Мама задерживалась, а нам стало нечего есть. Сестра тётки Фриды – тётя Адэля работала в ресторане официанткой. Ночью приходила из ресторана и доставала из-под резинки рейтуз множество всякой наворованной вкуснятины. Мне было противно это есть, Ирочка же не понимала и поедала охотно всё, чем её угощали. Я поголодала-поголодала, потом не выдержала и тоже стала есть плюшки из рейтуз. Мама приехала из Ленинграда, а вскоре явился к нам и ничего не подозревавший о её поездке Лёша. Пришёл прямо с дежурства, с автоматом. Как выяснилось потом – ушёл в самоволку. Так не терпелось ему узнать о мамином решении. Мама уложила нас спать и завела с ним серьёзный разговор. Я не спала – подслушивала. Интересно было всё-таки! Оказалось, мама видела, как там, в Ленинграде претендент на её руку несколько вечеров подряд прогуливался с одной и той же девушкой. Она заявила, что ни за что не свяжет жизнь с таким ветреным человеком. Он же объяснял, что хотел подготовить свою бывшую девушку к разрыву. Не так, мол, всё просто! Мама с едкой иронией замечала, что через некоторое время он и её начнёт готовить к разрыву! Такое, наверное, у него в натуре. А у неё дети, ей нужен надёжный человек. Тут Лёша заявил, что вот сейчас, если она не даст положительный ответ, он выстрелит себе в сердце! Мама заметила, что, мол, как не стыдно взрослому человеку говорить такие глупости! Тем более, если он такой глупый, он и подавно не годится в отцы её детям - ему самому ещё воспитатель нужен! Каким-то хриплым, каким-то уже «потусторонним», - что ли! - голосом Лёша попросил, чтобы мама принесла из кухни стакан воды. И у меня в голове вдруг промелькнуло: «Зачем мёртвому вода?» Мама пошла на кухню и в это время раздался выстрел, затем страшное мычание и грохот падающего тела. Вбежала мама, набежали соседи. Абели, у которых был телефон, вызвали скорую помощь, но, пока та приехала, юноша скончался. В спинке кресла осталась дырка от пули, но крови почему-то совсем не было.

Не скажу, что этот случай меня очень потряс! Мы с Ирочкой Лёшу не очень-то и любили, потому что он нас напрочь игнорировал, относился к нам, как к пустому месту. Умирающих я насмотрелась в Выборге достаточно – не раз приходилось по дороге в школу переступать через истекающую кровью жертву очередной ночной пьяной драки. А уж на труп можно было наткнуться где угодно. К нашему дому примыкало сгоревшее здание. По-видимому, там раньше находилось какое-то учреждение. В огромных обгоревших залах очень удобно было играть в прятки или в догонялки. И вот, бегая, приходилось перескакивать через обуглившиеся человеческие останки. Это как-то стало для нас в порядке вещей! А сколько трупов валялось вокруг города! Ещё одна сестра тётки Фриды – тётя Оля, поселилась в пригороде Выборга в небольшом комфортабельном коттеджике. Так вот, у неё во дворе валялось два трупа в немецкой форме. Тётя Оля оттащила их за ноги в воронку от снаряда, а я, вместе с её детьми, помогала засыпать воронку землёй.

В разгар лета я увлеклась лесом, и это стало моей страстью на веки вечные! Поначалу я попала в лес случайно. Кто-то из девчонок собирался в лес с родителями за ягодами. Взяли и меня. Мне так понравилось, что я стала ходить уже одна. Лес-то начинался сразу за городом! И тянулся, тянулся до бесконечности! Почему-то я великолепно ориентировалась в лесу – не было случая, чтобы я заблудилась. Очень многие, случалось, подрывались в лесу на минах, но со мной, как видите, ничего такого не произошло. Ещё говорили, что по лесу бродят дезертиры – как финны, так и наши и могут подстрелить. И опять же меня такое миновало! Однажды, правда, просвистела одиночная пуля – прямо над ухом! Но и только... Я даже испугаться не сообразила. Почему-то мне

совершенно не было в лесу страшно! А ведь я не из разряда храбрецов! Как-то, увлечённая сбором черники, я не заметила, как оказалось на пригорке, а вокруг него – окоп, заполненный разлагающимися немецкими трупами. Из разлезшейся серо зелёной одежды торчали полуоблезшие черепа, кости рук с клочьями серой плоти... И нестерпимый тошнотворный воздух! Вот тут я действительно испытала ужас. Я не знала, как выбраться с пригорка. Окоп окаймлял его по кругу – куда ни сунься! Зажав нос, я попыталась перебежать через окоп там, где он был не очень глубоким. Это почти удалось, но всё же споткнулась, как мне показалась о руку скелета. Упала и просыпала чернику. Помню, больше всего мне было жалко этой черники. Ведь мы только и жили с леса!

ЛЕС! ЛЕС! ЛЕС стал для нас незаменимым подспорьем! Когда дядя Володя уехал, нам пришлось в тысячу раз хуже, чем во время войны. Всё-таки они с тётушкой нас хоть как-то поддерживали. Дядя мог иногда подкинуть маме какой-нибудь одноразовый подработок на станции – где-то что-то посторожить, или ещё что-то... ну не знаю конкретно, что? Не буду домысливать! Во всяком случае, она получала за такую работу натурой – то крупу, то муку, то масло, то сгущёнку. Сейчас же карточки почти не отоваривались. Талоны на масло, мясо, крупу зачастую пропадали. Только хлеб и можно было выкупить. А потом карточки вовсе отменили, и стало невозможно прожить на нашу пенсию! Военных заводов в городе не было, и мама не могла устроиться по специальности – перемотчицей моторов, а больше она ничего не умела. Тётя Адэля составила ей протекцию – буфетчицей в ночном ресторане, но она смогла продержаться там только месяц. В её отсутствие, кто-то проникал в буфет, выпивал пиво, а в пустые бутылки писал. Такой вот чёрный юмор. Маме пришлось возмещать ущерб из нашей пенсии, и она поспешила уволиться с такой опасной работы. Подворовывать, как-то мухлевать, она не умела. Мы выживали только и исключительно за счёт леса. Ездили на пригородном в сторону Финляндии, причём на несколько суток. Переночевать можно было в любой пустующей даче – бывшие хозяева побросали там не только кровати, но даже постельное бельё и одеяла. Леса там были девственные. Грибов водилось в таком изобилии, что, казалось, их можно косить! И каких грибов! Ни сыроежки, ни какие-то жалкие моховики мы не брали. Привозили исключительно боровики и белые грузди – варили, солили, сушили! Из нашей комнаты запах шёл на весь дом. Мама заблаговременно прибрала к рукам трофейную электроплиту с духовкой, и она работала у нас сутками. Счётчиков тогда ещё в доме не имелось. К осени все леса окрашивались в красно-брусничный цвет. Финны оставили нам в наследство своеобразные черпалки. Такие ковшики из металлических прутьев – приспособления для сбора брусники. Черпай и в ведро! Привозили мы этих ягод мешками. Потом вот что делали – ставили стол наклонно и по «горке» скатывали в таз ягоды. Пока они медленно катились по столешнице – перышками выбирали мусор. Благо в квартире имелся просторный коридор – все наши бочки и с солёными грибами, и с мочёной брусникой там разместились. Мочёную бруснику можно было есть без сахара. Мы и ели ложками как кашу.

Пятый класс для меня пошёл наперекосяк. Школа оказалась смешанная – вместе с мальчишками. И вот один - Витька Кутейников стал оказывать мне усиленное внимание. Мне он не нравился. Не знаю – почему. Как сейчас вспоминаю – мальчик был довольно симпатичный, высокого роста. С правильными чертами лица. Однако – сердцу не прикажешь! Может быть потому, что ничего романтического в нём не было. Никакой таинственности! А тут ещё краем уха услышала, как девчонки перемывают мне косточки. Не успела, мол, в школу придти, как роман закрутила. Не иначе – мальчишница! МАЛЬЧИШНИЦА – это было самым страшным клеймом для девчонки в те времена. Мальчик сидел впереди меня и имел обыкновение откидывать голову на мою парту. Парты в классе стояли разнокалиберные, и моя оказалась на много выше, чем его. Однажды, когда он так сделал, я открыла крышку своей парты и, словно невзначай, ударила его этой крышкой по лбу. Удар, как видно, оказался довольно ощутимым. Потому что парень не замедлил мне отомстить. Когда мы бегали на перемене – подставил ножку, и я в кровь расквасила нос. И ещё один мальчишка донимал меня. Не знаю, кто сообщил в классе, что у меня папа герой? Только не я. Он с завистью повторял: «Эх, если бы у меня папа был герой!» Я удивлялась – чему завидует? Лучше бы мой папа был не героем, а живым! И ещё во мне твёрдо сидело, бабушкино внушение: «Всё суета сует, особенно тщеславие!» Время от времени этот мальчишка ухитрялся почему-то обязательно подстроить мне какую-то подлянку. Что это? Зависть? Я так и не поняла. В это время я

вдруг стала всё хуже и хуже учиться! Во-первых, я обнаружила, что совершенно не умею заучивать что-то, зазубривать! Могла прочитать правило раз пятнадцать и потом всё равно путала, когда частица «не» пишется раздельно, а когда вместе. И до сих пор путаю! Зато то, что рассказывали учителя на уроке по литературе, географии, истории, естествознанию, я запоминала сразу и могла пересказать, не перечитывая, почти дословно, - НО! – только лишь в том случае, если услышанное производило на меня впечатление. Часто учительница писала на доске какое-то правило или пример, велела списывать, а у меня в тетрадке пусто. Без всякого ставилась за такое разгильдяйство двойка и никому в голову не приходило, даже мне, что я всего–на всего ничего не вижу! Я стала всеми презираемой двоечницей – троечницей. Теперь уже нередко учителя выговаривали мне, стыдили, что, мол, я не берегу честь такой знаменитой фамилии. Дни в школе превратились в каторгоу, и я часто сбегала с уроков в лес. ЛЕС! ЛЕС! ЛЕС! Только там я чувствовала себя счастливой. Как я мечтала где-нибудь на сосне, вверху, чтобы никто меня не мог обнаружить, устроить шалаш и поселиться там. Никто мне не был нужен. С подругами тоже как-то не везло. Одна вроде была – Эльза. Жила несколькими этажами выше и мы вместе ходили в школу. Уже на подходе к её квартире воняло горелым рыбьим жиром. Её мать работала директором детского сада и жир, предназначенный для детишек, таскала домой и использовала для жарки. Но, не это отвратило от дружбы с девчонкой, а то, что произошло на новогоднем карнавале. Да! У нас в школе объявили, чтобы готовили к Новому Году карнавальные костюмы. Мы с мамой решили, что я наряжусь чёртиком. Соорудить такой костюм оказалось очень просто. У меня были чёрный свитерок и чёрные длинные рейтузы, к которым сзади мы пришили, сделанный из чёрного шнура и проволоки, хвостик с кисточкой на конце. Из чего-то чёрного сшили мешочек на голову, в котором прорезали дырки для носа и глаз, пришили картонные рожки и большой красный зубастый рот. Я веселилась от души! Бегала! Скакала! Кувыркалась! Тормошила танцующих! Время от времени нужно было выскочить в комнату, где мы переодевались, чтобы снять маску, вытереть пот и немного отдышаться. И вот, когда я, радостно возбуждённая заскочила в очередной раз в комнату и сняла маску, вошедшая следом за мной Эльза, бросила с презрением: «Кувыркайся, кувыркайся, Музочка! Может быть, талончик на чулки дадут!» Это было так обидно. Конечно, я бы не отказалась и от талончика на чулки, его обещали выдать вместо приза лучшему костюму, но я веселилась, совсем позабыв про талончик! Я веселилась потому, что мне было просто очень весело! С тех пор дружба с Эльзой пошла на спад. Кстати, талончик за лучший костюм получил тогда старшеклассник по фамилии Дубровский. Но костюм-то у него был готовый, как видно, позаимствованный в театральной костюмерной. Настоящий костюм мушкетёра. Мальчик оказался гордый и демонстративно отказался от талончика – тут я в него и влюбилась! Мальчик был очень красивый, почти, как мой идеал – как подросток Педро! А какая фамилия! Мы как раз проходили Пушкинского «Дубровского», и все качества того я приписала этому Дубровскому. Я долго колебалась, пока, наконец, не решила послать ему записку с признанием. Я не считала, что таким образом стану «мальчишницей». Это было совсем другое. Мальчик, как видно, навёл обо мне справки, потому что ответ его оказался очень жестоким. Что-то вроде: «Глупая ты двоечница. Лучше бы больше об учёбе заботилась, чем о знакомстве с мальчиками!» Я не очень-то и переживала, потому что совершенно не знала, о чём бы я говорила с ним, если бы познакомились. Я никому не доверяла свои раздумья о любви, о человеческих взаимоотношениях, о перипетиях судьбы, кроме как заветной тетрадке, в которую их записывала и которую разрисовывала сердцами и ангелочками, как на финских открытках.

Приближались майские праздники, и учительница спросила, кто может принести немного зелёных еловых веточек, чтобы украсить класс. Я тотчас вызвалась, сказала, что знаю прекрасные заросли сибирской ели. Это было в сто раз лучше, чем сидеть на ненавистных уроках! К моему удивлению, учительница отпустила меня с уроков. К концу занятий я явилась с большой охапкой колючей зелени и обнаружила, что во время моего отсутствия кто-то залез ко мне в портфель. Моя заветная тетрадь лежала на парте раскрытая и вся обсморканная. Кто же это так мне отомстил? Витька Кутейников или тот мальчишка, что завидовал моей фамилии? А может быть оба вместе? Весной у той же Нинки-длинной мама познакомилась с Сашкой. Красавцем-лейтенантом с чёрными усиками, как у Зельдина в фильме «Свинарка и пастух». Этот, наоборот, не игнорировал нас с Ирочкой, как Лёша, а усиленно воспитывал. Хоть он всё время и читал нотации, что, мол,

нельзя так плохо учиться, но всё равно мне нравился. Во-первых, потому что очень был похож на совсем уже взрослого Педро; во-вторых, потому что придумал семейные походы на рыбалку. Это было замечательное занятие! Мы ловили корюшку с моста специальной сеткой на палке. Весь Выборг был в ту весну повально увлечён ловлей корюшки, маленькой рыбки, пахнувшей огурцами. Корюшка шла сплошным косяком и потому, любителям этой необыкновенно вкусной рыбки оставалось только таскать её полными сетками и ссыпать в большие ёмкости. Весь город высыпал на берег Финского залива, и от горящих азартом глаз, казалось, светлее становилось, а всё вокруг пропахло запахом огурцов. Но скоро корюшка кончилась, кончился и всплеск эмоций, витавший над городом.

Это лето для меня оказалось чёрным. С пятого класса в шестой я перешла кое-как. Мне было где-то около 13 лет. По-видимому, началось робкое половое созревание моего малокровного организма, а в это время появляется особенное пристальное любопытство к отношению полов. Я, как и все девчонки в классе, всё ещё пребывала в познаниях в этом вопросе на том же уровне, что и в третьем классе, когда мы травили бедную Тоню. Кто-то из девчонок рассказывал, что на минутку ей в руки попала какая-то ужасно запретная книжка, в которой даже картинки были, но родители, когда увидели, и книжку отобрали и девчонку наказали. Значит ЭТО всё-таки что-то очень нехорошее! И вот, проснувшись однажды ночью по нужде, я обнаружила, что мама занимается ЭТИМ с Сашкой! Шок оказался посильнее, чем когда я попала в окружение окопа с трупами, чем, когда я обнаружила заветную тетрадку засморканной! Я просто заболела! На нервной почве мне даже стал чудиться по ночам стоящий в углу скелет. Но, в конце концов, взяла себя в руки и решила проверить – действительно ли ЭТО что-то ужасное или же просто нечто обыденное, суть которого я пока ещё не знаю. А проверить решила на Эльзе. Мы с ней именно в это время рассорились окончательно, из-за какой-то подлянки с её стороны. И я решила отомстить ей тоже подлянкой. Взяла и написала ей письмо, якобы от какого-то влюблённого парня, а в конце письма нарисовала их, занимающихся ЭТИМ, и подписала, опять же от имени придуманного парня, что, мол, ЭТИМ он мечтает с ней заняться. Надо признаться, что натолкнул меня на такой рисунок какой-то фильм с Целиковской, где влюблённый в неё парень нарисовал себя и её, сидящими за столом, а вокруг множество детишек и подпись, что это они и их дети. Этот рисунок в фильме показался мне тоже стыдным, потому что среди нас, одноклассниц, ходили слухи, что дети именно от ЭТОГО и получают. Я только чуть «перефразировала» рисунок. Рассуждала я так: насколько я знала Эльзу, она обязательно покажет письмо родителям. Если ЭТО что-то плохое, то будет скандал. Если же ЭТО просто нечто обыденное, в порядке вещей, то родители посмеются и всё! Оказалось – ЭТО не просто плохое, а СВЕРХУЖАСНОЕ! Когда её мать пришла к моей и показала это письмо, с мамой просто помутнение случилось. До этого, ни разу меня не ударившая, она схватила палку от метлы и стала с размаху бить по чём попало. Я упала, скорчилась, прикрывая голову, и удары приходились в основном на спину. Ирочка говорила потом, что на спине моей сквозь разорванную на рубцах кожу, вылезало мясо. При этом она проклинала меня, и кричала: «Чтоб ты издохла, сволочь проклятая! Из-за тебя, меня замуж не взяли!» Пока сыпались удары, меня несколько раз подмывало выкрикнуть: «Ты же сама! Сама ЭТИМ занимаешься с Сашкой!» Но даже под ударами я не решилась раскрыть перед чужой тёткой эту нашу страшную семейную тайну. Потом я узнала, что заставило маму так сорваться. Сашка привёз из Ленинграда своих родителей для знакомства с избранницей, но когда те узнали, какую большую девочку придётся сыну удочерить, наотрез запретили ему жениться на маме. Вот так он объяснил ей разрыв их отношений. Мой поступок послужил как бы катализатором для нервного срыва. Как видно, она не на шутку была влюблена в этого красавца. Она помнила его всю жизнь и через много десятков лет им довелось... но об этом я расскажу позже! Лёжа под кроватью, я размышляла и о своей неудавшейся жизни, и о жизни вообще! Чего-то самого главного я в ней не понимала. Не понимала, почему вдруг из отличниц превратилась во, всеми презираемую, двоечницу?! Не понимала, что же такое ЭТО?! Почему взрослые так боятся про ЭТО упоминать, а сами делают?! Как всё нехорошо, как неправильно в этом мире, а изменить я ничего, при моей двоечничкой тупости не смогу! Значит нужно найти мир иной – чистый и красивый, как в «Серенаде солнечной долины»! АМЕРИКА! Туда! Только туда! И там начать всё с нуля! Я прикидывала, как это осуществить. Через океан не перебраться. Корабли туда не ходят. Во всяком случае, из Выборга. Да

и не проберёшься на такой корабль – уж наверняка на каждом шагу порасставлены милиционеры! Выходит – нужно по суше! Как-то добраться до Чукотки, а там совсем небольшой – на карте он всего пару сантиметров – проливчик. Зимой он наверняка замерзает. По льду до Аляски. А это уже Америка! Одной в такой дальний путь отправляться было страшновато, и я сагитировала Витьку, сына тёти Адэли, присоединиться ко мне. Мальчишка тут же увлёкся этой идеей, и теперь мы уже вдвоём строили планы осуществления дальнего путешествия. В поезде до Владивостока можно ехать зайцем. Но всё равно деньги нужны. Во-первых, чтобы питаться в дороге. Во-вторых, чтобы нанять санную повозку с оленями от Владивостока до Чукотки. Бесплатно нас ни один чукча не повезёт! Мы решили усиленно поработать на свалке! Там можно насобирать множество прекрасных вещей, которые будем в дороге постепенно продавать – вот и деньги! И очень быстро мы насобирали несколько сотен великолепных красочных открыток. Таких красивых я не видела ни в Алма-Ате, ни в Бугуруслане. Значит, их будут охотно раскупать в России. И ничего, что на обратной стороне что-то написано по-фински, важно, что лицевая сторона с картинкой сохранилась, как новенькая! Кроме того, мы и пищу в дорогу тоже собирали. В основном, благодаря рейтузам тёти Адэли. У нас уже было с десяток почерстневших плюшек и две бутылки ситра, купленные на выборах. Во время выборов можно было купить на избирательном участке всякую вкуснятину. Государство устраивало горожанам роскошный праздник в этот день. Избирательные участки открывались в 6 утра, но уже перед открытием там собиралась небольшая очередь любителей славы. Да! О тех, кто пришёл ещё перед открытием, обязательно упоминали газеты и радио, как о патриотах, жаждущих первыми, отдать свой голос, за ВОЖДЯ, за ПАРТИЮ! И с самого утра на каждом избирательном участке работал недорогой буфет, крутились танцы. Водка лилась рекой и не зазорно считалось поваляться, перебрав, под столом или под ногами у танцующих. Танцующие аккуратно кружились вокруг, стараясь не наступить лежащему на ногу или на руку. То и дело слышались пьяные здравицы в честь ВОЖДЯ! И когда за одним столиком возникала вдруг песня, к ней присоединялся весь зал. Это была в основном одна и та же, очень модная именно в тех местах и очень трогательная песня. У меня в памяти так и встают страстные лица, блестящие глаза поющих! «Пусть вместе с нами земля Ленинградская вспомнит былые дела! Вспомнит, как русская сила солдатская немца за Тихвин гнала!» Столько искренней гордости и надежды на теперь уже мирное будущее было в хриплых пьяных голосах! «Выпьем за тех, кто командовал ротами под пулемётной пургой! Кто в Ленинград пробирался болотами, немца кося пред собой!» Последние же слова звучали, как гимн! Как молитва! Как руководство к действию! Какому? « Выпьем за Родину! Выпьем за Сталина! Выпьем и снова нальём!» Оказалось, война настолько измотала людей, что сил только и оставалось на то, чтобы наливать и выпивать. Никому и в голову не приходило, что пора покончить с пьяной эйфорией. Что пора поразмыслить, чему же нас научила война и победный поход на Запад? Пора трезво поразмыслить, как же быть дальше, за что взяться в первую очередь! А может быть, в таком положении вещей были заинтересованы ТАМ. Наверху! Может быть, ОН и ЕГО ОКРУЖЕНИЕ только и могли выживать, подпитываясь жертвенным фимиамом, как древние божки?! Что скажете, читатель? Считаете мои философствования наивными? Считаете, что я на старости лет впала в детство? Увы! Я из него и не выходила! А, как известно – устами дитяти глаголет истина, как бы наивно она ни выглядела. Но, вернёмся к тем дням. Мы, дети, шныряли между столами и танцующими, переступали через пьяных, пробирались к буфету и отоваривались на скопленную мелочь. Так у нас и появились эти две бутылки ситра. В дороге до Чукотки они вполне могли пригодиться. Однако очень скоро пришлось с ними расстаться. Ирочка и Генка пронюхали о наших запасах и начали нас шантажировать, мол, отдавайте нам эти бутылки, не то мы расскажем мамам, что вы задумали! Пришлось отдать. Но мы не унывали. Вояж был намечен на весну, чтобы, учитывая всяческие возможные перипетии в дороге, успеть добраться до Чукотки к зиме, когда пролив замёрзнет. За оставшееся до весны время мы соберём ещё целую дюжину бутылок! Но, мы предполагаем, а Бог располагает!

Задолго до весны мне суждено было на целый год отправиться в Ригу к дядюшке с тётушкой! Наша жизнь в Выборге повернула так, что мама уже не в состоянии была прокормить нас двоих на получаемую пенсию и написала брату, чтобы на время взяли меня. Я была похожа на тётю Фриду – такая же стопроцентная блондинка - и она давно просила маму отдать меня ей на удочерение.

Мама предложила пока что удочерение временное, а там, мол, видно будет! Так я попала в один из прекраснейших европейских городов! Выборг тоже был европейским городом, но он был бесхозным и очень скоро стал похож на помойку. У Риги же пока что были хозяева, всеми силами старавшиеся оберегать престиж этого элегантного города, Увы! Со временем и они были сломлены, но это гораздо позже. Тогда же, красота и необычность Риги заставила меня надолго забыть об Америке. Я просто захлёбывалась великим множеством свалившихся на меня открытий, возникавших на каждом шагу, возле каждого дома, за каждым углом в этом волшебном городе. В школе, куда определила меня тётя Фрида, учились одни русские девочки. На этот раз школа оказалась, как и в Алма-Ате, женской. То ли все мои соученицы происходили из очень культурных семей, то ли это было влияние растворённой в местном воздухе особой ауры города, но все они оказались на редкость воспитанными и доброжелательными. И всё сложилось бы прекрасно, если бы не испортила дело моя уважаемая тётушка. У них с дядей Володиёй появился один знакомый – владелец необыкновенно богатой русскоязычной библиотеки, состоявшей из книг, изданных в дореволюционной России или же белой эмиграцией в довоенной Риге. Однажды этот библиофил подарил тётушке толстенный том, посвящённый французской литературе времён Наполеона. Подарил только из-за созвучия фамилий. Тётушкина девичья фамилия была – Лесталь, большая же часть тома была посвящена разбору творчества современницы Наполеона, писательнице - госпоже де Сталь. Вряд ли моя малограмотная тётушка, выросшая на отдалённом эстонском хуторе на Псковщине, и получившая неполное четырёхклассное образование, смогла одолеть такой толстый фолиант, но листала она его с благоговением, внимательно всматривалась в портрет француженки и, в конце концов, пришла к выводу, что она её дальняя родня! С той поры она стала говорить с лёгким прононсом и, знакомясь с кем-нибудь, представлялась, как госпожа Эльфрида Лесталь – де Сталь. А моя мама, когда злилась на неё из-за чего-нибудь, называла, правда за глаза, «госпожой Дристаль». Эта безобидная, в общем-то, и временная навязчивая идея тётушки вышла боком мне! Да ещё как! Принарядив меня, и сама, несмотря на высокий рост, на высоченных каблуках, в шляпке с вуалеткой и меховой горжетке, она стремительно вошла в кабинет директора школы и огорошила его примерно такой речью. Мол, перед вами не кто иной, как потомок знаменитой француженки – госпожа Лесталь- де Сталь! И к дочери своей, тоже, естественно, потомку, (имелась ввиду я) требует особого отношения. Потомков знаменитых фамилий нужно беречь! С этого момента директор возненавидел меня лютой ненавистью. Возможно, если бы тётушка сказала, чей я в действительности потомок, директор, потерявший в войну ногу, носивший на военной гимнастёрке орден даже в будние дни, отнёсся ко мне совсем по-иному. Но, мнимая госпожа де Сталь считала своих французских предков гораздо более значительными, чем какой-то там партизан Костя, неудачник, не умевший даже семью обеспечить, как следует. Как же возненавидел меня этот инвалид войны! У него даже голос дрожал от сдерживаемой неприязни, когда обращался ко мне. Он преподавал у нас алгебру и геометрию. Меня сразу определил на самую последнюю парту, что никак не шло на пользу моей учёбе – я всё хуже и хуже видела, но не понимала в чём дело, почему не успеваю списывать с доски? Мне и в голову не приходило, что всё дело в зрении! Кроме всего прочего, пока я ехала до Риги я пропустила самое главное – начатки алгебры. В Выборге мы по этому предмету почему-то очень запоздали, а здесь, наоборот, намного ушли вперёд. Ну не знала я, никогда не слышала, что существует формула – «А» квадрат плюс «В» квадрат равняется «2 АВ» квадрат! Вообще не слышала, что это такое - формулы и как ими манипулировать! Преподаватель вызывал меня к доске с требованием решить какой-нибудь алгебраический пример, а я не знала, что делать? Что это такое? Как к нему подступиться? Случалось, он чертил на доске геометрическую фигуру, требовал перерисовать её в тетрадь и проходил по рядам, смотрел, правильно ли мы это сделали – в моей тетрадке ничего не было. С каким сладострастием он через всю тетрадь выписывал жирнющую красную единицу! Однажды к нам на урок пришёл инспектор и сел на мою последнюю парту рядом со мной. Я сидела одна. Математик предложил нам, ученицам, самостоятельно доказать какую-то теорему. Мне было очень интересно, хоть какой-то элемент творчества! Я на удивление быстро доказала эту теорему! Оказалось – доказала совсем не так, как предлагалось в учебнике! Преподаватель собрал тетради и, бегло просмотрев наши работы, с иронией заметил на мой счёт: «Ну вот, одна из всего класса не справилась!» Неожиданно вдруг за меня заступился инспектор! Оказывается, существовало и

такое доказательство этой теоремы! Теперь я окончательно уверилась, что не тупица, как утверждал математик.

С нами в Риге жили ещё родители тёти Фриды – дед Густав-Кузьма и бабушка Анни. Очень религиозная, ревностная лютеранка, бабушка Анни старалась и меня приобщить к религии. На лютеранскую пасху она наварила и накарсила яичек, и мы направились в функционирующую лютеранскую церковь. По-моему, бабушка её называла кирхой. Я шла с ещё тёплыми яичками в кармане пальто и заранее всю дорогу восторженно произносила в уме все молитвы, которым меня научила бабушка. Я с трепетом ожидала таинства – таинства приобщения! У церкви собралась немыслимая толпа! Не думаю, что в Риге жило столько лютеран, тем более – речь слышалась в толпе сплошь русская, а уж в России лютеран вовсе не водилось! Просто это была единственная в городе действующая в те дни церковь и приезжие из России, где всё такое находилось под запретом, ринулись сюда, чтобы хоть как-то приобщиться к святому! Запретное всегда притягивает, тем более что люди, пережившие кошмар войны, всё чаще и чаще стали подумывать о НЕБЕ, о ЗАСТУПНИКЕ, о ЧУДЕ! Мы с бабушкой потеряли друг друга и, когда по толпе пронёсся шёпот: «Крестный ход! Крестный ход!», меня так зажали, что показалось – трещат кости! Кое-как я выбралась из железных объятий сумасшедшей толпы и заплакала. Я заговорила с Богом, как разговаривала когда-то моя другая бабушка – Анна. Я обратилась к нему с упрёком. Почему? Почему, когда я только-только начала страстно приобщаться к церкви, он так жестоко со мной поступил? Увы! Вера моя поколебалась! В отместку я решила пойти на утренний сеанс в очень красивый кинотеатр под таким же красивым названием – «Сплендид-Палас». Уже с утра за билетами в кассу тянулась очередь, состоявшая в основном из подростков. Заняла и я. Стою и слышу, как сзади кто-то потихоньку пробирается рукой в мой карман. Денег у меня там не было и мне стало любопытно, что же будет дальше. Скосила глаза – парень, гораздо старше и больше меня, почти юноша. И вдруг тот как выдернет руку, как затрясёт ей, и прочь пошёл. Интересно, что же его так отвратило в моём кармане? Засовываю руку, а там какая-то слизь! Полный карман! Оказывается, бабушка яйца до крутого не доварила, в толпе мне их раздавили, и оказался полный карман жидкого белка и желтка. Вот так не состоялось моё приобщение к религии, как не состоялся и побег в Америку. Но и тут в Риге всё было сейчас почти, как в Америке. Прекрасный город, прекрасные подруги – весь класс! – которым всё равно, что я двоечница! А вечерами, когда, сделав уроки, я садилась у топлённой кафельной печки в тётушкиной спальне и она включала радиолу, музыка, почти как в тех американских фильмах, ввергала меня в состояние расслабленной, мечтательной эйфории! К тому же, и здесь не обходилось без приключений, которых душа моя всё время жаждала!

Сию однажды дома... одна. По-видимому, было воскресенье. И тётушка с дядюшкой, куда то ушли, и стариков дома не было. Звонок в дверь. Спрашиваю – кто? «Это Цыганский барон! Начальник нужен!» Вот это да! Я совсем недавно прослушала по радио оперетту – «Цыганский барон». Открыла не раздумывая. Стоят трое мужчин, все красавцы, руки в золотых кольцах. У одного в руках мешок и там что-то трепыхается. Спрашивают начальника. Ах, нет дома! Тогда передайте ему, что Цыганский барон очень извиняется, возвращает долг и очень просит не сердиться на его людей! И высыплют из мешка пяток роскошных, каких-то суперпородистых кур! Оказалось, что на станцию Рига-товарная прибыл эшелон цыган из Молдавии. Прибыл и застрял в ожидании дальнейшей своей цыганской судьбы. А жрать-то надо! Вот цыганки и стали рыскать по ближайшим дворам. В результате их набегов из тётушкиного сарая исчезло три курицы-несушки. Дядя Володя в гневе пошёл к их начальнику-барону и пригрозил, что зашлёт эшелон в самую глубь Сибири. Барон страх как испугался и поспешил сторицей возместить ВСЕСИЛЬНОМУ начальнику украденное. Так в тётушкином сарае завелись очень породистые несушки, чьи яички оказались намного крупнее обычных. Где только они таких украли? Потом этот барон ещё не раз приходил к тётушке, приносил какие-то подношения, в надежде, что она сумеет уговорить супруга, никуда эшелон не отправлять, а оставить насовсем в этом благодатном крае. Не думаю, что такое было в компетенции начальника станции, однако цыгане так и остались в Риге и поселились потом на рижском взморье в местечке Каугури. И сейчас там живут. Однажды тётя Фрида спросила у барона, что означает золотая брошь на его галстук – якорь, сердце и крест. Вера, надежда, любовь – ответил он таким завлекательным голосом, что я тут же влюбилась в этого чернявого красавца.

Однако самым главным приключением, которое напрочь смазало задумку побега в Америку, были ТАЙНЫЕ – а это уже приключение! - посещения просмотров в местном Доме кино! Дядя Володя к этому времени пришёл к выводу, что, раз государство нас, рядовых обитателей, обманывает, где только может, то не грех и нам его обмануть при подходящей возможности. И стал напропалую брать взятки! Через Рижскую товарную станцию проходило множество товаров, вроде бы предназначенных для всеобщего пользования, но почему-то никто из простых обитателей таких товаров и в глаза не видел. Во время отправки груз было в компетенции начальника станции, и к дядюшке потоком потекли ящики с апельсинами, шоколадом, икрой, новомодными капроновыми чулками, которые пока что в магазинах не появлялись, но об их необыкновенных качествах уже ходили слухи. А Эльфрида Густавовна де Сталь решила и здесь наладить киношные связи. Но так как она была уже не прежняя, юная нордическая красавица, да и для этих прибалтийских мест не являлась экзотикой, ей удалось обзавестись всего лишь знакомствами околкиношными, и то, благодаря только ящикам с подношениями проезжих дельцов. Во всех столицах союзных республик существовали такие учреждения, как «Дом кино», где для местной киношной элиты устраивались закрытые просмотры фильмов, которых простым смертным не положено было видеть. Существовал такой дом и в Риге, и там, почти каждый вечер, крутили немецкие трофейные фильмы, созданные ещё при Гитлере. После официального просмотра, коробки с фильмом оставались в будке киномехаников до утра. Когда «допущенные» расходились по домам, те собирали своих близких знакомых и прокручивали им всё, что только что прокручивали элите. Вот в такую компанию пробралась и моя тётушка. Поздним вечером она набивала объёмистую сумку апельсинами и шоколадом и, прихватив меня, стараясь не привлекать внимания прохожих, оглянувшись по сторонам, - чем не приключение! - вместе со мной проскальзывала через незаметную дверь чёрного ходжа в заветный Дом. Там её встречали с распростёртыми объятиями. Даже, по-моему, охотно соглашались, что она и в самом деле госпожа де Сталь. Все просмотры проходили под дружное хрумканье и чавканье, под флёр апельсинового аромата. Ни один, правда, из увиденных тогда фильмов, кроме, разве только, приключений Тарзана с Джонни Вайсмюллером в главной роли, не произвёл на меня впечатления. Даже я, не профессионалка, определила, что это всё идеологизированные поделки, очень посредственные, с незамысловатой фабулой. Во многих главными героями были обязательно две пары. Одна сплошь положительная, вторая – тоже положительная, но комическая. Если у первой пары все было строго пристойным, то у второй пары всё было смешным – и коллизии, в которые они попадали, и утрированная одежда: если шляпка, то с немыслимыми полями; если цветок в петлице, то какой-нибудь подсолнух. Возможно, отвращало меня от этих фильмов и то, что они были фашистскими. Помню, в одном сам Гитлер вручил главной героине какую-то награду. Больше всего меня привлекало в этих походах чувство необыкновенного ночного приключения! Только всему этому скоро пришёл конец! Всевидящее око НКВД, вскоре заприметило проделки незадачливых киномехаников, и их всех арестовали, инкриминировав бедолагам проведение фашистской пропаганды. Лавочка закрылась! Но тут подоспело лето!

Увы! Директор оставил-таки меня на второй год! Но это почему-то меня не угнетало! Возможно потому, что доказав когда-то теорему самостоятельно, я поверила в себя! Это было главным, а остальное – суета сует!

И летом я тоже находила на свою голову не мало приключений, без них мне как-то скучно жилось, и я предпочитала уж лучше пусть даже неудачное приключение, чем ничего. В то лето мне удалось испытать, что же такое власть над другим человеком. Признаюсь, что сначала мне это понравилось – «состояние власти», пусть даже всего лишь над одним человеком! Но потом... Однако - всё по порядку. Этим летом у тётушки с дядюшкой гостил и Витька. Ну, тот, с которым мы хотели бежать в Америку. Именно в то как раз время дядя Володя увлёкся одной дамой, жившей где-то на взморье. Что ни вечер укатывал он на мотоцикле, как подозревала тётушка, к ней и возвращался поздно ночью, да ещё в хорошем подпитии. Пассия его была обеспеченной женой генерала, служившего где-то далеко. К этому времени тётя Фрида уже стала ревнивой – с возрастом у самой поклонников поубавилось, даже можно сказать, вовсе не стало, и она оказалась в неравных условиях с супругом. На её упрёки дядя оправдывался, что, мол, приходится застольничать с начальством, вот куда он ездит – не будешь подлаживаться, можешь и работу, такую выгодную,

потерять. Каким-то образом, узнав адрес той разлучницы, тётя Фрида послала нас с Витькой проследить, заезжает ли её супруг по этому адресу или нет. Итак! Намечалось приключение! Чтобы полнее вкусить его прелесть, я переоделась в Витькин костюм. Тогда ещё не было принято девочкам носить брюки и, такое переодевание, было уже многообещающей прелюдией к заманчивому приключению. Мы быстро отыскали на станции на взморье нужный адрес и залегли в кустах. Через некоторое время затрещал мотоцикл, остановился у ворот. Из ворот выпорхнула дамочка, открыла их настежь, и приезжий вкатил туда своего железного коня. Мы с Витькой почему-то засомневались – дядюшка ли это приехал? Я-то действительно сослепу не рассмотрела в сумерках, но моя неуверенность передалась и Витьке. Мы решили залезть во двор и заглянуть в окно. Только вот незадача – все окна оказались зашторенными! Однако мы хорошо сумели рассмотреть мотоцикл, стоявший у освещённого крыльца. Уж его-то мы узнали сразу! Сколько раз дядюшка заставлял нас мыть и чистить его! Теперь со покойной душой можно было доложить тётушке, что задание выполнено на отлично! И тут выяснилось – последний пригородный в Ригу давно ушёл! Ничего не оставалось, как добираться пешком. Заблудиться в темноте нам не грозило – до Риги вело прямое освещённое шоссе, только вот идти пришлось очень долго! Идём мы, идём, и, ни с того ни с сего, Витька начинает канючить. А вдруг, мол, на нас нападут бандиты! Я то закалённая лесными походами в Выборге и мне как-то не страшно! Но вот на фоне неба, более светлого, чем дорога и окружающий лес, появляются несколько мужских силуэтов. Они ещё довольно далеко. Витька шепчет в ужасе: «Что же нам делать?! Что же нам делать?!» «Спрячемся в придорожной канаве!» – мгновенно соображаю я. Так и делаем. Честное слово – я не отношусь к разряду смельчаков, но, не знаю почему, тут я была уверена, что это никакие не бандиты и ничего они нам не сделают. Какой-то бес вселился в меня. Я выглянула из канавы, увидела, что те люди давно прошли, но в тон Витьке шёпотом запричитала, что, мол, они направляются к нам. Витька вообще весь уже заходится от ужаса. А я подбавляю страху. Снова выглянула и сообщаю, что у одного в руках блеснул нож. Тут Витька дико завопил, вскочил и побежал, что было силы. Еле его догнала! Еле успокоила. Вот и не помню – было мне потом стыдно за такой сволочизм или нет? Во всяком случае, больше у меня в жизни никогда не возникало желания почувствовать хоть на секунду над кем-то власть. Хотя, кто его знает, может быть, просто не предоставлялось возможности?

А вот тут меня тянет пофилософствовать! Ничего, что я слабенький философ, но ведь на философствование имеют право все! Ну, так и воспользуюсь. А уж вы, умудрённый в подобных упражнениях, читатель, можете пропустить этот абзац. Так вот я сейчас подумала – возможно, очень плохо, что я не развила в себе это качество – желание повластвовать над человеком. Оно очень бы мне пригодилось в дальнейшей работе в кино. Ой, как мне его не хватало! Но что же, что заставило меня избавиться от него? Конечно же, в первую очередь, какое-то христианское непротивление, какое-то – всё суeta суeta! – накрепко внушённое мне когда-то бабушкой, и ставшее моим подсознательным руководством по жизни. Ну, и, во-вторых, как ни странно покажется, – очень много тут сделала моя ФАМИЛИЯ! Что это значит? Как? Постараюсь разобраться в этом чуть позже, когда мы с читателем приедем в Минск. А пока...

Лето кончилось и пришлось мне снова идти в шестой класс. Только не в Риге, а снова в Выборге. Мама рассердилась на тётушку с дядюшкой, что допустили, чтобы меня оставили на второй год, и забрала меня от них. Наконец-то я узнала, что существует на свете формула – «А» квадрат плюс «В» квадрат равняется «2АВ» квадрат. Ну почему мне раньше никто не сказал этого? Узнала, и алгебра пошла как по маслу! Так вот в чём был секрет? Ха! Все остальные предметы я знала, учёба заладилась на сплошные пятёрки! Могла бы и в отличницы выйти, если бы не случилось... И почему же это с нами всё время что-то случалось?! Началось с того, что к нам часто стал навеваться какой-то очень неприятный тип. По-моему, он первый раз появился, когда застрелился Лёша. Потом на какое-то время исчез и вот возник снова. Он приходил неулыбчивый, и веяло от него холодом, знаете, как в сказках, когда появляется скрытое зло, в воздухе веет вдруг могильным холодом. Он приказывал нам, детям, пойти погулять. Не приказывал, а просто говорил, но таким ледяным голосом, что мы тут же мигом убегали. После его бесед с мамой у неё, как правило, портилось настроение. О чём были эти беседы, она рассказала мне лишь много лет спустя. Конечно же, это был КГБист. Он пытался завербовать маму сразу ещё после гибели Лёши,

угрожая, что может сделать так, что её обвинят в причастности к смерти юноши. Но тогда мама наотрез отказалась, он отступился, и вот объявился вновь! Сейчас он требовал, чтобы мама следила за Нинкой-длинной. Та работала в фашистском госпитале, несомненно, фашисты её завербовали и теперь она скрытая шпионка. Мама должна была следить за каждым её шагом! Провоцировать на откровенные разговоры, записывать каждое слово, сказанное ей, и обо всём докладывать этому товарищу. Мама наотрез отказалась и на этот раз! Он стал стыдить маму, мол, как же вы так можете прощать всё немецкой проститутке? Возможно, она как раз лечила того немца, что стрелял в вашего мужа! Мама не поддавалась, и тогда он стал прибегать к скрытым угрозам. Так, между прочим, замечал вдруг, что дети в детдоме, как правило, без материнской ласки и заботы, вырастают ущербными... И всё в таком роде. Мама совсем было отчаялась. Лихорадочно искала выход – как же избавиться от такого наваждения? Она ни за что, ни за какие посулы, не могла стать стукачом. Это было заложено в нашем роду на генетическом уровне! Выход, довольно сомнительный, но, пока единственный, подсказал ей наш новый сосед, поселившийся с семьёй, после отъезда дяди Володи, в его комнатах. Хитрый деляга, он был неплохим психологом. Начал он свои заходы издалека. Как-то так, вроде бы, между прочим, он всё рассказывал, всё описывал, какая распрекрасная жизнь сейчас в Виннице. Овощи там почти что даровые! Подсолнечное масло льётся рекой! Всего в изобилии, всё дешёвое-раздешёвое! Климат изумительный! Нет нужды ни в тёплой одежде, ни в тёплой обуви! Можно жить почти весь год на улице, была бы только крыша, от дождя и всё! Как потом оказалось, ему срочно нужно было скрыться и так, чтобы никто не узнал и не догадался – куда и как! В Выборге он промышлял браконьерством. На многочисленных озёрах глушил рыбу, которую потом возил на продажу в Ленинград. Его в конце концов вычислили рыбнадзор и налоговая инспекция и предъявили требования на уплату огромного штрафа и огромнейшего налога! Мамины неурядицы представились ему даром судьбы. Быстро сообразил, как можно незаметно сбежать из города! Таки, уговорил маму заказать товарный вагон для переезда – семье погибшего железнодорожника, да ещё и Героя такая одноразовая услуга от дороги полагалась, всего по какой-то символической цене. Конечно же, погрузился он вместе с нами и никакая налоговая инспекция долго, наверное, разыскать его не могла. Выгрузились мы на платформе в Виннице и наши попутчики тут же исчезли, не оставив ни адреса и не удосужившись хотя бы помочь женщине с детьми занести вещи в здание вокзала. Мама оставила нас прямо на товарной платформе сидеть в мягких роскошных креслах, накрыла сверху всеми, какие были одеялами – нас, чтобы не простудились и мебель, чтобы не испортилась, и побежала изыскивать возможность как-то устроиться на новом месте. Долго ли, коротко ли, пришла мама с какой-то разбитной толстой тёткой, которая тут же «на корню», почти за бесценок, купила всю нашу мебель. Жильё мама нашла на окраине города - проходную комнатку в хатке с земляным полом у очень доброй, но такой же, как и мы, нищей солдатской вдовы-хохлушки с сыном, примерно моего возраста. Я не замедлила в этого очень стеснительного мальчика платонически влюбиться, хоть он и был заикой – а, может быть, именно потому, ведь заикаться он начал из-за того, что с ним произошло. В дни оккупации он с товарищем набили на доски гвоздей, так, чтобы острия вышли с обратной стороны, и положили эти доски на дорогу, немного присыпав пылью. Сами залегли в кустах и стали ждать, когда пойдут немецкие грузовики. Появилась колонна грузовиков с солдатами и первая же машина проколола передние шины. Соскочившие солдаты дали автоматную очередь по кустам. Испугавшись, мальчики кинулись бежать. Другу удалось удрать, а хозяйкиного сына немцы поймали и бросили под машину. Ему удалось как-то проползти между колёс, пока вся колонна из шести грузовиков ни прошла над ним. Три дня мальчик дома не появлялся, а когда явился, обнаружилось, что стал сильно заикаться. Он очень стеснялся своего недуга, а я, тоже стеснялась как-то проявить к нему внимание, вот и любила издалека. В школе у меня шли дела отлично, а дома – всё у нас было из рук вон плохо! Оказалось, что на пенсию здесь тоже, как и в Выборге, почти невозможно прожить. Работу мама могла найти только одноразовую – постирать у кого-то бельё. И платили за неё копейки. А тут ещё наступили зимние холода, почти такие же, как бывали и в Выборге. И в этом нас тот жулик обманул! Добрейшая наша хозяйка уже привыкла жить в таких условиях, а мы все трое мигом простудились в комнате с земляным полом, и мама поняла, что, если тут же не уберёмся отсюда – нам каюк! Ей ничего не оставалось, как написать слёзное письмо дяде Володе.

Тот к этому времени обзавёлся солидным хозяйством – коровой, овечками, поросёнком, даже индюшками. Старики, родители тётушки, уже не справлялись досматривать всю эту живность, вот дядя Володя и прислал нам письмо с разрешением приехать. Вещей у нас уже почти никаких не осталось, поэтому мы, лёгкие на подъём, быстро оказались в Риге. Мне повезло! Директор в школе сменился. Теперь директорствовала очень милая, добрая женщина. Звали её, помню, Сабина Викторовна. Фамилия была какая-то замысловатая, но никаких дразнилок, как мы это делали по отношению ко многим учителям, нам просто не позволяла совесть придумывать для неё.

Но! НО! Но! Что-то стало с моим дядюшкой! Возможно, пребывание в постоянном напряжении, в постоянном страхе – за взятки грозило немалое наказание – напрочь испортило его характер, и он всё вымещал на нас. Мама работала, не покладая рук. Даже я, после школы обязана была сменять бабушку и несколько часов пасти корову. Мама и дед, Густав-Кузьма, два раза в день привозили на ручной тачке отходы с овощеперерабатывающего завода, расположенного километрах в трёх от нашего дома. Затем мама должна была рассортировать эти отходы, заправить отрубями, проварить и накормить живность. Корм приходилось таскать ведрами на и со второго этажа до сарая во дворе. А дядька всё был недоволен. Приходя вечером с работы, он, как правило, на целых полчаса, каким-то нудным голосом заводил своё: «Ну что, пис-да-братия?» - так он нас теперь величал. Я нарочно написала это слово через чёрточки, чтобы как-то сгладить его похабное начертание, оставив звучание, таким, как оно было в дядькином произношении. «Ну что, пис-да-братия? Хорошо вам у дядюшки, объедалы-прихлебалы?» При этом мы должны были смиреннько сидеть и с благодарной улыбкой кивать, что, мол, хорошо, очень хорошо! Спасибо, дорогой дядюшка! С той поры я дала себе клятву, что никогда, ни за что, ни за какие блага, ни перед кем не буду заискивать, что бы мне это ни сулило, какие бы блага не предвещало! Я стала уговаривать маму устроиться хоть на какую-нибудь работу, только бы уйти от дяди Володи! Но тот вдруг решил отдать её замуж. На очередную пирушку он пригласил жениха – того библиофила, что подарил когда-то тётушке книгу с описанием жизни мадам де Сталь. Несметно богатого!- как с уважительным придыханием обозначал его дядюшка. Да, вот, к слову, о пирушках. Я заметила за время многолетнего приобретения жизненного опыта, что воры и жулики почему-то стремятся поскорее прокутить ворованное. Вот и дядя Володя начал раза два-три на неделю устраивать пирушки, на которые приглашал начальствующих чиновников или таких подпольных миллионеров, как тот библиофил. Нас с сестрёнкой принарядили, а претендент на мамину руку принёс нам в подарок книжку – записки очень модной среди гимназисток начала века писательницы Чарской. К слову скажу, они мне не понравились совершенно! И жених, очень старый, какой-то весь облезлый еврей с отвисшей губой, внешне мне тоже ужасно не понравился, но решать было маме, и я старалась держаться за столом так, как воспитывала меня в раннем детстве бабушка. По дядюшкиному требованию мама должна была продемонстрировать свои кулинарные таланты. Она подала суп и вдруг я обнаружила в своей тарелке прусака. Эти твари иногда появлялись в доме. Очень хорошо помня бабушкины наставления, я, задержав дыхание, проглотила гадкое насекомое. Как видно, наше семейство, особенно мама, понравились жениху, и он был в ударе! Весь вечер он показывал незамысловатые фокусы. Складывал салфетку, всё время приговаривая: «Гопсель-мопсель! Гопсель-мопсель!» Потом этой салфеткой взмахивал, и оттуда выпадала чайная ложка. Дядя Володя и тётя Фрида, провожая Гопсея, чуть ручки ему не целовали. Очевидно, дядька связывал с ним какие-то свои меркантильные надежды, а, может быть, просто преклонялся перед богатством? Во всяком случае, когда жених ушёл, дядя Володя устроил нам разгон – по его мнению, мы не слишком старательно привечали богача. Особенно его возмущало то, что я съела прусака. «Ты что, хотела показать, что я вас голодом морю?!»- кричал он. «Таракана сожрала, идиотка!» Почему бабушка воспитывала меня и не воспитала его, своего сына в такой же манере? По-видимому, пока она находилась в длительных поездках по добыванию продуктов, сын воспитывался на улице. Видимо так. Короче, в конце разгона мама заявила вдруг, что не пойдёт за Гопсея ни за какие деньги. Это на мгновение повергло дядьку в шок. Он просто слов не находил. Он не мог даже представить себе, что от «счастья» можно отказываться. С этой поры жизнь наша у дядьки превратилась в ад!

Мама, наконец, решила уйти от брата. Она неплохо шила и подумала, что сможет зарабатывать шитьём. Вот только швейная машинка, ещё прабабушкина - «Зингер», осталась при отъезде в

эвакуацию вместе со всеми вещами на ленинградской квартире у Питулайниных. Железнодорожники во всём Союзе всё всегда друг о друге знали. Дядя Володя как-то говорил, что Питулайнин сейчас занимает какой-то руководящий пост на железной дороге в Минске. Вот мама и написала в Минск Питулайниным письмо с просьбой переслать багажом нам в Ригу нашу швейную машинку. И вдруг получаем от дяди Миши Питулайнина письмо, сплошь состоящее из восклицательных знаков. Оказывается, в Белоруссии никто не знает, куда подевалась НАСТОЯЩАЯ семья Заслонова. Он, Питулайнин, посылал запросы в Бугуруслан и в Алма-Ату, но нас там не обнаружилось. Объявляются какие-то самозванки, выдающие себя за жён, но настоящую-то семью очень многие знают и аферисток сразу разоблачают. Он уже подумывал, не вышла ли мама замуж и сменила фамилию? Он настойчиво приглашал нас в Минск – здесь нас встретят и обогреют, и помогут всем, чем только возможно! Не раздумывая, мама тут же собралась и мы налегке, собственно, и обременять-то себя было нечем, отправились прямиком в Минск. Буквально, через несколько месяцев, после нашего отъезда арестовали Гопсея, а, следом за ним, и дядю Володю. Кто-то из участников бывших пирушек, написал на дядюшку, что живёт он не по средствам. Маму вызывали в Ригу, как свидетельницу, и ей удалось выгородить брата. Она описала, какое огромное хозяйство держал брат - вот и доходы, вот и средства! Дядьку отпустили, а следователь неожиданно влюбился в маму и сделал ей предложение. Но у нас только-только началась новая жизнь в Минске, и маме совсем не хотелось возвращаться в Ригу. Жизнь наша не просто изменилась, а перевернулась на 180 градусов. И не столько в плане материальном, сколько – в моральном!

Пожалуйста! Свои впечатления от прочитанного сообщите мне по адресу: muza_ko_z@mail.ru
Или же по адресу: Беларусь; Минский р-н. г.Вилейка
Ул. Желтко 31-6; Заслоновой М.К. тел. (01771) 3-31-70.